

Александр Жданов

LIBERTY
press

Папарацци:

Ставка на zero

Папарацци: Ставка на zero

Александр Жданов

Бесплатная электронная версия. © Александр Жданов

Александр Жданов

ПАПАРАЦЦИ

СТАВКА НА ZERO

Путешествие в тысячу миль начинается с первого шага.

Лао Цзы

Несмотря на тысячелетия, ОНО было еще живо. День за днем, год за годом, столетие за столетием, ОНО медленно дышало в окружении истлевших человеческих костей и длинных юрких змей, то и дело задевавших хвостами его тайное убежище. ОНО знало, что время наступит, и они придут. Они всегда приходили, чтобы забрать ЕГО, но каждый раз оставались здесь, на этой каменной плите, покрытой древними письменами и знаками. Эти не станут исключением. Они тоже умрут. Как умирали все, кто пересекал границу сакрального мира.

Нужно уметь слышать.

Нужно уметь видеть.

Чтобы услышать и увидеть ЭТО.

Последнее чудо.

Последнюю тайну, о которой до сих пор слагают легенды.

ПИТЕР

Когда Бог хочет сделать подарок, он заворачивает его в проблему. Чем больше проблема, тем больше подарок. Судя по всему, Бог решил одарить меня настоящим сокровищем. В перспективе. И только ему известно, когда эта перспектива станет реальностью. И станет ли.

Все плохо. Нет, не так. Все ошеломляюще плохо. Так плохо, что хуже быть уже не может. Это так кажется. Еще как

может!

Жизнь подобна американским горкам: вверх-вниз, голова кружится, пульс зашкаливает, дыхание прерывается. Постепенно привыкаешь к этому состоянию, ловишь драйв, мечтаешь о том, что завтра будет чуть лучше, чем вчера, а послезавтра еще круче. Начинаешь верить в чудеса, верить в людей, в то, что этот мир, в общем-то, неплох, где-то он даже забавен, где-то прекрасен. Мечты сбываются. И вот в этот самый момент, когда они сбываются, трос в твоей маленькой кабинке-жизни обрывается, и ты летишь в тартарары. Со всей высоты своих желаний и многочисленных амбиций.

Падать больно. Но еще больнее оказаться в точке под названием zero. Когда очень многое осталось позади, но впереди нет ничего. Вообще ничего. А здесь и сейчас – сосущая пустота. Ну, и обломки твоей прошлой счастливой жизни.

Я сидел в уличном кафе напротив Казанского собора. В лицо бил косой дождь. На столике – чашка кофе и желтый сморщенный кленовый лист. Каким ветром его сюда занесло? Каким ветром сюда занесло меня?

– Может, вы зайдете внутрь? – официантка ежилась под холодным ветром, и мне ее стало жаль. А ей, похоже, жалко меня.

– Спасибо, мне и здесь неплохо.

Она бросила обеспокоенный взгляд и ушла. Наверное, для нее я очередной городской сумасшедший. Плевать. Чужое мнение – последнее, что меня сейчас интересует.

Я сделал глоток кофе и снова ничего не почувствовал. Уже месяц ничего не чувствую: ни вкуса, ни запаха, ни холода.

Только боль и осознание проигрыша.

Я все потерял. Звучит драматично, но это так. У меня больше нет ничего: карьеры, работы, дома, страны, но главное – у меня больше нет мечты. Я сам по себе. И теперь осталось решить: оставить все как есть или попытаться побарахтаться – авось выплыву. Надо ли? Вопрос интересный.

Все люди совершают ошибки. Собственные ошибки – это даже неплохо, это своего рода жизненный опыт. Гарантия, что в следующий раз ты не наступишь на те же грабли. Другое дело, когда ошибку совершает кто-то другой, едва знакомый, но она стоит тебе жизни. В моем случае фигурально, но от этого не легче.

В кармане сто долларов. Весело. Обхохочешься.

Конечно, я могу позвонить друзьям и родным. Могу к ним приехать. Остаться. Поговорить. Но не хочу. Не хочу ничего объяснять. Как-то глупо рассказывать, что тебя кинули. Подставили. Глупо и бессмысленно. Кто-то позлорадствует: «Ну, что везунчик! Теперь понял, каково это – остаться не при делах?» Кто-то посочувствует: «Почему это случилось с тобой?» Но моей проблемы это не решит. Ничего нельзя изменить. В данный момент я должен был встречать весну на другом континенте, но вместо этого – встречаю осень в Питере. Намокший от дождя рюкзак. В кармане сто баксов. Есть еще фотоаппарат, ноутбук и загранпаспорт. Все мое богатство.

Watchman как-то сказал, что период катастрофы бывает в жизни любого человека. Мир проверяет тебя на прочность – сломаешься или нет.

– **Испытания даются по размеру души,** – сказал Watchman. – У маленькой души – испытания смешные, как грибной дождь – поморосил, и снова солнце. Было – и прошло. Маленькая душа их не запоминает. Это даже хорошо – жить в мелких проблемах: не выдали зарплату – катастрофа, украли кошелек – катастрофа. Но вот **если Бог дал тебе талант, силы и возможность сделать мир лучше, жди цунами.** Оно будет, каким бы неуязвимым ты себя ни считал. Мир разрушится. Какое-то время ты будешь жить на острие боли, обиды и отчаяния. Но затем станет легче. Человек привыкает ко всему. Важно помнить: когда наступит катастрофа, сохрани дыхание и спокойствие. Дыши и думай. Ведь только от тебя зависит – выживешь ли...

– Но это ведь страшно: иметь все и вдруг в одночасье потерять, – ответил тогда я, успешный и везучий Нежданов, любимец фортуны и богов. – Какое уж тут спокойствие?

– А что вы можете потерять? – удивился Watchman.

– Дом, близких, деньги, имя... Да много всего! Вот живет человек, он на пике славы, богатства, любви, и вдруг он становится никем. Лузером.

– Лузером становишься в ином случае, – не согласился Watchman, – если разрешаешь себе стать лузером. История знает немало примеров, когда жесточайшее поражение оборачивалось великой победой, и наоборот.

– Я не знаю, как буду жить, если все потеряю.

– А вы не пробовали жить налегке?

– Как это? С рюкзаком и автостопом?

– Как вариант. Чем плох рюкзак и возможность путешествовать? Видите ли, Саша... Мы живем в мире

условностей. Хороший дом, машина, счет в банке, счастливая семья – все это условности. Это набор стереотипов, которые нам нужны, чтобы быть счастливыми. То есть мы думаем, что будем счастливы. Мы придумываем себе мечту и тратим жизнь на то, чтобы ее воплотить в реальность. Зарабатываем деньги, тратим их на что-то очень нужное и на что-то совсем не нужное, тонем в отношениях, выплываем из них и снова тонем. **Мы создаем искусственную жизнь с массой вещей, людей, событий, реализованных желаний. Но счастливы ли мы?** Подумайте о том, что вас окружает. Это всего лишь вещи. Это всего лишь люди. Это всего лишь деньги. Это всего лишь ситуации. Иллюзия. Условность. А вот вы – не условность. Вы – реальность. И пока вы существуете, пока вы живы и здоровы, у вас всегда есть шанс. Запомните – всегда.

– Шанс на что?

– На то, чтобы обрести себя. Понять свое предназначение. Идти дальше. **Дорога в тысячу миль начинается с первого шага.** Жизнь никогда ничего не дает и не отбирает случайно. Когда вы что-то находите или когда вы что-то теряете, это предначертано. Значит, это вплетено в рисунок вашей судьбы. Не бойтесь терять, Саша. Каждая потеря означает обретение в будущем. Это и есть основа бытия – равновесие. Все должно быть уравновешено. И горести, и счастье. Без одного трудно понять другое.

Если в вашей жизни произошла катастрофа, делайте ставку на зоро. В ста процентах случаев она выигрышная.

– Вы позволите? – рядом присел импозантный мужчина лет сорока пяти, одетый в черное. – Хочу составить вам

компанию.

– Пожалуйста, – рассеянно ответил я. – Если вам нравится сидеть на холоде.

– Признаться, не очень, предпочитаю тепло и уют, – мужчина поднял пузатый бокал с коньяком и сделал глоток.

– Однако сейчас я вынужден подстраиваться под обстоятельства. У вас проблемы?

– Почему вас это интересует?

– Скажем так, я люблю наблюдать за людьми, – усмехнулся он. – Вы второй час сидите под дождем, пьете кофе чашку за чашкой, и ваше лицо отражает весь спектр эмоций, которые можно свести в один единственный вопрос: что же мне делать? В таких ситуациях человек наиболее уязвим. Он способен принять неправильные решения или совершить какие-либо поступки, за которые впоследствии ему будет стыдно или неприятно.

– Вам-то какое дело?

Он закурил сигарету.

– Грубовато, но, учитывая обстоятельства, сделаю вид, что не заметил вашего настроения... Итак, какое мне дело? Вопрос немного преждевременный. Он должен звучать так: «Кто вы, и какое вам до меня дело?»

– Кто вы?

– Уже лучше. Я тот, кому интересны вы и ваша судьба. И что-то мне подсказывает, что в вашей судьбе я сыграю далеко не последнюю роль, – он снова сделал глоток коньяка и посмотрел мне прямо в глаза. – Петербург – мистический город. В нем начинаются самые невероятные истории, происходят удивительные события. И вот одно такое

событие произойдет именно сегодня. Сегодня начинается история, в которой вы станете одним из героев. Кто знает, может быть, даже главным героем. Уверяю, вам будет очень страшно и интересно.

– Зачем вы мне все это рассказываете? – я почему-то поежился.

– Вы не поняли? – столбик пепла упал в середину пепельницы. – Я ваш черный человек. Надеюсь, вам не нужно объяснять, что это за образ.

Черный человек,

Черный, черный,

Черный человек

На кровать ко мне садится,

Черный человек

Спать не дает мне всю ночь.

– Вы поклонник Есенина? – я поднялся, давая понять, что этот странный разговор для меня окончен.

– Отнюдь. Я вообще не люблю поэзию. Я за прозу жизни. Просто хотел вас предупредить: с этого момента не доверяйте никому. Иначе вы проиграете, Александр. И ваша ставка на зеро окажется совершенно бесполезной. Мы с вами еще встретимся, в другом городе, при других обстоятельствах. Встретимся, когда вы к этому будете готовы. Удачи! Игра началась.

Незнакомец кивнул на прощание и пошел прочь.

Откуда он знает мое имя? Кто он? Я посмотрел ему вслед и выбросил эту нелепую встречу из головы.

...Дождь неожиданно закончился. Свинцовое питерское небо стремительно светлело, расцветая прозрачной осенней

акварелью. Над Невским, подобно призрачному кораблю, плыла огромная яркая радуга. Казалось, протяни руку – и дотронешься до нее.

Я улыбнулся. Все просто. Черт возьми, как все просто!

Уехать. Вот, что мне сейчас нужно. Купить билет в один конец. Неважно, куда. И плевать, что я не встречу весну на любимом континенте, я ведь могу встретить осень, зиму и лето где-то еще... С новыми людьми, с новыми странами, с новыми городами, с новыми событиями. Налегке. Впервые в жизни у меня нет никаких обязательств. Ни перед кем. Разве что перед самим собой. Я волен делать, что хочу.

Я еще улыбался, когда зазвонил телефон.

* * *

21 мая 1997 года был обычным днем. Не лучше и не хуже, чем остальные.

Но в этот день произошли два события.

В Вашингтоне компания «Mattel» провела презентацию своего нового изделия — куклы Бэкки, политкорректно именуемой «частично нетрудоспособной подружкой Барби». Подружка-калека продавалась в комплекте с инвалидной коляской розового цвета.

В Москве ровно в 13.00 в платной родильной палате на свет появилась девочка. Рост 57 сантиметров, вес – 3100 грамм.

Через три часа роженицу навестил новоиспеченный папаша, московский бизнесмен средней руки. Увидев дочь, отец залепил пощечину своей гражданской жене и молча вышел. Как выяснилось, навсегда. Счета, правда, он оплатил.

Через три дня мать написала отказ от ребенка и исчезла в клубке московских улиц.

Этим ребенком была я. Если в моей жизни и была фея, то она в тот день жестко лоханулась. И с крестницей, и с подарками. В тот день вообще была полная непраха, и нам с феей круто не повезло.

К тому времени, как я научилась говорить и думать (эти два события почему-то случились одновременно), я уже жила в детском доме и четко знала: мне ничего не светит. Ни волшебной лампы Алладина, ни дачного фонарика, ни звездного софита. Ничего. Глухо.

Имя и фамилия, придуманные работниками дома малютки, были никакими: то ли Света Иванова, то ли Маша Петрова, то ли Нина Смирнова. Не суть. Все меня звали Номи. Я сама придумала себе имя, увидев четыре буквы в журнале: No me. Меня нет. Мне это понравилось: меня нет, и всем вам от этого легче.

Забыла сказать. Я страшна, как смертный грех. Нет, не так. Грехи на то и грехи, чтобы быть соблазнительными. Я же некрасива. Природа, наверное, слепила меня из того, что было под рукой. Впрочем, что толку описывать внешность, если каждый норовит отвернуться. В лучшие дни я чувствовала себя неуклюжим орангутангом, в худшие было все равно.

Когда в детдом приходили потенциальные родители, я благоразумно сидела в углу. Не дура, все понимаю. Иногда, за небольшую мзду – конфету, порцию обеда или апельсин, я соглашалась показаться рядом с потенциальным сыночком

или дочкой. Срабатывало: усыновители сразу же брали того, кто стоял рядом со мной. На контрасте.

«Брали» – как же я ненавидела это слово! Как ненавидела всех: и своего папашу-урода, бросившего мамашу, и мамашу, бросившую меня, и чистеньких симпатичных детей, и грубых воспитателей. Весь этот гребаный мир, в котором все мы были вынуждены жить. Мир, где все продавалось и покупалось, где ценились только деньги. Деньги и связи.

И все же в этом мире был человек, которого ненавидеть я не могла.

Я.

Я знала, что ни в чем не виновата. Ни в том, что мои родоки оказались ублюдками, ни в том, что я получилась такой, какая есть. Ненавидеть себя – глупо, правда? Если промолчали, и хрен с вами. «Плывать мне, что вы обо мне думаете, я о вас не думаю совсем». Старая добрая Коко Шанель с кривыми ногами. В этом мы с ней похожи.

И все же фея-крестная сделала подарок при рождении. Она наделила меня невероятным слухом. Я слышу мысли людей. Я чувствую, что сделает человек за минуту до того, как ему придет в голову эта идея. Я слышу поступь беды задолго до того, как она постучится в дверь. Различаю ложь, предчувствую предательство. Сначала мои способности приносили лишь проблемы, но со временем я научилась использовать их во благо себе.

Я мечтала петь. Это была смешная мечта. Представляю, как бы ржал зал, если бы я вышла на сцену. Сюзан Бойл в сравнении со мной – мисс Вселенная. И все же это была моя мечта, и я не собиралась никому ее отдавать.

В день своего тринадцатилетия я покинула детдом. Меня забрали.

Он приехал под вечер. Чуть пьяный. Веселый. Вручил куклу Бэкки, политкорректно именуемую «частично нетрудоспособной подружкой Барби». Хлопнул по плечу. Почесал в лысоватом затылке.

– Экая обезьянка получилась! – сказал он через паузу. – Впрочем, сойдешь. Для сельской местности.

Сельской местностью оказался весь мир. А он – моим настоящим отцом.

– Послушай, – сказал он, когда со скудным узелком я забралась на переднее сиденье его любимого бентли. – Дважды не повторяю. Ты мне не нравишься, но в тебе моя кровь. Это дает тебе право войти в мой ближний круг. Поверь, детка, в этот круг входит очень мало людей, и все они намного достойней тебя. Но, возможно, из тебя что-то и получится. Тебе придется научиться жить по моим правилам. Это сложно, но стоит того. Я дам тебе другую – роскошную, богатую и относительно счастливую жизнь, но однажды попрошу кое-что взамен. Если ты меня предашь, я тебя убью. Захочешь сбежать – найду и убью. Ты – моя собственность, пока я этого хочу. Все ясно?

Куда уж яснее. Он брезгливо выбросил узел с детдомовскими вещами в окно, и только тогда я поняла, что прошлое закончилось. Будущее было туманным. Настоящее вполне сносным.

Деваться было некуда, и я приняла правила игры. Мы колесили по городам и странам, останавливались в самых лучших отелях, бывали на самых крутых вечеринках,

общались со звездами, политиками и бизнесменами. Праздник в режиме нон-стоп. Отец был строг, но не жаден. Он никогда не повышал голос и никогда не хамил, но я видела, как после разговора с ним людей реально трясло. Его все боялись, за исключением меня. Я его, пожалуй, ненавидела, но до определенного момента он мне был интересен.

Уже во время первой поездки в Италию, после посещения «La Scala», пришлось задуматься: зачем я нужна этому человеку? Меня прослушали лучшие профессора, а после долго беседовали с отцом наедине. Он вышел после разговора очень довольным:

– Молодец, детка! Я не ошибся в тебе. Твой слух идеален. Он – абсолют, детка, твой слух.

– Я буду петь в опере? – с надеждой спросила я.

– Опера? – отец презрительно скривился, словно я спросила, не пойти ли мне на полставки в бордель. – Твое предназначение иное, детка! Поверь, тебя ждет великое будущее.

Поначалу я думала, что он взял меня от одиночества. Что ему, как и мне, хотелось быть кому-то нужным, кого-то любить, о ком-то заботиться. Очень скоро я поняла, что ошиблась. Любовь и внимание были последним, в чем нуждался этот человек. Поэтому я скоро оставила пустые мечтания о том, что мы станем одной семьей, и сосредоточилась на том, что мне предложили. Деньги, относительная свобода, образование, статус дочери миллионера. Когда есть деньги, плевать на то, как ты выглядишь. Даже уродству можно придать шик. И все шло

неплохо, пока однажды мы не приехали в Петербург. И все пошло не так.

* * *

Питер не любит пафоса. Конечно, в городе есть места, где дорого, богато и много понтов, но фишка в том, что такие клубы, рестораны, площадки для многочисленных светских тусовок долго не живут. Однажды они исчезают, и Питер стирает информацию о них из памяти. **Питер не любит шик, он с теми, кто умен, амбициозен, красив и талантлив. Истинно талантлив.** Шоу-биз не в счет.

Москва часами готова говорить об искусстве, жонглируя многочисленными проектами. Петербург – сам по себе искусство. Он как бездонный источник, из которого можно черпать вдохновение и энергию. Порой даже самые нереальные и сумасшедшие фантомы обретают в Питере плоть и кровь, становясь живыми. В Питере возможно все, даже невозможное.

Я шел по Казанской улице и думал, как причудливо иногда складывается жизнь. Одна встреча в далеком прошлом может полностью изменить настоящее и тем самым повлиять на будущее. Фишка в том, что в момент этой самой судьбоносной встречи ты еще ничего не знаешь и даже не можешь предположить, как все повернется. За редким исключением, конечно.

Моя встреча с Оксаной Куренбиной – исключение. Как только мы обменялись первыми фразами, я уже знал: этот человек в моей жизни появился не случайно. Учителя ведь

никогда не появляются случайно, правда? Они приходят тогда, когда ученик готов учиться.

Я пришел в журнал «Твой» зеленым пацаном, немного наивным, но очень себе на уме. А что вы хотите от подростка в 14 лет? Возможно, будь главным редактором в журнале кто-то другой, а не Оксана, из меня ничего бы так и не получилось.

– Послушай, Нежданчик, – сказала она при первой встрече, – в журналистику приходят тысячи, остаются единицы. Секрет в том, что имена и первых, и вторых почти никто не помнит. Знаешь, почему?

Признаться, таким поворотом я был озадачен.

– Потому, – продолжила Оксана, – что первые сходят с дистанции раньше срока, и их не успевают узнать. Вторые же бегут так долго в никуда, что теряются из виду. Все знают, что они где-то есть, но, увы, они уже неинтересны. Ты должен сразу уяснить: журналистика – один из лучших трамплинов в жизни. Она дает невероятный драйв и кураж, она учит не бояться и всегда идти вперед. И еще она помогает понять, что в этом мире нет ничего невозможного. И этим трамплином нужно правильно воспользоваться, чтобы состояться в жизни и стать тем, кем ты мечтаешь быть.

– И все же есть какой-то подвох, – осторожно предположил я.

– Срабатываемся, – улыбнулась Оксана. – Подвох действительно есть. Понимаешь, Нежданчик, из журналистики, как бы тебе ни было в ней хорошо и интересно, нужно вовремя уходить.

– Почему? – не понял я. – Зачем уходить, если будет карьера, имя, деньги, известность?

– Затем, что в определенный момент этот образ жизни начнет тебя жрать и сожрет так быстро, что ты даже не успеешь этого понять. Сначала появятся проблемы в личной жизни, и тебе придется делать выбор в пользу работы или семьи, затем наступит профессиональное выгорание, потом ты в совершенстве овладеешь профессиональным цинизмом: начнешь использовать людей, а люди будут использовать тебя. Журналистика создана для молодых и нетерпеливых. Но она очень редко становится делом всей жизни. Пока играется, играй. Но не забывай искать свое предназначение: то, что будет доставлять тебе радость и удовольствие.

Жизнь показала, что Оксана была права. На смену бесконечным съемкам, интервью, командировкам пришло понимание, что такой ритм отнимает слишком много: родных, друзей, здоровье, радость. Я стал ловить себя на мысли, что поскорее хочу отделаться от того или иного проекта, что блеск и мишура звездной тусовки вызывают во мне чувство раздражения и неприятия. И я все чаще стал задаваться вопросом, в чем, собственно, состоит мое предназначение. Наверное, это кризис. Не знаю.

Что касается Оксаны, то она вскоре реализовала свою мечту, создав **самый невероятный петербургский отель**, какой только может быть на берегах Невы – **арт&антик-отель «Рахманинов»**. Он находится в **нескольких шагах от Казанского собора и Невского проспекта, Эрмитажа и собора Спаса-на-Крови**. Лучшего места, на мой взгляд, не

найти. Этот отель – как душа Петербурга. В нем воплотилось все, что я так люблю в самом мистическом северном городе.

– Понимаешь, – сказала мне Оксана на открытии, – мне всегда хотелось создать истинно петербургский арт-клуб, такой, какие были в начале XX века, когда зарождался мой любимый стиль модерн. Объединить, вкус, шарм, богемность и петербургский дух.

– И как же родилась идея?

– Да на пустом месте, – рассмеялась Оксана. – Пустота – замечательная площадка для всего нового. Ты ведь тоже знаешь эту проблему: едешь по миру, знакомишься, круг друзей постоянно увеличивается. Вот ты гостишь у них, естественно, приглашаешь к себе, и в один прекрасный день, уже дома, сталкиваешься с неразрешимой, казалось бы, проблемой: всех гостей надо не только принять, разместить, вкусно накормить, но и сделать так, чтобы отдых в Питере оказался чудесным. А если твоя квартира уже не вмещает поток желающих? Если визиты дорогих тебе людей совпадают по времени? Что делать? И вот как-то меня осенило: пора открывать отель! Ведь где, как не в уютном отеле, где все продумано и организовано, принимать гостей?! К тому же была мысль стать финансово независимой. Кто-то сверху подсказал и повел... Верю я в своего доброго ангела, который меня необыкновенно счастливо ведет по жизни! Я сразу решила, **что это будет арт-отель для людей умных, творческих, думающих.** Меня страшно бесят тупые новые русские, которые считают, что мир должен вертеться вокруг их потребностей и желаний. К тому моменту мне стало скучновато появляться

на модных неделях, гламурных тусовках, где людям неинтересно и скучно. Куда приходят «для галочки»: себя, свой наряд показать, и где явственно чувствуется энергетический вампиризм. Другое дело питерские арт-события: выставки, вернисажи, кинопремьеры, хорошие спектакли... У них другая энергетика. Они подпитывают. После них ты словно оживаешь, появляются силы, новые творческие планы. Вот мне и хотелось создать такое уникальное, очень позитивное место с хорошей энергетикой, где люди подпитывались бы друг от друга, обменивались мнениями, узнавали новое и могли рассказать о своем творчестве. Отель я хотела красивый, стильный, уютный, без пафоса. В Нью-Йорке таких много: там люди научились ценить стиль, красоту и удобство, отойдя от показухи и пафоса. А вот у нас до появления «Рахманинова» таких арт-отелей не было.

В тот раз наш разговор прервали, но потом я неоднократно бывал в этом отеле, не уставая поражаться, какой невероятной энергией обладает Оксана. Начала она с малого: сначала открыла пятнадцать гостиничных номеров, реконструировав две питерские коммуналки. Затем выкупила еще одну, которая мистическим образом оказалась судьбоносной и изменила название отеля. Оказалось, что несколько лет в этой самой квартире после развода родителей жил у своей тетушки юный ученик Санкт-Петербургской консерватории Сергей Рахманинов!

Так в самом центре мегаполиса возник особый дореволюционный петербургский мир.

Здесь какие-то особые законы времени: поднимаешься по сохраненной без реставрации лестнице (говорят, это самая модная фишка в Европе и Америке) и попадаешь в гостиную начала XX века. Кажется, откроется дверь и войдет Александр Блок или Николай Гумилев, или юная Анна Ахматова... Или же сам Сергей Рахманинов, в честь которого назван отель... И чей дух мистическим образом подает здесь свои особые знаки.

На пятилетие отеля друзья Оксаны – выдающиеся художники – сделали удивительный подарок: расписали двери всех комнат фантазиями на музыку Рахманинова. И это привлекло к отелю еще больше внимания. Постепенно сформировался и круг людей, которые любят здесь бывать. Им нравится девиз отеля: «Каждый гость – звезда». Нравится и запрет, царящий внутри отеля: никаких фотографий звезд. И это очень правильная позиция, на мой взгляд. Никогда не понимал, зачем вывешивать на стены фотографии популярных людей. Есть в этом какая-то пошлость и панибратство. Если у владельца отеля на первом месте амбиции и понты, нужной атмосферы не получится. Все, кто останавливался в отеле, без исключения, великие люди: Гурченко, Темирканов, Юрский, Лановой... Всех не перечислить. Частые гости – зарубежные звезды.

Полчаса назад Оксана позвонила и сказала: «Приходи. Тебе будет интересно». И через паузу добавила: «Мне кажется, это то, что тебе сейчас нужно».

У отеля была охрана, но меня пропустили без проблем, стоило только назвать свою фамилию. Я вприпрыжку поднялся по лестнице и очутился в гостиной. Там

записывалось интервью. Оксана сидела на диване, рядом с ней – старушка с фигурой подростка. На голове старушки красовалась прикольная джинсовая кепка. Лучший друг Оксаны Юра Гурченков делал снимки. Оксана кивком дала понять, что заметила мое появление, и я, стараясь не шуметь, присел на край дивана.

Старушка-подросток, не обратив на меня ровным счетом никакого внимания, хрипло говорила по-английски:

– После моего ухода Серж держал дверь открытой на случай, если я захочу зайти, а может, и остаться. Иногда я заходила, но никогда не оставалась. Серж все сохранил в доме так, словно я на полчаса вышла за сигаретами. Моя зубная щетка в ванной так и торчит. И комната моя выглядит точно так же, как и 25 лет назад. Тоже своего рода музей. Все разбросано. Моя косметика. Заколки. Всякие женские мелочи. Брюки мои, не знаю, колготки, белье. Книги, которые я читала, мои детские игрушки. Тюбик тонального крема, наполовину выдавленный. Что сейчас в остальных комнатах, я не знаю.

– Вам это льстит?

В ответ ироничная улыбка:

– Иногда. Когда есть настроение. Я подвержена частым сменам настроения. Просыпаюсь утром мрачная или даже злая, потом раз – и что-нибудь меня развеселит. Дети или чей-то звонок. Потом я думаю, что сегодня вечером концерт, и опять мрачней, думаю, что опять будет жутко скучно и утомительно. А, оказывается, что это какое-нибудь простое и совершенно не помпезное место, а люди в таких местах всегда более отзывчивые, чем в дорогих залах с мягкими

креслами, и они тебя так принимают, так поддерживают! И просто не отпускают со сцены! И ты уже сама заводишься, поешь одну песню за другой, потом еще – на бис, и снова на бис... Возвращаешься в Париж. Едешь в машине, на заднем сиденье, потягиваешь что-нибудь горяченькое, смотришь на прохожих. Вся такая счастливая... А на следующее утро все снова меняется. Со мной так часто бывает. Смотрю в окно и думаю «Что я тут делаю?»

– Вам это не мешает?

Она щелкнула пальцами:

– Мне ничто и никогда не мешает. Шагаю по жизни размашисто и без всякого страха. Если влюблялась – сразу же выходила замуж и рожала от любимого мужчины детей. Иногда надо перестать думать о том, что будет лучше для тебя. Нужно просто встать, пойти и сделать. И уже потом думать – стоило или нет. Но весь мой опыт показывает – стоило. В 99% случаев первый порыв самый правильный.

– Однако существует еще один процент, Джейн...

Из-под козырька кепки сверкнули веселые молодые глаза:

– Моя дорогая, этот процент нужен, чтобы мы с вами не загордились. Женская гордыня – штука опасная. Иногда она заводит в такие ловушки, выбраться из которых почти невозможно.

Я взгляделся в лицо женщины и вдруг понял, кто это. С ума сойти! **Легендарная Джейн Биркин.**

Актриса. Певица. Муза Сержа Гинзбурга.

Незадолго до встречи с Джейн Гинзбург написал песню «Je T'Aime... Moi Non Plus», которую посвятил своей тогдашней возлюбленной Бриджит Бардо, и даже записал с ней дуэт. Бриджит решила, что песня для нее чересчур эротична, поэтому Гинзбург предложил «Je T'Aime...» своей новой подруге в качестве фундамента ее будущей музыкальной карьеры. И Джейн спела ее так, что после ни о какой Бриджит уже речи не шло. Говорят, что даже самые и беззастенчивые любовники краснеют, когда узнают текст этой песни. А потом Гинзбург подлил масла в огонь и заявил, что песню они записывали, когда занимались сексом у микрофона.

Джейн вдруг посмотрела на меня в упор и подмигнула. Клянусь! Вот взяла и подмигнула! Я покраснел от смущения.

И все же я не понимал, зачем Оксана пригласила меня на это интервью. Явно не для того, чтобы я провел фотосъемку. Юрий прекрасный фотограф, и Джейн с удовольствием ему позировала. Так зачем?

– Я несколько раз начинала жизнь с чистого листа, – тем временем рассказывала Джейн. – И знаете, я люблю это состояние. Можно все начать заново. Можно решить, что вчера ты был таким, а вот сегодня ты совсем другой. Придумать образ и соответствовать ему. Глупо бояться. Судьба бросает вызов только тем, кто готов его принять. Меня называли секс-котенком шестидесятых. А я стала одной из лучших драматических актрис своего времени.

И тут я понял. Оксана не могла знать всех моих нынешних трудностей, но она почувствовала, что в моей жизни не все

ладно и по-своему сделала мне драгоценный подарок, подарив встречу с легендарной личностью, у которой можно учиться силе духа и авантюризму.

Может, и мне стоит создать себя заново?

Я благодарно улыбнулся Оксане, дав понять, что в полной мере оценил ее подарок, и покинул гостиную, снова оказавшись на лестнице межвременья. На подоконнике сидело странное существо – острое, некрасивое и злое, одновременно похожее на эльфа и тролля.

– Привет, – сказала существо удивительно музыкальным и мелодичным голосом. – Я – Номи. А ты – Нежданов. И мой отец хочет предложить тебе работу.

* * *

Он мне сразу понравился. Есть люди, у которых правильное звучание. У Нежданова оно было правильным, только в темных, почти чернильных тонах. Такое звучание бывает, когда принимаешь самое трудное решение в жизни и боишься, что оно станет ошибкой.

Я назвала фамилию отца, и Нежданов равнодушно пожал плечами. Мне понравился этот жест. Похоже, для этого парня и финансовое состояние моего отца, и только что опубликованные в «Forbes» списки не имели никакого значения. У большинства людей возникает курс евро или доллара в глазах. Деньги во взгляде – это скучно.

И еще мне понравилось, что ему было плевать на мою внешность. Уродина я или красавица, не играло никакой роли. Он был вне оценочных категорий: просто принял меня

такой, какая я есть. И мне захотелось, чтобы мы стали друзьями. По сути, друзей у меня еще не было.

Нежданов остановился, смерив меня взглядом от макушки до кед:

– Что за дело у мультимиллионера к скромному фотографу? Спасти мир?

– Типа того. Мир – штука хрупкая, вот-вот погибнет, а тут ты.

– Что-то новенькое, – сказал Нежданов и уселся со мной рядом на подоконник. – Спасать мир мне еще не приходилось. Однако за неимением лучшего, почему бы и нет? В любом случае – разнообразие.

Он мне все больше нравится!

– Эк, как ты оживился! – хмыкнула я. – Спокуха, Нежданов, спасти мир все же не придется. Как-нибудь он и без нас обойдется. Будешь отца фотографировать и ценные мысли записывать. Он тут на старости лет решил мемуары накатать.

– Вообще-то я еще не согласился.

– Увидишь гонорар – согласишься.

– Ты все деньгами измеряешь?

– Я – нет. Он – да. Против его гонораров трудно устоять. У него не люди – апельсины. Выжимает человека, как апельсин, сок пьет, шкурку выбрасывает. И за следующим апельсином тянется.

– Тебя-то он почему-то не выжал.

– Просто моя очередь не пришла. Выжмет, куда денется. Пока что я ему нужна... в одном деле. И ты, похоже, ему тоже

нужен. Он о тебе справки наводил. Только если будешь с ним разговаривать, не смотри ему в глаза, ладно?

– Почему?

– Нехорошие они у него. Мертвые. Медузу Горгону помнишь? Вот он такая же Медуза... Медуз.

Я провела Нежданова в номер «Рахманинова» для переговоров. Отец, большой и сильный, похожий на дикого зверя перед прыжком, сидел в кресле и смолил сигару.

– Пошла вон, – приказал он, и я без слов повиновалась.

Мне очень хотелось, чтобы Нежданов согласился на эту работу. И очень не хотелось. Я знала, что его ждет. Точно такая же ловушка, как и меня. Я знала, что мы оба в смертельной опасности. Но все же, в глубине души, теплилась надежда, что вместе мы как-нибудь выкарабкаемся. В крайнем случае хотя бы будет весело.

Я смотрела на себя в зеркало и слушала свое звучание. Оно было правильным, только в темных, почти чернильных тонах. Такое звучание бывает, когда принимаешь самое трудное решение в жизни и боишься, что оно станет ошибкой.

* * *

В бизнесе, за глаза, мультимиллионера Рэма Хога звали кабаном. Конечно, когда-то, когда в нашей стране даже самые богатые и удачливые зарабатывали в рублях, его звали иначе. Он возник фактически из ниоткуда, придумал хороший и прибыльный бизнес, играючи сделал на нем миллионы, сочинил себе новую биографию, которую растиражировали все известные мировые СМИ. Биография

эта была наполнена самыми противоречивыми фактами, сплетнями, слухами, но люди в нее поверили. **Люди вообще много во что верят, особенно если вера подкреплена большими деньгами.**

Хога я видел пару раз на светских тусовках и сразу понял, почему его называют кабаном. Не из-за нового псевдонима, нет. Все дело в повадках. У Хога повадки дикого и очень опасного зверя.

В шоу-бизе и в политике многие играют в охоту. Именно играют, рисуясь, выставя в Instagram фотки убитых зверей. Но я только один раз разговаривал с настоящим охотником – жилистым и никому не известным мужичком.

– Ты пойми, Саша, дикий зверь – он всегда честен. И перед своими сородичами, и перед природой, и перед человеком. Знаешь его норы, повадки – сохранишь себе жизнь. Это человек – дерьмо, в нем подлости много, а зверь – нет, он по понятиям живет. Самый страшный зверь на охоте, говорят, бурый медведь. С рогатиной на него только дураки да самоубийцы ходят. Но я бы на кабана поставил. Вот кто страшен. Весит несколько сот килограммов, клыки у него – до двадцати пяти сантиметров доходят. Даже раненый поддеть может и затоптать. Чуткий, осторожный, чует на несколько сот метров, решение принимает молниеносно.

– И чем его? Пулей?

– Пулей! Телок ты, Саша... Пулей... У него мышцы на боках и затылке такие мощные и крепкие, что малый калибр не возьмет. У старых самцов шерсть смешивается со смолой и превращается в настоящую броню, которая защищает их от

выстрелов. Видишь этого зверя – в сторону отпрыгивай. Если жизнь, конечно, дорога. А если уж стрелять, то в голову, лучше в глаз. И у тебя будет только один шанс, второго кабан не даст.

И вот сейчас я стоял перед «кабаном» и понимал: поздно. Не успел.

Рэм молча кивнул на стул. Я присел, стараясь казаться спокойным и равнодушным, хотя сердце билось, как бешеное.

– Мне тебя рекомендовали, – Хог тоном дал понять, что о «вы» в мой адрес и речи быть не может, – несколько людей, чье мнение мне интересно. Ты мне подходишь.

– Теперь осталось выяснить, насколько вы мне подходите.

Хог ощерился:

– Смелый малыш. Но больше такого себе не позволяй. Я ТЕБЕ ПОДХОЖУ.

Передо мной оказался чек. На чеке была симпатичная цифра и много нулей. Я такие суммы видел только в кино про очень богатых людей. От таких чеков не отказываются. Даже если понимают, что есть подвох. Подвох был, я его позвонками чувствовал. И потому все еще сомневался.

Хог бросил еще один пас:

– Знаю, что с тобой поступили некрасиво. Они наказаны. Так наказаны, что ты останешься доволен.

На стол легли фотографии. Я сглотнул и отвернулся.

– Мой тебе бонус. Теперь твой ответ.

По спине пошел холодок. Кабан на охоте. Поздно отпрыгивать.

Номи неправа. Люди для него не как апельсины. Они для него желуди. Либо сожрет и не подавится, либо растопчет.

Быть сожранным или растоптанным не хотелось.

– Окей, сумма гонорара меня устраивает. У меня два вопроса.

– Слушаю.

– Как мне вас называть?

Улыбка, напоминающая оскал.

– Рэм. Второй вопрос?

– Суть моей работы.

– Формулируешь хорошо – быстро и четко. Сработаемся. Будешь ездить со мной и делать то, что я скажу.

– Если это только не противоречит уголовному кодексу.

– Уголовный кодекс мы чтим. Ознакомься.

Это был самый подробный договор о сотрудничестве, который я когда-либо видел в своей жизни. Прочитав его, я выдохнул почти весь воздух из легких и теперь напоминал золотую рыбку, выброшенную на берег. Она исполнила три желания и теперь мечтала о том, чтобы ее оставили в покое. Хотя... Все не так страшно, как казалось на первый взгляд. Рэм Хог, как и миллионы других людей, мечтал царапнуть вечность и войти в историю. Он хотел книгу, бестселлер о себе, любимом, и в качестве автора выбрал меня.

Что ж, по факту все не так уж и плохо.

Но интуиция кричала: «SOS! Ты влип, Нежданов. Снова влип».

* * *

– Нежданов, а ты куда?

Номи накинула куртку и теперь шла рядом со мной, стараясь попасть в шаг. Она была такая маленькая, что казалась гномом-переростком.

– На встречу.

– А можно я с тобой?

И такая тоска была в ее голосе, что я согласился.

– Если хочешь.

– Ты не думай, я не всегда такая навязчивая. Просто ты первый, кто ТАК ко мне относится.

– Как ТАК?

– Как к человеку, а не предмету мебели. Ты со мной разговариваешь.

– Тебе сколько лет, Номи?

– Восемнадцать.

Ну, вот, приехали. К моим новым обязанностям добавилось шефство над дочкой новоиспеченного босса. А еще три часа назад я не знал, куда приложить свои многочисленные способности и таланты.

– Я раньше Питер только на картинках видела, – сказала Номи. – Он красивый, только злой.

От неожиданности я споткнулся:

– Питер?

– Ты сердишься? – она застенчиво улыбнулась, показав острые некрасивые зубы. – Питер взрослый и злой. Ему до тебя нет никакого дела. И люди здесь такие же. Взрослые и злые. Циничные. Толкнут и не заметят.

– Ты просто не видела настоящего Питера. И ты еще не знакома с настоящими петербуржцами. Но эти два упущения мы сейчас с тобой исправим. Кстати, мы пришли.

Номи смущенно топталась на пороге уютного светлого офиса. Казалось, ей было невероятно сложно переступить порог.

– Ну что же ты, – подбодрила ее хозяйка, красивая молодая блондинка. – Проходи. Я вас давно жду.

Это «вас» растопило лед недоверия, и Номи сделала шаг навстречу.

О **Лене Писарской** я услышал несколько лет назад от совершенно разных людей.

– Я вокалом в Питере занимаюсь, – сказала мне девочка-Барби, без которой в то время не обходился ни один кастинг в телешоу, – у Елены Писарской. Знаешь ее? Ну, ты, Нежданов, и отстал от жизни. Она – мега! Круче этих! – пренебрежительный кивок в сторону организаторов и жюри.

– И чем же круче? – сыронизировал я.

– А тем, что она любого петь научить может!

– Прямо-таки и любого?

– Говорю тебе – любого! У нее даже проект такой есть – «**Muz.present**» называется. Приходит к ней, скажем, парень, который в ноты не попадает и у которого уши медведем оттоптаны в детстве по самую барабанную перепонку. Его даже в караоке не пускают, потому как полный атас! А он девушке своей в любви признаться хочет. Песню спеть красивую и всякое такое. И вот Лена с ним занимается. А потом он как выйдет, да как споет! Все просто обалдевают! И я теперь могу петь. Вот послушай!

И она действительно запела. Признаться, до этого нашего разговора Барби я слышал – и был просто ошарашен разницей. Раньше она постоянно давала «петуха», но после

занятий с Писарской у Барби вдруг появились и голос, и слух. Чудеса, да и только!

Через некоторое время меня пригласили на день рождения Елены Писарской. Я по привычке уточнил, какие цветы любит именинница и какой подарок ей лучше всего подойдет.

– Никаких цветов и подарков.

– Что за день рождения такой – без цветов и подарков?!

– Самый правильный день рождения, – улыбнулся приятель. – Лена три года назад ввела такую традицию. Она приглашает друзей, угощает их, придумывает невероятно интересную развлекательную программу, но вот цветов и подарков в ответ не принимает. Только пожертвования на ее благотворительный проект «Сестринский уход».

– Что за проект? – заинтересовался я.

– Придешь, Лена сама тебе расскажет.

Это был один из самых потрясающих дней рождения. Весело, ярко, вкусно, музыкально. Лена сама исполнила несколько песен, и я был поражен, насколько гармонично в ней все: мягкий, нежный, красивый образ, трогательная и душевная музыка, лиричный, сильный голос. И при этом она была профи, это сразу чувствовалось: и по манере исполнения, и по выбору репертуара, и по разговорам о музыке. Я тогда понял: все, что делает Лена, она делает красиво, уверенно и необычно. Даже ее образ сильно отличается от образа нынешних гламурных див, для которых воплощением красоты является стройное, кукольное, не рожавшее тело и тяга к беззаботным развлечениям и приключениям. Я подумал, что в нашей стране не хватает

совсем иного образа, того, к которому всегда тянулись мужчины, – образа любимой, нежной, мягкой женщины, с которой хорошо, спокойно и уютно, которая каждый день дает тебе новые поводы для вдохновения. Вот Лена такая. Она вдохновляет. И тем, как живет, и тем, что она делает.

На ее дне рождения гости действительно делали пожертвования. Благотворительный проект «Сестринский уход» существует уже больше пяти лет. Благодаря Лене и ее подруге, а также многим равнодушным людям, двадцать профессиональных нянь ежедневно ухаживают за детишками, от которых отказались родители. Много это или мало? Думаю, что для каждого ребенка такая помощь просто бесценна.

– Каждый раз, когда слышу, что человек покупает пятисотую пару обуви или тысячное платье, я думаю: куда ему столько?! Зачем человеку пятнадцать шуб? Там, где деньги, гламур – всегда есть испытания славой и дьяволом... Я в этом твердо убеждена. Счастье ведь не в том, насколько заполнена твоя гардеробная и какой по счету автомобиль ты покупаешь. Счастье в том, чтобы правильно ответить на очень простой вопрос: что я могу сделать для других, как и чем я могу поделиться? Мы становимся лучше и счастливее, когда помогаем другим. Попробуйте, и вы сами в этом убедитесь. Делиться нужно тем, что у тебя в избытке. Это закон жизни. Если есть деньги, делись деньгами. Есть талант – делись талантом. Доброта и тепло – поделись ими.

– В России люди не привыкли к благотворительности, – заметил я.

– Согласна. На это есть свои причины. Благотворительность в России имеет свою специфику. Люди дают деньги, если ЛИЧНО доверяют. То есть поделиться даже с незнакомым человеком – не вопрос! Но только если ты уверен, что твоя помощь дойдет до адресата. Не могу никого винить: столько в жизни было обмана и мошенничества, что люди просто не верят. Именно поэтому я и создала свой проект. Мне самой пришлось многому научиться: не бояться просить, не стесняться напоминать и не обижаться, когда отказывают. Деньги важно давать от чистого сердца. Я это давно поняла. Понимаешь, важно создать такую обстановку, такие условия, чтобы людям было в радость давать деньги на благотворительность.

– Например, твой день рождения?

– Именно! Я горжусь тем, что придумала, – улыбнулась Лена. – Столько плюсов! Во-первых, получается большой праздник для друзей, во-вторых, друзьям не нужно париться, что дарить, а мне не нужно думать, куда деть 70 ненужных подарков. В-третьих, мы все вместе делаем нужное дело. С этих денег я няням премии выплачиваю. Хотя они скромные получаются: у меня простые друзья, не миллионеры, но все они просто замечательные! Ну, а в-четвертых, это как сарафанное радио и напоминание друзьям. Возможно, в следующем году станет еще больше тех, кто захочет помочь малышам, а, может, мы сможем сделать так, что у детей появятся любящие родители.

...Сейчас я пришел к Лене, чтобы обсудить музыкальный подарок для друга, но следующие три часа мы взахлеб проболтали втроем. Точнее, больше говорили Номи и Лена. Я

смотрел, как Номи постепенно убирает свои колючки и раскрывается, и был счастлив оттого, что даже простой беседой за чашкой чая могу помочь этой одинокой и некрасивой девушке. Лена права: **нужно творить чудеса для тех, кто рядом, и тогда чудо произойдет и в твоей собственной жизни.**

А потом они запели. У Номи оказался прекрасный чистый голос, и их нежная, красивая песня летела в открытое окно и растворялась в осеннем питерском воздухе, чтобы кто-то, кому одиноко и больно сейчас, услышал ее, улыбнулся и поверил, что **Питер – замечательный город, и в нем живут классные люди.**

* * *

Уже через три дня я мог признаться себе: это был самый сумасшедший и непредсказуемый эксперимент в моей жизни. Рэм – пожалуй, наиболее интересный человек из тех, кого я встречал в последнее время. За ним было очень любопытно наблюдать.

И главная мысль, к которой я пришел, состояла в том, что Рэм совсем не тот, за кого себя выдает. Иногда, в очень редкие минуты, в нем прорывалось что-то человеческое. Почти детское. Он живо реагировал на все, что было лишено косности и глупости. Ему нравились нестандартные решения и нестандартные люди. И еще он был очень одинок. Самое интересное, что в своем одиночестве Рэм был виноват сам. Более того, он его отвоевывал, шаг за шагом уничтожая те крохи симпатии, которые к нему испытывали люди. Я и сам несколько раз угодил в эту ловушку.

– Скажите, Рэм, – у босса было хорошее настроение, и риск попасть под раздачу был сведен практически к нулю, – вы совсем не верите в людей? В их хорошие качества, в то, что люди способны на хорошие поступки?

– Человек – зловонная тварь; начинается он между мочой и калом, и путь его – от вонючей пеленки к смрадному савану. Кажется, так говорили классики. И они, Саша, были правы. Давно живу. Все видел. Все знаю. И про себя самого тоже все знаю, поэтому давайте не будем играть в «мимими» и говорить друг другу приятности. Терпеть не могу всякие реверансы и политесы.

– Причем тут реверансы? Человек – существо эволюционирующее, это еще Дарвин вывел, значит, он со временем способен меняться. Вы же отвергаете саму идею того, что жизненные обстоятельства, опыт, среда влияют на всех нас, что мы можем ошибаться, заблуждаться, мы можем и признавать то, что когда-то были неправы, поступали плохо и некрасиво.

– Молод ты еще, Нежданов, жизни не видел.

Я в сердцах вышел из отеля и пошел вдоль Гороховой улицы. Отчасти я понимал позицию Рэма: он жил в мире, где каждый сам за себя и где любое проявление доброты есть слабость. И все же это было неправильно. **В жизни должна быть толика волшебства.** Рэм отравлял меня своим безразличием и цинизмом. Хотелось морального и эмоционального противоядия. Я уселся в кафе. Взял чашку кофе. Помог Facebook. И сразу пост в тему. От одной из самых светлых и красивых девушек Питера. Светы Ковалевской.

...Когда мне было три года, родители переехали в город, приравненный к району Крайнего Севера. Иногда температура воздуха опускалась до -53°C , в такие дни город погружался в пелену метели и инея. И эта пелена казалась вечностью. Несмотря на все капризы северной природы, взрослые должны были ходить на работу, но школьники всегда оставались дома, и самая лучшая на свете новость приходила рано утром, ласково шептала на ухо и гладила по голове: «Спи, солнышко! Сегодня активированный день, холодно... В школу не идете!» Вот это было счастье! Тут уже и сон снимало, как рукой. Провожая родителей на работу, я часто смотрела в окно, которое выходило на автобусную остановку, где ожидали свой транспорт замерзшие и сонные взрослые. Тогда я хотела, чтобы кто-то будил их утром и говорил: «На работу сегодня не надо, спи дальше!» Я мечтала стать волшебным вестником, который своими новостями радовал бы окружающих. Я брала отцовскую видеокамеру, ставила ее на штатив и снимала свои новости, была ведущей ток-шоу или просто читала книги вслух, а потом смотрела и сама себя критиковала: «Так, здесь слишком быстро говоришь, а вот здесь можно интонацию сменить на более убедительную!»

С седьмого класса я уже точно знала, что после школы буду поступать на факультет журналистики, и даже не рассматривала никакие другие варианты. И я уехала из северного города, чтобы мечта осуществилась. Я поняла одну важную для себя вещь: никто не должен ограничивать твою личную свободу и интересы, кроме тебя самого. Хотелось бы, чтобы люди чаще смотрели на то, что происходит, своими глазами, а не следовали бы за чужими мнениями и взглядами.

Достаточно заглянуть внутрь себя, чтобы понять, кто ты на самом деле. И чтобы менять что-то вокруг, нужно измениться самому...

Я немного успокоился. Конечно, нечто разумное в словах Рэма есть: он прав, когда говорит, что люди не хотят меняться. Намного удобнее быть жертвой обстоятельств, чем посылать их к черту. Я давно уже понял, что люди делятся на два типа: тех, кто берет ответственность за свою жизнь на себя, и тех, кто ее перекладывает на других. В этом смысле для меня очень показательна история двух моих друзей, теперь уже американских, Ильи и Маши, чье семейное кредо можно обозначить так: чувства рождают жизнь.

Они познакомились на Первом канале российского телевидения. К тому времени каждый из них уже имел определенный профессиональный опыт. Маша пришла на телевидение, когда ей было 17 лет, и до конца 2011 года работала вторым режиссером одной из самых рейтинговых программ в России – «Давай поженимся», потом стала режиссером на канале Top Shop TV. Илья на телевидении работал 7 лет, занимался организацией съемок. В его послужном списке – работа на «EUROSONG-2009», на всевозможных поп- и рок-концертах, в рейтинговых развлекательных программах и шоу. **Однажды они встретились... и полюбили друг друга.** Вместе отдыхали, вместе путешествовали. Помню, как я смотрел фотографии, сделанные во время таких путешествий, и чувствовал любовь, гармонию. А потом они уехали. Это решение было сознательным и продуманным, и что самое главное –

совместным. Они взяли ответственность за свою жизнь на себя.

Одной из главных причин переезда в США стала политическая ситуация в России. Ребята стали свидетелями того, как правительство делает все возможное, чтобы настроить граждан против других стран. Имея в Москве хорошую работу, Маша и Илья сталкивались с несовершенством политической системы, отсутствием социальной сферы, бесконечной унижительной бюрократией.

Впрочем, была и еще одна причина – любовь к теплу и лету. Свое солнце ребята нашли в «американской Венеции» – городе Fort Lauderdale, который, как известно, находится в 23 милях от Майами. Здесь у них родился сын. Еще перед отъездом в США они создали канал на Youtube под названием **FAMILYRUSA**, где стали рассказывать о своей жизни. Пройдя через беременность и роды в США, столкнувшись с множеством вопросов, Илья и Маша теперь имеют еще и хороший опыт решения всевозможных трудностей, связанных с родами. И предлагают российским семьям превратить беременность и роды в настоящее наслаждение и радость.

Также ребята помогают больным и социально незащищенным деткам России: сиротам, инвалидам, тяжело больным, которые живут в неблагоприятных условиях, но не теряют надежду обрести здоровую, самостоятельную и независимую жизнь.

В 2011 году полученный профессиональный опыт помог ребятам открыть компанию «Fashngroup» по организации фото- и видеосессий по всему миру. Их клиентами уже стали

профессиональные модели международного уровня, Мисс Россия 2012 и 2013, звезды шоу-бизнеса, артисты и просто хорошие люди. Благодаря интернету, ребятам нет необходимости иметь офис для работы, что дает им больше свободы. Илья и Маша – люди не одной или двух стран, они – люди мира. Они помогают другим жить. А силы и вдохновение им дают Чувства. Любовь друг к другу, к сыну, к людям, к жизни. Потому что **Чувства рождают жизнь**.

– Ерунда, – сказал на следующий день Рэм, когда я ему рассказал эту историю. – Ты слишком увлекся позитивной психологией.

– Вам она не нравится?

– Позитивная психология – очередная разводка мозгоправов. Я люблю мир, мир любит меня, улыбнитесь миру, мир улыбнется вам, бла-бла-бла. Потом происходит какая-нибудь дрянь, и у тебя вопросы к миру: почему случилось то, что случилось? Ведь ты был таким хорошим и позитивным! Так что не грузи меня, Нежданов, и займись делом.

– Зачем ты с ним все время споришь? – спросила Номи. – Ты все равно его не переубедишь. Он воспринимает мир как войну, а всех, кто его окружает, как врагов.

– Ты тоже враг?

– В той или иной степени, – пожала она плечами. – На данном этапе у нас пакт о ненападении. Но в любой момент все может измениться. По крайней мере, в позиции Рэма есть здоровое зерно. Доверять только себе – значит, обезопасить себя.

– У вас обоих ущербная психология, – не согласился я. – Неужели и ты не веришь в нормальные отношения? В то, что в жизни могут происходить удивительные встречи, чудеса?

Она странно взглянула на меня, словно я сморозил невероятную глупость. Похоже, мы не понимали друг друга. И мне вдруг захотелось рассказать ей про своего друга **Михаила Потапова**, чья жизнь – это бесконечная вера в чудеса, уверенность в том, что жизнь – удивительная штука, и в ней может исполниться все, о чем мечтаешь. Например, со своей женой Александрой Михаил познакомился по объявлению в газете «Из рук в руки». До встречи они жили в разных городах и даже не представляли, что знакомство через объявление может быть серьезным. Но жизнь доказала, что даже с помощью газетного объявления можно обрести счастье. Они с женой верят в судьбу, чудеса и волшебство, а свои отношения строят на доверии, уважении и любви. Вместе с дочерью путешествуют: за девять лет посетили 30 стран и не хотят на этом останавливаться. Причем решения практически всегда принимают спонтанно: помню, как мы разговаривали с ними вечером в среду и случайно затронули тему отдыха, а вечером в пятницу Михаил с семьей уже отдыхал на морском побережье. Вот это по мне: моментальная готовность к новым эмоциям и новым странам! Мне нравится такой подход, ведь когда легко живется, легко и импровизировать, креативить. Это как джазовая тема: один начинает, второй подхватывает, и получается удивительно красивая мелодия.

Номи молча меня выслушала, потом спросила:

– Саш, а ты смотрел фильм «Пятый элемент»?

– Тысячу раз.

– Помнишь эпизод, когда Лилу говорит: «Я не знаю, что такое любовь»? Вот и я не знаю. Я инопланетянка, я жила и живу в ином мире. И люди, о которых ты мне рассказываешь, для меня с другой планеты. Вот ты часто повторяешь про систему знаков. А что это такое? Или еще твои выражения «быть в потоке», «матрица». Как можно из банального события вывести стройную теорию о том, что вот именно сейчас тебе необыкновенно везет?! Кажется, я понимаю, что раздражает Рэма. Это твое вечное стремление придать событиям дополнительные смыслы. Но ведь удачное стечение обстоятельств – это всего лишь совпадение.

– А теория шести рукопожатий? Когда тебе нужна помощь, и она вдруг приходит, словно по запросу Вселенной. Это тоже совпадение?

– Конечно.

– Расскажу тебе историю про **Михаила Самарского**, самого молодого писателя России. Вряд ли ты знаешь эту историю, а она весьма поучительна. Михаил написал книгу о слепом парне и его собаке-поводыре. Книга называется **«Радуга для друга»**. Книгу издали. И вот однажды совершенно случайно в Мурманске ее купила некая Татьяна Дежина, чтобы почитать ее своему маленькому сыну Леше, у которого были серьезные проблемы со зрением, и к своим семи годам он практически ничего не видел.

– И что в этой истории такого замечательного и необычного? – недоверчиво спросила Номи.

– Подожди, ты не дослушала. Действительно, на этом история могла бы и закончиться. Но случилось так, что автор

книги Миша Самарский познакомился с преподавателем из Мурманска Сергеем Степановым. Сначала в сети, затем встретились в Москве в реале. Миша занимался программой «Живые сердца» с помощью бизнесмена и мецената Андрея Рябинского, и к тому времени она превратилась в самый настоящий официально зарегистрированный благотворительный фонд помощи слепым детям с одноименным названием. Фонд закупал специальные электронные устройства для чтения различных текстов и рассылал по регионам России. Чтобы сократить расходы на пересылку, Миша попросил Сергея Степанова доставить несколько приборов из Москвы в Мурманск. Сергей не только выполнил просьбу, но и занялся в своем городе организацией поиска нуждающихся, вручением приборов и оформлением документов на передачу. Иными словами, все прошло на достойном уровне. Тем временем фонд приступил к поиску детей, кому по рекомендации врачей можно сделать операцию по возвращению зрения. Сергей Степанов обратился в органы здравоохранения Мурманской области, и там ему подсказали, что есть такой мальчик Леша Дежин. Врачи не возражали против операции на глазах, поскольку вероятность возвращения зрения при его диагнозе близка к ста процентам. Фонд связался с родителями Алексея. Начались переговоры. В конце концов, родители согласились, и началась подготовка к поездке в Германию. Уже перед вылетом в Германию родители Алексея неожиданно задались вопросом: а не тот ли это Миша Самарский, который написал книгу «Радуга для друга»? И Миша признался, что это он. Стоит ли говорить, что Леша

поправился, и зрение к нему вернулось? Но вот если бы Самарский думал, как твой отец или как ты, то Леша никогда бы не смог видеть. Вот тебе и ответ про систему знаков, потока, совпадений и матрицы. Если ты делишься с миром, мир делится с тобой. Это закон жизни, Номи. Не мы его придумали, и даже если ты в него не веришь, он все равно работает.

Номи повернулась и ушла.

Похоже, я здорово ее задел.

* * *

Через неделю Нежданову стало скучно. Мы ездили с отцом по разным мероприятиям, терпеливо ждали в холле, пока он вел переговоры, и вяло перебрасывались ничего не значащими фразами. Нежданов без особого энтузиазма фотографировал папашу и время от времени делал вид, что записывает отцовские цитаты. Именно делал вид. Я же видела, что молескиновский блокнот Нежданова оставался девственно чистым.

– Слушай, а почему ты ничего не записываешь? – спросила я как-то. – Для книги, как я понимаю, материал какой-никакой нужен.

Он пожал плечами:

– По-моему, понятно, что никакой книги не будет. Зачем время терять?

Я растерялась.

– Почему не будет? Отец мечтает выпустить автобиографию.

– Да? – скептически ответил Нежданов. – И о чем она будет? О лихих девяностых? Как стать миллионером? Или как превратить собственную дочь в рабыню? Номи, ты же сама все видишь и понимаешь. Книга – всего лишь предлог. Твой отец никому не интересен, даже себе. Он пуст. В нем все – чувства, мысли, поступки, действия, желания – пусты. В нем нет ничего, за что можно было бы уцепиться. За исключением денег, разумеется. Деньги создают иллюзию того, что твой отец личность. Вот сейчас ты мне скажешь, что если человек создал такую империю, то он уже не ноль. Так ведь?

– Именно.

– Номи, Номи... Империю твоего отца создали совершенно другие люди. Они выстроили уникальную систему, которая уже много лет работает практически без сбоя. Посмотри, сейчас мы в Питере, и Рэм уже третий день беседует с человеком, который управляет филиалом. Да, его как бы нанял Рэм, Рэм как бы платит ему зарплату, но бизнес в Питере зависит не от твоего отца, а от этого человека. Понимаешь? То же самое происходит в Риме, в Париже, в Нью-Йорке, в Токио. Во всех городах. И знаешь, почему вся эта империя до сих пор жива? Потому, что люди на местах заинтересованы в том, чтобы она функционировала. По каким причинам – из чувства долга, страха, жадности – другой вопрос. Это для нас с тобой не так уж и важно. Нас с тобой должно интересовать совсем другое.

– Что же?

– Зачем ему ты. Зачем ему я. Все эти разговоры о бестселлере, который прославит Рэма Хога, чистейшая лажа.

Плевать ему на книги, он все равно ни одной не прочитал. Рэму нужно от нас совсем другое. И мне кажется, ты догадываешься, что именно.

Я не думала, что Нежданов так быстро сложит два и два и получит четыре. Я его недооценила. Мне казалось, что он такой, как все эти мальчики и девочки из шоу-биза: гламурный, поверхностный и самовлюбленный. Нежданов оказался другим. Смешно, но отец, похоже, тоже его недооценил.

– Ну, так как? В молчанку поиграем или поговорим откровенно? – и через паузу добавил: – Ясно. В молчанку.

Он отодвинулся на другой конец кожаного дивана и уткнулся в айфон.

Мы сидели в роскошном холле навороченного бизнес-центра. Охранник, приставленный к нам, украдкой писал sms. От скуки прислушалась к его мыслям: жена охранника находилась в роддоме, начались схватки, а этот парень вместо того, чтобы быть рядом с женой, сидит с нами.

Отец должен был появиться ровно через двадцать минут. Я это точно знала. Потому что ровно через полчаса у папаши назначен обед с какой-то крутой шишкой из Смольного. Отсюда до ресторана ехать ровно десять минут. Отец ценит время и пунктуальность. Мне нужно думать очень быстро, чтобы принять правильное решение. Иначе я снова останусь одна. Одной страшнее.

Я придвинулась.

– Ответь, пожалуйста, на один вопрос.

Неждановская бровь слегка приподнялась, и я поняла, что меня слушают.

– Если ты понял, что книга – это предлог, зачем согласился? Что тебе мешает встать и уйти? Отца боишься?

Нежданов сунул айфон в карман и повернулся ко мне:

– Рэм – мстительный человек, и у меня, конечно, могут быть неприятности. Точнее, они могли бы быть в других обстоятельствах. Сейчас мне нечего терять. В момент нашей встречи я принял решение начать жизнь с чистого листа. Рэм появился в нужное время и позволил мне сделать хорошую мину при плохой игре. Как говорят японцы, сохранить лицо. И я его сохранил. Это было первое, почему я согласился. Затем я внимательно прочитал договор и понял, что биография – последнее, что нужно Рэму Хогу в этой жизни. Тогда мне стало интересно, зачем ему я. Согласись, странно нанимать человека, платить ему безумные деньги по придуманному поводу. Это второй момент, почему я все еще здесь. И третий – это ты.

– Я?

– Ты, Номи. Один очень умный и хороший человек, с которым мы общаемся в сети, как-то сказал, что в пересечении человеческих судеб нет никаких случайностей. Все предопределено. И **если люди встречаются, особенно в драматических обстоятельствах, это желание высших сил. И таким встречам нельзя противиться.** Ты боишься, я вижу. Но ты боишься не своего отца. Ты боишься того, что за ним стоит. Я хочу тебе помочь. Ну, и себе. Раз мы оба оказались в этой игре.

– Он что-то ищет. Уже несколько лет, – решила я. – И эти поиски подошли к концу. Я чувствую это. Раньше в каждом городе, где мы бывали, он не вылезал из библиотек,

встречался со странными людьми, пропадал в антикварных лавках и магазинах. Словно собирал что-то. У него есть дорожный несессер, он никогда его не открывает и не дает никому до него дотрагиваться. Я не знаю, что там.

Тут мой голос дрогнул, потому что я знала, что там. Я соврала и надеялась, что Нежданов потом меня простит за эту ложь.

– Чего ты боишься, Номи?

Я решила рассказать ему полуправду, поскольку не знала, кому и на сколько процентов могу сейчас доверять.

– Месяца два назад мы были в Риме. Отец подсыпал какую-то дрянь мне в чай и куда-то повез. Без охраны. В машине мы были вдвоем. Казалось, что ехали очень долго, но, может, ошибаюсь. Может, он специально петлял, чтобы я не смогла потом восстановить дорогу. Все происходящее было, как в кино: словно я сидела в первом ряду и наблюдала за собой. В общем, приехали мы в частный дом, отец заставил выйти из машины. Помню, что я несколько раз упала, и он накричал на меня, дал пощечину. Ворота так долго не открывали, что я подумала – Рэм ошибся адресом. Наконец мы вошли. Там был человек в венецианской маске. Знаешь, такие маски еще на карнавалах продают. Только почему-то это была маска Коломбины. Я сначала решила, что это женщина. Из-за платья. Но это было не платье, а сутана. Мужчина в женской маске! Смешно, правда?

Нежданов не смеялся. Он молча напряженно слушал.

– Человек говорил по-итальянски. Быстро и отрывисто. Я немного понимаю этот язык, и речь шла о моей проверке. Он несколько раз повторил, что зеркала не врут. Отец остался

внизу. Мы с этим в маске поднялись по лестнице. Зашли в комнату, в которой были только зеркала. И больше ничего, понимаешь? Только зеркала! Повсюду. Мужчина поставил меня в центр комнаты и приказал петь. Брать самые высокие ноты, какие я только смогу. Сначала я молчала. И вдруг услышала, что у каждого из зеркал своя музыка, они тоже пели.

– Номи...

– Да-да, понимаю, ты думаешь, что я спятила или что все это результат наркотика, которым меня опоили, но я клянусь тебе: зеркала пели! И я запела в ответ!

Зеркала стали биться, одно за другим, я пела и уворачивалась от осколков, но несколько из них все же меня порезали. И в тот момент, когда разбилось последнее зеркало, из меня будто выпустили весь воздух. Ноги подкосились, и я плюхнулась на пол.

– Плохая примета... – заметил Нежданов. – Разбитое зеркало – семь лет несчастья.

Я горько улыбнулась:

– Человек в маске поднял меня с коленей и сказал, что все в порядке. Я – ключ. Ключ, который слышит. Мы спустились вниз, и отец, услышав слова этого человека, был даже ласков со мной. Но он добавил, что с одним ключом отцу не пройти. Нужен второй. Тот, который видит.

– Веселенькая история, – присвистнул Нежданов. – В духе Дэна Брауна. Ну, а я-то здесь причем?

Сказать это было сложнее всего, но я все-таки сумела:

– Я думаю, что второй ключ, это ты, Саша. И когда мы откроем то, что ищет отец, он нас убьет.

Умный человек всегда думает на перспективу. И перспективы, надо сказать, вырисовывались просто фантастические. Сначала я решил, что Номи шутит, и что чувство юмора у нее весьма специфическое. Однако Номи и не думала шутить.

– Ты понимаешь, что все, что ты мне рассказала, выглядит полным бредом?

– Понимаю, – кивнула она. – Только это правда.

Ответить я не успел: в холле появился Хог.

– Вы оба мне сегодня не нужны. Свободное время.

В сопровождении охраны он вышел из бизнес-центра, и мы остались одни.

– Что ж, по крайней мере, у нас есть передышка, – сказал я.

Номи грустно вздохнула:

– Саш, я есть хочу.

Решение мгновенно созрело:

– Я отведу тебя в классное место. Мы поедем и заодно встретимся с одним человеком.

– Каким? – ревниво спросила Номи, будто имела на меня какие-то права.

– Она тебе понравится. Обещаю.

Номи насупилась, но скоро прервала молчание:

– Тебе, наверное, просто стыдно со мной идти.

– С чего ты взяла? – изумился я.

– Я привыкла, что меня стыдятся. Это понятно. Вот и отец тоже не слишком любит появляться со мной на людях. Со мной неудобно.

– Это тебе самой с собой неудобно, – сказал я. – Только и всего. Проблемы всегда в голове. **Когда человек хочет что-то в себе изменить, он меняет это.** У меня есть друг Артем Кукин. Сейчас это тренер по фитнесу в нескольких крупных интернет-проектах, общим числом почти в 3 миллиона человек. Автор многочисленных статей на тему спорта и книги о питании. Создатель проекта «Вкус спорта», посвященного правильному питанию. Популяризатор, продвигающий здоровый образ жизни в массы и помогающий окружающим стать лучше. И все, кто знают Артема сейчас, не догадываются, что так было не всегда.

Артем рассказывал мне, что на протяжении всего детства болел, в среднем, по девять месяцев в году. Обычная простуда переходила в воспаление легких, воспаление легких – в ангину. Больницы стали практически родным домом. Отец семью бросил. Мама содержала их одна, работая в трех-четырех местах одновременно. Дед Артема, Лев Николаевич Кукин, в молодости серьезно занимался спортом, дважды был чемпионом СССР по гребле, очень часто он надевал на внука свою «майку чемпиона» с гербом Советского Союза и рассказывал о том, как выигрывал чемпионаты страны. Еще тогда у Артема появилось желание стать таким же, как он, стать примером для подражания. Но поскольку хорошим здоровьем он не отличался, желание так и оставалось желанием. В промежутках между приступами болезни он изучал рецепты блюд и учился готовить, рисовать, писал стихи и песни, делал украшения из бисера и кожи, плел макраме, вышивал и даже немного шил. Шить приходилось еще и потому, что одежды подходящего Артему

размера не было, он всегда весил на 10-15 кг меньше сверстников. Приходилось всю одежду подгонять под себя.

Потом Артем стал заниматься фотографией, и одно время даже поработал фоторепортером. И все это время он понимал, что своими проблемами со здоровьем осложняет жизнь и себе, и своим близким. Поэтому в четырнадцать лет он принял решение начать заниматься в тренажерном зале. Артем думал, что родные будут против, но мама полностью поддержала идею своего сына. По большому счету, ему было уже нечего терять: и так он постоянно болел и был слабее всех. К тому моменту, как Артем переступил порог тренажерного зала, его вес был 43 кг при 176 см роста. За первую неделю занятий он набрал два килограмма мышц и увеличил объем бицепсов на два сантиметра.

В 15 лет Артем решил, что будет работать тренером, и благодаря маме попал на прием к человеку, который занимался рекламой сети клубов, самых крутых в Нижнем Новгороде. Этому человеку сказали, что на прием придет парень, который хочет работать тренером в зале, и нужно было видеть его удивление, когда в кабинет вошел пятнадцатилетний щуплый подросток весом 50 кг. Из этой встречи ничего не вышло, но Артем получил новый стимул: нужно было много тренироваться и учиться, чтобы исполнить собственную мечту. Тайно от друзей он ходил в зал, пока они ходили в ночные клубы и на дискотеки.

– Почему тайно? – удивленно спросила Номи, которая внимательно слушала эту историю.

– Он был меньше всех в классе, и над ним просто смеялись, что бы он ни делал. В 17 лет он поступил в

педагогический университет на факультет психологии. Хотел сначала на факультет физвоспитания, но подумал, что психология в жизни больше пригодится. Потом его взяли в один из фитнес-клубов тренером на замену, а как только исполнилось 18 лет – на полные смены. У него быстро набралась клиентская база, потом Артем понял, что он может консультировать людей по интернету: составлял программы тренировок и питания для клиентов по всему миру. Это было сарафанное радио: Кукина с восторгом рекомендовали знакомым и друзьям. Потому что он действительно знал, как из некрасивого и хилого тела сделать красивое и здоровое. По совету клиентов Артем создал канал **ArtemKukin** на Youtube и, вместо написания статей, стал снимать познавательные видеоролики. В каком-то смысле образ жизни Артема – это сплошное увлечение, а не работа. Это хобби, которое позволяет зарабатывать, поэтому он счастлив, занимаясь своим делом. Ему доставляет море удовольствия помощь людям, ему нравится, когда человек хочет изменить себя, нравится, когда человек получает результат. Он действительно счастлив, так как может постоянно заниматься любимым делом, тем, что его по-настоящему увлекает, – спортом, тренировками, здоровым образом жизни во всех его проявлениях.

– Проблема большинства людей, Номи, – продолжил я, – в том, что они в себя не верят. Нет, они много и красиво говорят, ставят перед собой невероятные цели, но они не верят в себя. Абсолютно. Но ведь любой человек может добиться всего, чего пожелает. Независимо от внешних факторов, с которыми он родился. Внешность, пол, возраст,

состояние здоровья – конечно, все это важно, и многие скажут, что кому-то просто не дано получить то, что он хочет. Но я верю, что **любой человек, приложив достаточное количество усилий, сможет получить желаемое, просто одному может понадобится больше времени и действий, нежели другому.** Своим примером Артем доказывает людям, что даже при плохом здоровье можно стать спортсменом, и не просто спортсменом, а примером для тех, кто отчаялся. Человек всегда должен помнить, что важно именно ЕГО желание. Если ты не хочешь зарабатывать деньги – ты их не получишь, если ты не хочешь быть здоровым – не будешь. И так абсолютно со всем, результат – это, в первую очередь, твое желание его достичь. Стоит лишь захотеть, и ты получишь все, что захочешь.

– Ты познакомишь меня с ним потом, когда все закончится?

– Конечно, а теперь, после столь вдохновенной лекции, нам надо существенно подкрепиться. Готова?

Я вначале хотел поехать в «Мансарду», где работал мой замечательный друг Саша Лысенко. Но Саша этот день решил посвятить своему маленькому сыну Богдану, поэтому пришлось спешно менять планы. И я привез Номи в легендарную питерскую «**Корюшку**».

Питерцы делятся на два типа: тех, кто по весне радуется запаху корюшки (а пахнет она свежими огурцами), и тех, кто этот запах не выносит. Однако «Корюшка», проект холдинга «**Ginza Project**», к этой рыбке имеет небольшое отношение. Это мажорное, стильное и модное место. Расположение его изумительно: из окон открывается вид на стрелку

Васильевского острова, крепостные стены – за спиной, а впереди – невские просторы, отделяющие вас от городской суеты. Здесь каждое блюдо особенное и необычное, а сервис отличный.

Номи быстро пробежалась по меню и сразу же сделала заказ.

– Красиво здесь, – сказала она, когда нам принесли напитки. – И кого мы ждем?

– Сейчас увидишь, – загадочно ответил я.

Я уже понял, что **Татьяна Зорьян** пришла, поскольку у входа возникло броуновское движение. Складывалось впечатление, что весь персонал, включая шеф-повара, бросились к дверям встречать VIP-персону. Впрочем, так оно и было. Я давно знаю Танюшу, но не перестаю удивляться: где бы она ни появилась, вокруг нее всегда возникает ажиотаж. Не знаю, как она это делает, но Таня всегда оказывается в центре внимания.

Она прекрасна.

Величественна.

Удивительна.

Феерична.

Она заставляет окружающих дышать чаще.

И меня в том числе. Тут я, пожалуй, поставлю мысленный смайлик.

Есть люди, которым стоит только попросить, и мир начнет вертеться вокруг них. Таня из таких людей.

С ума сойти, сколько замечательных вещей привнесла Танюшка в мою жизнь! Иногда мне кажется, что она, как энциклопедия Брокгауза и Эфрона, знает все и вся. Какие бы

новости я с ней ни обсуждал, она всегда уже в курсе: будь то съемки нового «Шерлока Холмса» или вручение Букера. Она знает, какие рестораны Парижа имеют звезды Michelin и как сервируется рыба, причем это все не носит оттенок пафоса или снобизма. С ней просто очень интересно. Мы с ней можем покурить кальян, поесть в Макдональдсе, узнать тайну апельсинового дерева или погулять у Лувра в поисках линии розы.

Благодаря ей я полюбил Финляндию: Таня открыла для меня массу чудесных райончиков Хельсинки, а ведь раньше я полагал, что этот город – скучнейший перевалочный пункт из одной страны в другую.

Таня научила меня разбираться в винах, и теперь я могу выступить в качестве сомелье.

В мгновение ока она располагает к себе людей: не раз и не два я видел, как в сложных ситуациях **она** за считанные секунды **одной улыбкой решала все проблемы**. Иногда я думаю, что «невозможное возможно» – это про нее.

Она мне несколько лет помогает как переводчик на различных международных мероприятиях. В том числе и на «EUROSONG». Я уже запутался, сколько языков знает Татьяна.

Пару лет назад, к примеру, мы с Танюшкой подошли к Дане Интернешнл и попросили записать видеопривет для Филиппа Королькова. Думаю, вряд ли у кого-то эта идея родилась бы, а мы с Таней безбашенные и веселые, нам все по плечу. Филиппу это видео, кстати, очень понравилось. Я уже рассказывал, как встретил ее на одном из концертов Королькова: в течение трех дней она поднималась на

сцену, при том, что охрана никого больше на сцену не пускала, и дарила Филиппу цветы, а весь зал (в том числе и я) думал, что она подставная. Ну, не бывает так, чтобы Корольков почувствовал такое расположение к незнакомому человеку. Оказалось, что бывает.

Филипп вообще очень тепло относится к Танюшке. Помню такой эпизод в Ялте. Филипп репетировал, и местный звуковик выдал лажу со звуком (понятно, он такой один, а звезд много), Корольков уже был готов взорваться, и тут увидел Таню. Одна ее улыбка, и гнев короля эстрады как рукой сняло.

Или вот еще история. Пару лет назад я попросил Амори Василю, представителя Франции на «EUROSONG» в Дюссельдорфе, об интервью. Поехали на встречу с Таней. Амори посмотрел на Таню и пропал: сказал, что такой эффектной женщине он готов давать интервью только за чашечкой кофе. В итоге интервью у меня не получилось: Амори был напрочь сражен огненным зорьяновским взором.

И вот теперь Таня степенно, по-королевски подходила к нашему столику. Номи смотрела на нее, открыв рот. Таня коротко взглянула на нее, и я понял, что она уже составила мнение о Номи, сделав быстрые и верные выводы и о социальном положении девушки, и об ее внутреннем мире. **Таня обладает невероятным чутьем. Она не только психолог от Бога, но и великолепный стилист.**

Представление девушек друг другу заняло меньше минуты, и Таня углубилась в меню. Официант стоял рядом и ждал ее заказа так, словно от этого зависела вся его

дальнейшая жизнь. Когда заказ был сделан, официант вприпрыжку помчался на кухню.

– С нашим он так не бегал, – задумчиво сказала Номи. В ее голосе не было ни зависти, ни обиды, лишь констатация факта. – Чудеса, да и только!

Татьяна мило улыбнулась. Она привыкла к таким чудесам.

– Так что же у вас такого срочного случилось, Саша, что ты меня сюда вызвал?

– Танюш, ты все на свете знаешь, и нам нужна твоя помощь.

– В какой именно области?

– Скажем, в области мифов, загадок, тайн.

– Нежданов, ты не перестаешь меня удивлять. И что же вас конкретно интересует?

– Нечто, что где-то спрятано. К нему есть два ключа. Один, который слышит. Другой, который видит.

– Ты прямо как Гарри Поттер в поисках одного из крестражей: нам нужно что-то маленькое, спрятанное в Хогвардсе, но мы не знаем, что это такое и где это искать, – сказала Таня. – Саш, ты существенно преувеличиваешь мои знания. Понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Танюш, подумай, это очень важно, – заныл я. – Возможно, ты что-то читала, что-то слышала.

Таня сделала глоток эльзасского **Pinot Gris Reserve** и задумалась. Номи смотрела на нее во все глаза. Как и все, моя спутница мгновенно попала под зорьяновское обаяние.

– Два ключа, – размышляла вслух Таня. – Один, который слышит. Один, который видит. Какие-то еще зацепки есть?

– Зеркала, которые разбиваются с помощью пения. И человек в Италии. Священник. Больше ничего.

– Вряд ли это связано со святым Граалем, обычно вокруг него масса легенд ходит. Недавно снова прошла информация, что святой Грааль якобы нашли. Нет, тут что-то другое. Постой, ты сказал – зеркала?

– Ну да.

– Вспомнила! – улыбка Тани была торжествующей. – Было такое пророчество: про голос, разбивающий зеркала.

– С чем оно связано?

– Ты что-нибудь слышал про легенду об источнике молодости?

– Только в контексте «Пиратов Карибского моря», но, похожему, все это ерунда.

– Ну, как сказать, – Таня задумчиво вертела бокал в руках. Вино таинственно золотилось в ресторанном полумраке. – Жил в конце пятнадцатого века такой человек – Понсе де Леон. Знатный испанский вельможа. Говорят, вместе с Колумбом он открыл Америку, потом исследовал остров Пуэрто-Рико, нашел там много золота и стал первым губернатором. В 1511 году он лично принимал участие в допросе пленных индейцев, которые и поведали ему о чудодейственном Источнике. По их признаниям, один индеец, «согбенный старостью», испил воды из малоприметного родника, после чего «вернул себе мужскую силу и исполнял мужские обязанности, взяв себе новую жену и родив детей». Понсе де Леон загорелся идеей отыскать этот источник и на собственные средства снарядил экспедицию, но вместо вечной молодости он нашел Флориду, которую

принял тогда за остров. Потом его ранил отравленной стрелой вождь местного племени, и господин Понсе скончался.

– Не повезло парню, – промышчал я с набитым ртом. Слушать Таню было интересно, но от тарелки тянуло столь восхитительными ароматами, что я почти потерял голову от еды. – Только какое отношение все это имеет к нашей задачке?

– Вечно ты торопишься! Понимаешь, Понсе де Леон был одним из сотен людей, которые на протяжении веков искали источник вечной молодости. Так, Геродот упоминал некий фонтан в Эфиопии, вода которого творила чудеса. Говорили, что Александр Великий пересек некую землю тьмы, чтобы найти живую воду. В сказках любого народа в той или иной интерпретации встречается живая вода. В общем, это одна из вечных легенд.

В 1998 году одна из американских газет опубликовала достаточно интригующее письмо, написанное женщиной по имени Элен Никитин. В письме женщина рассказывала о своей жизни и причине переезда из СССР в США, а также о том, что вот уже 20 лет она практически не стареет. К письму прилагались два фото: на одном ей 20 лет, а второе сделано в мае 1998 года, и ей на нем ровно 40. И выглядит она на них практически одинаково! По словам Элен, в Америку она попала нелегально – без визы, на шедшем в Мексику судне. Из-за этого ей более четырех месяцев приходилось скрываться в пещерах на границе США, близ небольшой мексиканской деревушки, равнодушные жители которой приносили ей еду. Однажды одна жительница деревни –

Амила, обмолвилась, что Элен живет в «пещере вечной молодости». Якобы человек, пробывший в ней достаточно долгое количество времени, никогда не состарится. Еще жительница сказала, что ей самой уже 50 лет, хотя на вид ей было не больше 25. Искали эту пещеру тогда долго, но потом сочли историю Элен очередной шуткой. Есть версия, что в некоторых природных источниках вода возвращается с огромной силой, и благодаря этому она может затягивать в себя пространственную энергию и приобретать уникальные свойства: лечить болезни, омолаживать организм, давать силы.

– А ключи? – не выдержала Номи.

– Ты под стать Саше – такая же торопыга, – ласково укорила Номи Таня. – С ключами вот какая история была. Не так давно в одном из действующих итальянских монастырей нашли старинную книгу. В этой книге на латыни были собраны мифы о самых легендарных артефактах и местах, обладающих магической силой. Казалось бы, очередная эзотерическая подделка. Но книга датирована концом шестнадцатого столетия, написана на латыни. Частично ее перевели и опубликовали, вызвав новую магическую лихорадку: народ снова стал искать всевозможные артефакты. Что же касается вашей загадки, то в этой книге также приведена легенда об источнике молодости и власти, скрытой в глубине земли. Тот, кто выпьет воды из него, станет вечно молодым и обретет власть над миром. По дороге к источнику расставлены ловушки, и их может обнаружить только тот, кто обладает истинным слухом и истинным зрением. Проверить истинность слуха можно с

помощью венецианских зеркал: тот, кто расслышит их музыку, сможет разбить их звуком голоса. А проверить истинность зрения...

– Не томи! – взмолился я.

– Можно с помощью смерти, – виновато закончила Таня. – Извини, Саш, передаю как есть. Не знаю, что именно пророки вкладывали в эту фразу. В общем, такой человек обойдет ловушки и достигнет вожделенного источника. Так гласит легенда.

Мы озадаченно переглянулись с Номи.

– Слушай, а, может, твой отец спятил?

– Ее отец точно спятил, если позволяет своей дочери ходить в таком виде! – оборвала меня Таня. – В общем, так, Саша. После обеда я забираю Номи, и мы идем с ней по магазинам. Вечером доставлю твою спутницу в целости и невредимости в отель. Согласен?

Я задумчиво кивнул. Одна мысль не давала мне покоя.

– Тань, а в этой книге не сказано, где именно территориально находится этот источник?

– В Мексике.

Только этого мне не хватало.

* * *

Я вернулась в отель поздно вечером, обвешенная разноцветными гламурными пакетами. На лестнице охранник преградил путь.

– Барышня, вы к кому?

– Это я. Номи.

Он удивленно отступил, разглядывая.

– Надо же... Никогда бы не поверил, что человек может так измениться.

Я прошла в свой номер и рухнула на кровать. Какой странный день. Впервые за долгое время мне было не страшно. А, пожалуй, что и весело.

– В тебе есть кураж, – сказала Таня, когда мы перемерили тонну одежды. – Это стоит намного дороже, чем смазливая мордашка.

– Почему?

– Потому что красота всегда субъективна и, главное, мимолетна. Цепляет не внешность.

– Внутренний мир?

– Иронизируешь? Зря. Цепляет непохожесть. То, что ты совсем не такая, как все. Не бойся, если скажут, что с тобой сложно. **С простыми людьми редко кто надолго остается.**

Потом Татьяна привела меня в студию красоты «Резиденция красоты», передав с рук на руки великолепному стилисту **Александру Маэстро.**

– Ты чего дрожишь? – спросил он, когда я уселась в кресло. – Боишься, что обкорнаю?

– Так заметно? – смутилась я. – Просто я никогда не была в салоне такого уровня. Поэтому немного непривычно.

– Не волнуйся, – сказал Александр. – Мы сделаем из тебя очень интересную и привлекательную барышню.

– Верится с трудом, учитывая природный материал.

– Ты еще и самокритична? Можем поспорить.

Спорить я не стала, закрыла глаза и предоставила Александру колдовать над моей головой, справедливо рассудив, что все равно хуже не будет.

– Наверное, сложно быть стилистом?

Ножницы летали вокруг моей головы, как стрекозы.

– Сложно, если не любишь то дело, которым занимаешься. А я свою работу очень люблю. Стричь я начал в тринадцать лет. У меня мама первоклассный стилист, вот и научила. Так и пошел по стезе цирюльника. После школы поступил в лицей «Локон», там же меня и заставили участвовать в чемпионатах. Первый конкурс был в своей группе – там я занял третье место, потом весь первый курс – там оказался на втором месте, и потом финал – все группы с первого по четвертый курс, и там я снова попал в тройку лидеров, заняв второе место. Вот тут-то и началась новая жизнь. Чемпионаты – словно наркотик: я начал выступать на всех чемпионатах подряд, и могу сказать, что на всех турнирах с 2001 по 2007 год я не попал в тройку только дважды.

– Конкурс – это, наверное, сплошное волнение.

– Волнение – меньшее из зол. Путь к призам – это бессонные ночи, ежедневные, нет, круглосуточные тренировки в режиме нон-стоп. И спасибо тренерам, которые меня поддерживали: учили не только создавать красивые работы, но и раскрывали стратегии победы.

Я приоткрыла один глаз и посмотрела на себя в зеркало: не понять, что получится в итоге, но пока весьма любопытно.

– И вот вы теперь известный, титулованный мастер, могли бы за границу уехать...

– А зачем? К своей стране отношусь положительно. Да, у нее есть свои недостатки, но они же иногда и плюсы. Например, остановил тебя гаишник за серьезное нарушение

и хочет забрать права. В Европе, Америке тебя бы лишили прав, а тут – поговорил и все такое, и ты с правами, и гаишник довольный, а страна вряд ли что потеряла... К тому же я не только страну люблю, но и свой город, Петербург. Я в нем родился, живу, собираюсь в нем профессионально и лично развиваться. Когда-то я жил с родителями в общежитии, которая принадлежала государству, сейчас купил квартиру, новую БМВ, и я очень рад этому. Здесь и государству спасибо скажу, оно все-таки, как-никак, а помогло. И в этом салоне являюсь соучредителем. Планов очень много, и все они безумно интересные. Ну, вот и готово!

Я посмотрела на себя в зеркало и ахнула. Нет, я не стала красавицей, но...

– Ты стала интересной, – отметила Таня. – Вот, что важно. **Миром правят не красивые, но чертовски интересные женщины.**

А потом мы пошли к ней в гости. И я познакомилась с Таниной мамой, **Ольгой Юрьевной**. Это было странное чувство: словно после долгих одиноких лет я вернулась домой. С Ольгой Юрьевной было легко и просто: умная, современная, она мгновенно вызывала симпатию. Признаться, я снова позавидовала Тане: мало того, что она сама такая роскошная, так у нее еще мама – лучшая подружка.

– Тебя не было несколько часов! – я не заметила, как в комнате появился отец. Выглядел он злым и напряженным. – Где была?

– Гуляла, – сама не поняла, почему в голосе прозвучал вызов.

Он мельком посмотрел на пакеты из бутиков.

– Времени зря не теряла, – короткий цепкий взгляд. – Выглядишь неплохо.

В его устах это было высшей похвалой. Отец заметно смягчился:

– Ложись спать, Номи. Завтра у нас сложный день. И очень сложная встреча.

– С кем, Рэм? – он терпеть не мог, когда я в глаза называла его папой или отцом.

– Завтра узнаешь. Надеюсь, что ты меня не подведешь. Я слишком много в тебя вложил, Номи. Помни об этом.

– Рэм...

– Да? – он задержался в дверях.

– А ты меня хоть немного любишь?

Он помолчал немного, затем жестко ответил:

– Любовь – это большая глупость, Номи. Самая большая, которую придумал человек. Ты сэкономишь время, деньги, силы и чувства, если откажешься от этой ерунды. Любовь – это слабость и зависимость. А человек должен быть сильным.

Он вышел, так и не сказав, какие чувства испытывает по отношению ко мне. Мне было горько и обидно. Но после сегодняшнего дня я точно знала: отец неправ. Он ошибается. **Если что-то и может спасти нас в этом мире, то только любовь.**

* * *

Честно говоря, эти совместные завтраки с моим новым работодателем меня сильно напрягали. Первый раз было любопытно, как питаются миллионеры, во второй я уже был готов взвыть от тоски. Хорошего настроения не добавил и тот факт, что я полночи практически не спал. Под утро понял, что сон так и не придет, и сел к компьютеру. Пошарился по соцсетям, но и лента новостей вызывала скуку и раздражение. Из головы не шла эта странная ситуация, в которую я по незнанию впал. Все, что мне оставалось, попробовать раздобыть информацию. Как любит говорить **Watchman**, информация, полученная вовремя, 95% любого успеха.

Итак, Нежданов, что мы имеем на сегодняшний момент?

Всего лишь месяц назад я готовился круто изменить свою жизнь. Разорвал все связи с шоу-бизом, продал квартиру, получил вид на жительство в другую страну и купил билет на самолет. И в этот момент меня подставили. Причем подставили те люди, от которых я никак не мог этого ожидать. Именно тогда и повстречался Рэм, который сделал мне щедрое денежное предложение, от которого я не смог отказаться. А куда деваться? Вполне естественно, что я воспринял появление Рэма, как щедрый подарок судьбы. Из серии: не было бы счастья, да несчастье помогло.

Ну, а если все это было заранее подстроено? И что если кинули меня неслучайно? По указанию Рэма? Ведь это вполне в его стиле. Загнать в угол, сделать жизнь невыносимой. Сделать так, чтобы человек сам пришел, попросил о помощи, да еще был благодарен по гроб жизни.

По гроб жизни – неплохо сказано. Главное, чтобы нас с Номи этот самый гроб в Мексике не поджидал.

Нет, нет, нет... Бред. Ну, не бывает так. Источники вечной молодости, девушки, разбивающие голосом зеркала... Все это фикция чистой воды. Интересная история, которую можно прочитать вечером за бокалом вина. Или, допустим, Рэм сумасшедший. Он действительно верит в эти сказки и на полном серьезе потащит нас с Номи в Мексику. В Мексике я был, там красиво и интересно, если, конечно, ты не лежишь на жертвенном камне и не готовишься оставить этот бренный мир раньше времени.

Конечно, я мог бы попробовать соскочить. Однако без денег сделать это будет трудно. Плюс еще есть Номи. Не могу же я бросить ее одну! Окей. Значит, придется принять правила игры и какое-то время играть по ним. «Там видно будет» – прекрасный лозунг для оптимиста, которому нечего терять.

И вот теперь, хмурый, злой и не выспавшийся, я сидел за столом и смотрел, как Рэм поглощает тонны еды. Тарелкам не было числа. Интересно, как в него все это помещается?

– А ты чего не ешь, Нежданов? Заправляться нужно с утра, – промычал он с набитым ртом.

Номи покраснела и уставилась в свою тарелку, на которой лежала маленькая печенюшка с глазурью в виде смайлика. Разительный контраст: отец и дочь.

– Я не против хорошего завтрака, важно только, чтобы он был не только вкусным, но и полезным.

– Еще один адепт здорового образа жизни, – хмыкнул Рэм. – Может, ты еще и вегетарианец?

– Он самый.

– И куда мир катится? – горестно спросил Рэм куриную ножку. – Еда, Нежданов, одно из лучших наслаждений, коим Господь Бог наградил человечество. Вкусная еда делает тебя счастливым.

«И больным», – подумал я, но комментировать вслух ничего не стал. У каждого своя правда. Каждый из нас выбирает сам, где жить, кого любить и чем заниматься в жизни. Система питания – это точно такой же индивидуальный выбор. И если человек день за днем убивает себя неправильной жирной пищей – это его личное дело. Я в этом вопросе не могу ни помочь, ни помешать. **Никогда не вмешивайтесь в чужую жизнь: спасибо все равно никто не скажет, зато проблем приобретете вагон и маленькую тележку.** Помните, чем вымощена дорога в ад? То-то же.

Под неодобрительные взгляды Рэма я потянулся к йогурту и фруктам. И пусть! Контракт контрактом, но впихивать в себя килограммы жареного мяса я не подписывался. Интересно, в курсе ли Рэм, что несколько лет назад я мучился от лишнего веса? В какой-то момент организм дал сбой, и я не заметил, как пришлось купить джинсы на размер, потом на два размера больше. Есть люди, у которых настолько сильный обмен веществ, что они ежедневно питаются фаст-фудом, и это никак не отражается на фигуре. А есть те, кто генетически склонен к полноте. Мне, к сожалению, не повезло: любой тортик или даже самая маленькая конфета стопроцентно перейдут в бока. Беда в том, что, когда переживаю сильный стресс, неважно, в

личной жизни или по работе, я его непременно заедаю многочисленными вредными вкусностями. Вес набираю я стремительно, а вот худею долго и мучительно. Впрочем, как и большинство людей. Тут я не исключение.

Знаю, что многие принимают спонтанные решения сесть на диету и похудеть. Однако, как правило, дальше поставленных целей и сжеванных листиков салата на ужин дело не идет. Проходит время, и человек срывается. Сброшенные килограммы возвращаются. Дело не в диете. Дело в здоровом образе жизни, как бы пафосно это ни звучало. Когда я решил похудеть, то прошел через десятки псевдоспециалистов. Кто-то советовал модные монодиеты, кто-то направлял в спортзал и рекомендовал протеиновые коктейли, кто-то не без сарказма цитировал великую Майю Плисецкую, которая говорила, что есть только один способ сбросить вес – не жрать. Толку, как нетрудно догадаться, не было никакого.

Помог счастливый случай. По совету подруги я приехал в клинику Пирогова на Ваське и записался на курс массажа. Массаж был последним средством, в которое я верил. Но, честно говоря, к тому времени уже отчаялся. Массаж так массаж, хуже все равно не будет, так? Посмотрел на имя: **Наталья Георгиевна Солдатова**. Имя мне тогда ничего не сказало. Только потом я узнал, что Наталья Георгиевна – **массажист от Бога**. Благодаря ее сильным рукам десятки людей после серьезных травм, инсультов, операций вставляли на ноги.

Когда я оказался на массажном столе, то вдруг понял, что мою спину, живот, тело завязывают узел и просто

перебирают по косточкам. Массаж был чувствительный: Наталья Георгиевна работала со всеми проблемными зонами. Эффект я заметил уже после двух сеансов. Потом мне объяснили, что профессиональный массаж снимает блоки и зажимы в теле и запускает все обменные процессы. Организм как бы раскрепощается, иными словами, получает «волшебный пендель», чтобы перестроиться и начать путь к выздоровлению.

Впрочем, в клинике Пирогова есть еще одна удивительная фишка: после массажа уже второй врач, **Елена Алексеевна Копылова**, проводит сеанс иглоукалывания. Елена Алексеевна – **уникальная женщина. Она знает все точки организма, она читает их, как раскрытую книгу.** Болит ли у вас спина, голова, рука – нужно просто простимулировать определенные точки на теле. Елена Алексеевна ставит иголки, и боль уходит, и организм начинает работать с новой силой. Честно говоря, когда я увидел эти иголки в первый раз, то неловко пошутил про пыточный инструмент. Но страх и боль испарились, а после я чувствовал себя чуть ли не новорожденным младенцем.

Вес уходил легко и без всяких гастрономических срывов. Одновременно я вдруг понял, что у меня полностью изменилась система питания. Я отказался от мяса, сладостей, всей той тяжелой пищи, которая день изо дня отравляет организм. Фрукты, овощи, зелень, клетчатка, немного молочных продуктов – я ел здоровую пищу и чувствовал себя счастливым. Потянуло в спортзал: захотелось больше движения, больших физических нагрузок и пилатеса. Тем более мой хороший друг Григорий Чуркаев научил меня не

бояться зала и тренировок. Он – лучший тренер групповых программ «ALEX FITNESS» и «OLYMP» – сети из 75 клубов, включая даже клуб в Сан-Франциско. Григорий показал мне, как можно влюбиться в спорт и красоту своего тела. И самое невероятное, что после занятий с ним ушло раздражение и злость. В душе воцарилась гармония. Так неужели все это я променяю на обильные завтраки?! Ну уж нет...

– О чем задумался, Нежданов? – босс переваривал завтрак и казался благодушным. За все это время Номи не проронила ни слова. Мне показалось, что она за что-то обижена на меня, но в чем причина, понять не мог.

– О планах на будущее. Мы в Питере еще долго будем?

– Завтра Москва. Потом Германия. А потом посмотрим, – он как-то странно взглянул на дочь. – Твоя подруга вчера постаралась и сменила Номи имидж. Ничего не хочешь сказать? Похвалить? Покритиковать?

И тут я догадался. Бедный ребенок! Она хотела услышать от меня комплимент по поводу нового облика, а я промолчал.

– Тебе очень идет, – сказал я. – Не обижайся, Номи. Я ничего не сказал потому, что воспринимал тебя так с первой минуты нашего знакомства.

– Как это? – не поняла Номи. Однако Рэм заинтересованно подался вперед.

– Не знаю, как объяснить. Просто иногда **я как бы забегаю вперед и вижу людей, события, места такими, какими они станут через очень небольшой промежуток времени.** Понимаю, что звучит фантастически, но это действительно так.

– Ну-ну, – заинтересованно проговорил Рэм. – Это помогает в жизни?

– Иногда помогает. Иногда мешает. В работе помогало. Несколько раз я так брал интервью со звездами: приходил в какое-то место и ждал, и там вскоре появлялся нужный мне человек. Кроме того, я всегда знаю, когда обо мне говорят или даже просто смотрят в мою сторону. Чутье, наверное.

– Видение. Ты видишь то, что другие не видят, – Рэм казался заинтригованным. – А вот скажи, Нежданов, какое событие нас ждет в самом ближайшем будущем?

Я откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Сквозь внезапную черноту проступали неясные фигуры. Я открыл глаза, и картинка стала четкой.

– Свадьба, – уверенно ответил я.

– Бинго! Ты тот, кто мне нужен, Нежданов.

* * *

На свадьбах положен лимузин. Отец выбрал белый. Мы сели друг напротив друга. Рэм тут же откупорил бутылочку «Вдовы клико» за здоровье молодых, так сказать. Нежданов молча взял бокал и откинулся на спинку сиденья. Я прислушалась к его мыслям: стремительный и сильный поток, много вопросительных знаков и многоточий.

– Не надо, Номи, – тихо попросил Нежданов и отхлебнул шампанского.

– Чего не надо? – я притворилась, что не понимаю.

– Подслушивать не надо. Когда придет время, я сам тебе расскажу.

Нехотя я подчинилась. Мне было интересно его слушать. Он не врал.

Всю дорогу отец балагурил и шутил. Так он всегда делал, когда все шло по плану, и он был доволен.

Мы ехали на свадьбу его знакомого, и я ничего хорошего от этого события не ждала. Еще один пример бартера в человеческих отношениях. Еще одна история, когда женщина продает молодость и свое тело за очень большие деньги. Чем она отличается от моей матери? Только тем, что маме не очень повезло: штампа в паспорте не оказалось, ребенком привязать мужчину не удалось. Наверное, она очень ненавидела нас обоих. Отца за то, что бросил. Меня за то, что я такая. И что не сын. Был бы сын, отец, возможно, женился. Впрочем, **история не терпит сослагательного наклонения, чего уж там.**

Я знала, что сегодняшний жених смертельно ненавидит Рэма Хога. Ненавидит и боится. Знала, что его молодая невеста регулярно докладывает отцу обо всех финансовых операциях будущего мужа. Я много чего слышу и знаю. Люди, как правило, не обращают на меня внимания: маленькая девочка, что она поймет? Непростительная ошибка.

Я взглянула на Нежданова. Он сидел рядом со мной, закрыв глаза, и казался абсолютно спокойным.

– Ты же не любишь свадьбы, – сказала я.

– Не люблю, – не открывая глаз, согласился он. – Но ТАКИЕ свадьбы меня не напрягают. Они забавные.

– Какие ТАКИЕ?

– Пафосные. Статусные. Понтовые. Свадьбы, где изначально нет любви, а есть деловое соглашение: я тебе даю то-то, ты мне отдаешь это. И мы с тобой в расчете. Фишка в том, что оба в конечном итоге оказываются в проигрыше.

Отец внимательно слушал наш разговор.

– В чем же проигрыш, Нежданов? Ты получаешь то, что хотел и сколько хотел, а потом идешь своей дорогой. Все по-честному.

Саша как-то странно взглянул на Рэма. И этот взгляд меня напугал.

– Вы так думаете, Рэм? Вы считаете, что те люди, к которым мы сейчас едем на свадебный банкет, действительно договорились? Он обманывает ее. Она обманывает его. Но оба уверены, что все по-честному. Вы что, всерьез думаете, что люди рядом с вами честны и поступают в соответствии с когда-то принятыми договоренностями?

– Тот, кто меня обманет, и дня не проживет.

– Один вопрос, Рэм. Раз уж повод такой романтичный: свадьба, обеты верности и все такое. А в вашей жизни была женщина, за которую вы бы могли жизнь положить?

– Чего?

– Я так и думал. Спасибо, – в голосе Нежданова послышалась вежливая насмешка.

Мы помолчали. Шампанское исходило на пузырьки, становясь теплым и невкусным.

– Вы оба мне будете нужны на этой свадьбе. Там ожидается важный человек, я вас с ним познакомлю. После

можете гулять... – тон Рэма стал отрывистым и грубым.

– Не грусти, – шепнул Нежданов. – Там будут классные ребята. Я тебя с ними познакомлю.

– Классные ребята?

– Ну да. **Стас Балакший и Виталий Деменко**. Они иногда работают в связке и делают очень крутые свадьбы, ну, в смысле, фотографируют. **К Стасу надо записываться за пару месяцев – настолько он востребован, а Виталий фантастически чувствует кадр и людей**. Тебе они понравятся. С ними легко и интересно.

– Так я вроде бы и не невеста. Чего меня снимать?

– Дурочка, – Нежданов сказал это так ласково, что я даже не обиделась. – Ты увидишь работу суперпрофессионалов. Смотри и учись. Запомни, Номи, **если ты встречаешь на своем пути профи, то у них нужно всегда учиться**.

– А если мы в разных сферах работаем?

– Неважно. **Профи – всегда подарок судьбы**.

Мы вышли из машины и направились в парк, где уже были раскинuty шатры и накрыты столы. Голливудский размах в Санкт-Петербурге. Рэм шел впереди нас, раскинув руки и приветствуя жениха и невесту. Я подумала, что им сегодня повезло: на смену первым осенним дождям и собачьему холоду пришло бабье лето – теплое, пряное, солнечное. Золотой осенью вообще хорошо играть свадьбы. Получаются великолепные фотографии. Так, наверное, сказал бы какой-нибудь профессиональный фотограф. И он был бы на сто процентов прав.

– Скажи, а мой отец профи?

– Твой отец редкостный засранец, – серьезно ответил Нежданов. – Но если что, это мое личное оценочное мнение, которое Рэму лучше не передавать.

Да я, в общем-то, и не собиралась.

Стас и Виталий мне очень понравились. У каждого был свой стиль работы, индивидуальный, яркий, но они как-то сумели найти ритм, и сдерживали натиск гостей, виртуозно командуя ими и отпуская острые, но не обидные шуточки.

– Привет, – сказал Нежданов. – Это Номи.

– Привет, Номи, – синхронно ответили Виталий и Стас.

Каждый бросил в мою сторону всего лишь взгляд, но я была уверена, что этого было вполне достаточно, чтобы многое понять. Нежданов как-то сказал, что у **хорошего фотографа особый взгляд на людей: он всегда видит то, что они пытаются скрыть. Фотосессия – как исповедь: сколько ни выкручивайся, все равно рано или поздно твое лицо и тело на снимке скажут правду – кто ты такой, о чем думаешь, чем и для чего живешь. Твое дело – принять эту правду или же отвергнуть.**

– Поможешь? – спросил Виталий, протягивая мне сумку.

И я пошла за ним, как хорошо обученный верный щенок, который понял, что обрел смысл жизни, и этот смысл ему очень нравится.

– Слушай, а в чем твоя фишка? – спросила я Виталия, когда он нашел нужный ракурс, а перед ним застыли побитый временем и стрессом банкир и сильно декольтированная юная фотомоделка.

– Фишка в идее, – ответил он через паузу. Точный и короткий, едва слышный щелчок, и нужный кадр был сделан.

– Идея – самое главное в нашей профессии.

– Не поняла.

Виталий протянул мне камеру:

– Посмотри в объектив. Что ты видишь?

– Парк. Люди. Столы со жратвой.

– Ты видишь первый пласт события, но есть и второй, и третий. Чем глубже этот пласт, тем он интереснее. Мне важно увидеть историю. Вот, скажем, вот этот банкир и эта фотомоделка. Что их привело на эту свадьбу, какая у них история, как она началась и чем закончится. И вообще, есть ли между ними что-то. Понимаешь?

– Не совсем.

– **Камера – очень интересный инструмент. Она подмечает все то, что обычный человеческий глаз не видит. Она как ясновидящий.** Вдумайся, Номи. Ясно видящий. И моя задача – убрать первый пласт видения и узнать суть вещей. Понять, что за человек передо мной, что его радует, что печалит, наконец, совместить его нынешнее настроение с интересом и событием.

– Разве так можно?

– Так и нужно. Можно снимать традиционно, можно современно, используя все инновационные фишки и примочки, но если у тебя не будет идеи, кадр не получится. Люди в большинстве своем зажаты, они знают, в каком ракурсе получаются лучше всего, и используют этот ракурс годами. В итоге на всех фотографиях одна и та же улыбка, одна и та же поза, одна и та же зажатость. Я хочу, чтобы на всех фотографиях человек был разным, чтобы камера поймала его настроение, и чтобы это настроение оказалось

запечатленным. И мне важен позитив. Терпеть не могу снимать грустных или раздраженных людей.

– Ты командуешь «сы-ы-ыр», чтобы вызвать улыбку?

– Когда как... Иногда провоцирую, чтобы вызвать нужную реакцию, иногда смешу...

– Получается?

– Зайди на мою страничку Вконтакте, и сама поймешь, что к чему. Не помню, чтобы кто-то из заказчиков остался недоволен. Я из реальности делаю сказки, и эти сказки потом работают, они как бы моделируют будущее. Терпеть не могу снимать свадьбы стандартно и неинтересно, мне важно придумать какой-то ход, сюжет, тогда все получается невероятно позитивно и с перспективой.

– С перспективой – это как?

– Ну... Знаешь, мои фотографии счастливые... Даже если потом, спустя какое-то время, двое все же поссорятся, они откроют свадебный альбом и поймут, что **ссора – это пустяк... Есть более ценные вещи, за которые стоит держаться.**

– Ты думаешь, что сегодняшние новобрачные поступят именно так?

– Я никогда не обсуждаю своих клиентов, Номи, – твердо ответил Виталий. – Могу только сказать, что их фотографии будут замечательными, и, возможно, когда-то они поймут, что не все в этой жизни измеряется деньгами и связями. А теперь извини, надо вот эту пару у фонтана сфотографировать...

Я посмотрела на женщину, завернутую в кокон вечернего платья, и ее спутника –

тучного мужчину с брезгливым выражением лица. Да здесь, пожалуй, все извилины нужно напрячь, чтобы придумать историю. Впрочем, я же не фотограф, так что таких задачек перед собой и не ставлю.

Стас в это время фотографировал местного депутата в обнимку с известной актрисой. Оба играли в игру под названием «Мы очень веселы, мы безумно счастливы!», но в глазах плескалась такая тоска, что впору было ее заливать водкой.

Стас сделал несколько кадров. Я не удержалась и полюбопытствовала. Надо же! Вот это разница, из цикла: найдите десять отличий! Актриса на фото получилась лукавой и соблазнительной, депутат умным и чуть ироничным. Более того, они вместе смотрелись весьма гармонично.

– Как у тебя так получается?

Стас пожал плечами:

– Как – так?

– В жизни они совсем не такие.

– Они тебе не нравятся, да? – спросил он, прищурившись.

– Признаться, не очень.

– Людей, значит, не любишь.

– А чего их любить? Все равно предадут, когда время придет, или больно сделают.

– Да, подруга, не быть тебе фотографом, – усмехнулся Стас.

– Это еще почему?

– Потому что из всех цветов у тебя на первом месте черный.

– Допустим. А какой должен быть? Белый?
– Полосатый, с массой цветных оттенков. Тогда и жизнь будет совсем другой на вкус.

– Сладкой?
– Вкусной, – улыбнулся он. – Эти люди тебе сразу не понравились, я видел. Ты поджала губы, чуть нахмурилась и посмотрела на них свысока: дескать, я хорошая такая, честная и правильная, а вы – полный отстой. Да подожди ты обижаться, Номи! Так поступают практически все люди: делают далеко идущие выводы, оценивая других исключительно по первому впечатлению.

– Ну, и что тут такого?
– Взгляд искажается. Вот тебе не понравилась эта актриса, да? Снимается в дешевых сериалах, выглядит не очень, не слишком даровита, но хочет быть звездой. Так?

– Угу.
– Ты сделала вывод, и он для тебя единственно верный. Между тем, эта дама блестяще играет в театральных антрепризах, умница, занимается благотворительностью. Все это можно было бы узнать, если бы ты сняла шоры. Я не призываю тебя любить всех людей, это нереально, признаю. Но... что тебе мешает относиться к ним без предвзятости?

Я помолчала.
– Ты прав. У меня действительно есть такая привычка: оценивать по первому впечатлению.

– Исправляйся. Будет легче жить. И друзей станет больше. Поверь мне на слово. Если бы я вешал ярлыки на всех, кто мне не нравится с первого взгляда, я был бы сейчас еще более одинок, чем Робинзон Крузо.

Все это он говорил, не переставая работать. Черт, как же хорошо он снимает!

– Ты где учился, Робинзон? – спросила я Стаса.

– Это так важно? – вопросом на вопрос ответил он. – Главный учитель – это ты сам. Ты можешь не учиться в новомодных университетах, не получить степень МВА, и все равно ты состоишься как личность, как профи. Системное образование хорошо, не спору, при условии, что есть жизненный опыт, приобретенные профессиональные навыки, способности, талант, наконец. Без всего этого твоя «вышка» – только корочки. Их можно положить в шкаф и забыть. Я вообще ставлю на две вещи: самообразование и труд. Если будешь учиться, заниматься самообразованием и работать по двадцать четыре часа в сутки, достигнешь отличного результата.

– Для человека, который практически не спит, ты выглядишь просто отлично.

– Я просто знаю, чего хочу добиться, а это весьма неплохой стимул.

– Для чего?

– Как минимум, для того, чтобы каждый твой день был классным и не похожим на другие дни. Чтобы интересные люди в жизни были, события, чудеса, путешествия. Я хочу получать удовольствие от всего, что делаю. Вот ты, Номи, как живешь? Интересно?

– Не получается. Ни событий, ни людей интересных. Так, рутина. Как у всех.

– А я вот не хочу как у всех, – ответил Стас. – Знаешь, в четырнадцать лет я сорвался в Питер. Просто решил в

одновременно, что мне нужно приехать сюда. Взял и приехал. Порой мне кажется, что **это город выбрал меня, а не я его. Питер дал невероятный толчок тому, чтобы кардинально изменить жизнь.** Есть такие города: они все меняют. Я бродил по питерским улицам и понимал, что мне нужно пробиваться самому: стать сильнее нравственно, не зависеть ни от кого, особенно от близких, особенно материально.

– В четырнадцать лет? Круто. Что дальше?

– Нашел работу промоутера. До сих пор не понимаю людей, которые ноют, что работы нет. Вон ее кругом полным полно – выбирай. За считанные дни обзавелся новым кругом общения. Потом поехал отдыхать на море – там тоже друзья появились. Ты же знаешь про теорию шести рукопожатий? Так вот, это не теория, это реальность. Ты знакомишься с человеком, а этот человек, как выясняется, знает того, кто может тебе помочь. Только отталкивать людей не нужно: мол, я сокровище, а вы все так, погулять вышли. Мы все разные, и у каждого свой потенциал, свой взгляд, свое мнение. Поступай так, как хочешь, чтобы поступали с тобой. Ничего нового, Номи, все давно придумано до нас, об этом еще Шекспир писал, но в этом-то и есть прелесть: не нужно изобретать никому не нужные философские велосипеды. В общем, все завертелось с Питера. Потом были студенческие тусовки, первые фотографии. Почти случайно попробовал себя в роли фотографа, и мне эта профессия очень понравилась. Уже потом понял, что не бывает ничего случайного: все происходит так, как и должно. Просто наступает момент, и ты понимаешь: вот это твое дело, твоя

миссия, твой человек. **Жизнь не нужно усложнять, Номи.** Она проста, это мы придумываем всяческие табу. Когда ты понимаешь, чего хочешь, события сами складываются в нужном порядке, и нужные люди появляются... И ты как быходишь в поток: если честно, это затягивает, очень много новых людей с разными взглядами на жизнь, мир, какие-то безумные тематические вечеринки. Совершенно фантастическая атмосфера, где ты всегда свой. За несколько лет я проработал на трех интернет-порталах. Получил много опыта и узнал многих коллег: снимал клубные вечеринки, свадьбы, звезд, попробовал себя и в рекламной фотографии. И знаешь, что я понял, Номи? Вне зависимости от того, что ты снимаешь: классические фото или трэш, **нужно любить то, что ты делаешь и нужно понимать – ты делаешь искусство. Люди должны получать удовольствие от снимков. Это главное для фотографа...** Мне нравится то, чем я занимаюсь. А ты что любишь делать?

– Петь.

– Вот и делай то, что ты любишь! – сказал Стас. – В чем проблема?

Моя проблема, как всегда, появилась из ниоткуда. Злая и пунцовая. Я поняла, что отец выпил. Стас деликатно отошел в сторону.

– Я же просил тебя быть рядом! Неужели это так сложно: быть рядом? Только такая идиотка, как ты, может нарушать правила! Идем!

– Куда?

– Тебя ждет человек. Очень. Важный. Настолько. Важный. Что. Ты. Даже. И. Подумать. Не. Можешь.

Он так дернул меня за руку, что я крикнула от боли. Всегда так. Весь мир должен вертеться вокруг Рэма Хога. А ты говоришь, что все просто, Стас. Увы, все очень сложно, если не катастрофично. И петть я никогда не смогу. Не смогу – и все тут.

Меня всегда удивляло, сколько значения мы придаем тем людям, у которых есть деньги, связи и власть. И как мало ценим тех, кто обладает природной харизмой, талантом и умением любить. Правильно говорят: чем больше, душевнее и умнее человек, тем проще с ним общаться. Благодаря отцу я повидала столько чиновников, депутатов, олигархов и просто богатых людей, что многое могу о них рассказать. И знаете, что самое удивительное? С ними неинтересно. Они мало знают, плохо слушают, а весь спектр интересов можно охарактеризовать одной фразой: как сделать бабки и не сесть. Отец часто берет меня на деловые встречи, чтобы я слушала его партнеров и конкурентов. После таких встреч хочется принять душ и заглотнуть несколько обезболивающих таблеток. Вы не представляете, **какую жуткую мигрень вызывает гул пустых мыслей!**

Именно поэтому я ожидала встретить очередного псевдохозяина жизни, которому отец должен представить страшненькую малютку-дочь, поговорить о том, о сем, а потом выслушать совсем не детское суждение доченьки, стоит ли вообще иметь дело с этим человеком. И именно поэтому я была очень удивлена, увидев поджарого, высокого человека, одетого в очень дорогой костюм. Он сидел за

столиком вместе с Неждановым. Саша, похоже, был всерьез очарован.

Я подошла поближе, и только потом поняла, что в жилах незнакомца течет индейская кровь. Белый европейский костюм только подчеркивал смуглую кожу и длинные черные волосы, стянутые в хвост. Черные, прожигающие насквозь глаза. Чувственный рот. Я прислушалась к его мыслям, и услышала реку. Мощный поток посреди затерянного леса. Утренняя прохлада. Ожидание чуда.

Он улыбнулся уголками губ, дав понять, что заметил ментальное вторжение.

Индеец сделал приглашающий жест, и мы с отцом присели за столик.

– Это Дэбасиге, – сказал отец. – Очень уважаемый человек у себя на родине и у нас... тоже. Дэбасиге означает **Далеко Достигающий Солнечный Свет**. Дэбасиге и его жена Натта будут нашими проводниками в одной из ближайших поездок. Поэтому мы сегодня и встретились: нужно обсудить ряд деталей.

Мы с Неждановым переглянулись, в глазах у нас читался двойной упрек: «Видишь, а ты мне не верил! Нет, это ты мне не верила!» Надо было что-то сказать, но я не знала, что именно.

– Вы что, правда оттуда? – более глупого вопроса задать было нельзя. Тем более по-английски.

Индеец рассмеялся и на очень хорошем русском языке ответил:

– Смотря, что для тебя значит слово «оттуда», Номи. Зовите меня Дэб, так будет проще. Мне действительно

хотелось с вами познакомиться заранее, раз уж нам предстоит провести много времени вместе в экспедиции.

– Дэб во всем любит точность и порядок, – начал было Рэм, но тут его окликнули, и он, извинившись, отошел.

Дэб внимательно разглядывал нас с Неждановым. От этого спокойного, пытливого взгляда становилось не по себе: словно Дэб проникал в душу и узнавал о тебе такое, что ты очень хотел бы скрыть. Я, не сдержавшись, выпалила:

– Это ведь только предлог, да? Встретиться с нами? Вы хотите узнать, действительно ли мы те самые...

– Те самые? – он сделал вид, что не понял намека.

– Ключи. Нас все проверяют. Отец, его странные друзья, теперь вы...

И снова тонкая понимающая улыбка:

– Мне нет необходимости проверять вас, девочка. Я знаю, что **это вы, которым суждено шагнуть в Долину тысячи снов**. Я это знал задолго до твоего рождения, и мой отец знал, и мой дед. Твой слух совершенен, а твои глаза... – тут он обернулся к Нежданову. – Хотел бы я иметь такое зрение, как у тебя. Видеть то, что еще скрыто временем. Редкий дар, правда, ты им слишком щедро пользуешься.

– Насколько щедро? – ощерился Нежданов.

– Не стоит обижаться на того, кто готов стать тебе другом. Слишком много пустых людей вокруг. Люди-оболочки. Шум и краски, но за этими картинами скрывается пустота. Не так ли, Номи? Ты же слышишь ее. Впрочем, о ваших способностях мы поговорим позже. Время уходит, а мы не поспеваем за ним. Цель нашей встречи в другом. Вы в большой опасности. Особенно ты, девочка. Рэм, к

сожалению, не понимает, во что втянул вас и во что ввязался сам. Он разбудил зло. Теперь зло вокруг вас. С каждым днем оно будет ближе и ближе, пока не достигнет.

– У этого зла есть обличье? – спросил Саша.

– У зла всегда есть облик. Люди. Стихии. События. Обстоятельства. В вашем случае все будет против вас. И вы не сможете ему противостоять: одного дара мало, чтобы сопротивляться.

– Вы, получается, сможете? – Нежданов не сдерживал сарказма. – Вы-то сам кто?

Дэб усмехнулся:

– Недалекий вопрос для журналиста. Захочешь узнать – сам найдешь ответы. Не будем терять время. Рэм вот-вот вернется.

Быстрым, едва заметным движением он повязал нам с Сашей на запястья по тонкому нитяному браслету. Браслеты были красивые и напоминали кожу змеи. Мне достался ярко-синий, а Саше – изумрудный.

Надев их на нас, Дэб, казалось, немного успокоился.

– На какое-то время они вас спрячут. Если не захотите, чтобы вас увидели, никто не увидит. Мою жену зовут Натта. Натта значит сердце. Браслеты сплела она. Для вас. Не снимайте их, пока мы снова не увидимся. И надо ли говорить, что Рэм об этом не должен ничего знать?

Он вытянул левую руку и указательным пальцем навел на меня.

– Ты.

Правая рука коснулась уха.

– Слушай.

Потом он указал на Нежданова и коснулся своих миндалевидных темных глаз.

– Ты. Смотри.

Дэб встал и направился к выходу. Его походка напоминала грациозный танец большой дикой кошки, готовый к последнему – опасному – прыжку. Мы в изумлении смотрели, как он прошел мимо Рэма, коснувшись его рукавом. Рэм ничего не заметил, продолжая разговаривать.

– Мексика, говоришь, – пробормотал Нежданов. – Ну, Мексика так Мексика. Давно мне не было так интересно.

Я потрогала браслет, он был очень теплым, и, казалось, в нем билось чье-то сердце.

* * *

На свадьбе, в этой сутолоке, я сразу же потерял Номи. Видел, что она пошла за Виталиком и Стасом, направился за ними, и вдруг оказался совсем в другом конце парка. Здесь не было слышно музыки и людских голосов. Первородная тишина. Такая тишина, наверное, наступит за мгновение до конца света. Гулкая, прозрачная, давящая своей силой и безысходностью.

Возникло странное чувство. Словно все, чем я жил до этого, превратилось в прах. Деньги, карьера, статус – все это сейчас казалось неважным. Я поймал себя на мысли, что стою перед огромным дубом и тупо разглядываю кору. Кора напоминала человеческое лицо. Вдруг оно шевельнулось, это лицо, и от дерева отделился человек. Женщина.

Я попятился, мысленно перебирая возможные диагнозы: белая горячка, сумасшествие, галлюцинации. Я спятил,

наверное...

– С тобой все в порядке, – сказала она. – **Не стоит волноваться из-за ловушек разума. Угодив в одну, угодишь в остальные.**

– Кто вы?

Она была в традиционном индейском платье. Я такие когда-то видел в Мексике, на местном рынке. Медные волосы заплетены в две косы. На правой щеке татуировка-шрам. Странно, он совсем не портил ее красоты, скорее, добавлял загадочности.

– **Так ли это важно, с кем ты говоришь, если не знаешь, что сказать?** – ответила она. – **Так ли важно смотреть, если не готов увидеть? Так ли важно заснуть, если проспишь Долину тысячи снов?** Зло совсем близко. Оно идет за тобой. Загляни в глаза зверю, и ты поймешь соль моих слов.

Нет, она не напугала меня. Просто странно все это: словно что-то затягивает нас в воронку событий, и мы более не можем сопротивляться этой силе. Наверное, я отключился тогда, потому что когда пришел в себя, таинственной женщины не было. Рядом стоял Рэм и ругал меня последними словами.

...Сейчас я слушал, как Номи перебирала подробности встречи с Дэбом, но из головы не выходила эта женщина.

– Куда мы теперь? – спросила Номи. Она зябко поежилась в своей новой модной курточке, и я вдруг понял: снова похолодало.

Мне хотелось побыть одному. **Иногда за один час появляется столько людей, что ты от них безумно**

устаешь, и тебе нужно срочное противоядие – одиночество. Но не оставлять же ее одну, с учетом всех обстоятельств.

– Ты котов любишь? – спросил я.

Она по-детски округлила глаза и с восторгом спросила:

– У тебя есть кот? Правда?

Спросила так, будто у меня был не кот, а жираф или, скажем, упитанный коала, без конца жующий эвкалиптовые листья.

– Кот и кошка. Хочешь познакомиться?

...Говорят, люди делятся на собачников и кошатников. Есть даже такой анекдот. Собака думает: «Вот человек. Он меня кормит, любит, играет со мной, водит гулять. Наверное, он бог». Кот думает иначе: «Вот человек. Он меня кормит, гладит, любит, играет, вычесывает. Наверное, я бог». В этом анекдоте вся разница между собачьим мировоззрением и кошачьим. Я – кошатник. По своей профессии я вынужден часто уезжать, и мне было бы невыносимо думать, что дома остался пес, который смертельно тоскует по мне. С котами другое дело. Они самодостаточны. Для собаки мир – это его хозяин. **Для кота мир – это просто мир.** И если этот мир теплый, полный еды, игр и сна, то это правильный кошачий мир. Самое главное для любого кота – вытащить свой счастливый кошачий билет. Для собаки все чуть иначе: ей нужно найти хорошего хозяина.

Когда я решил уехать из страны, то передо мной встал вопрос, что делать с моими котами, точнее, с котом и кошкой. Уехать вместе с ними я не мог, нужно было делать прививки, выдерживать карантин, и тут на помощь пришла

замечательная женщина Мария Сергеевна Федотова. Иногда я думаю, что ее мне подарило само providение. Мария – **главный ветеринарный врач Экстренной и плановой ветеринарной помощи на дому, и еще она друг семьи.** Не представляю, что бы я делал без нее. Удивительно, но животные сразу же проникаются к ней любовью и симпатией, даже несмотря на то, что лечение порой бывает очень болезненным. Просто они ей доверяют. И когда встал вопрос, что делать с Рексом и Тигрой, Мария предложила сама:

– Саша, давай они пока у меня поживут. Устроишься – заберешь.

Это было мудрое решение с учетом того, как бурно и непредсказуемо стали развиваться события.

Мария ничуть не удивилась спонтанному визиту:

– Соскучился?

В ее доме было хорошо, уютно и спокойно. Рекс сразу же запрыгнул мне на спину и заурчал. Номи восторженно смотрела на котов:

– Ой, они лысые!

– Это порода такая, – рассмеялась Мария. – Они не лысые, а короткошерстные. Порода сравнительно новая, ее признали в 1967 году.

– Ничего себе новая, – не согласилась Номи. – Это было тысячу лет тому назад.

– У всех свои представления о времени. Поверь, Номи, для становления породы это не такой уж и большой срок...

Мы пили чай, и Номи засыпала Марию вопросами:

– Почему вы стали ветеринаром? Они ведь кусаются, царапаются, клюются, шипят, рычат.

– Я тебе больше скажу, – ответила Мария. – Порой у животных точно такие же хозяева.

– И хозяева вас кусали? – совершенно искренне удивилась Номи.

Мария повернулась ко мне:

– Где ты нашел этого ребенка? Она же сама непосредственность! Номи, конечно, хозяева меня не кусали. Я фигурально выразилась. Открою тебе небольшой секрет: **надо просто любить, любить животных вместе с их хозяевами, тогда работать будет веселее. Хотя я свою работу не считаю работой – это моя жизнь.** Порой я сама задумываюсь: почему у меня такая невероятная любовь к братьям меньшим? Ведь, по идее, должно было быть наоборот. Видишь ли, Номи, когда мне было пять лет, на меня напала огромная собака – помесь овчарки с «дворянином», и очень сильно погрызла правую часть лица. Я долго лежала в больнице, все было: и шок, и сорок уколов в живот. Родители переживали, что у меня будет панический страх на улице из-за собак, и очень удивились, когда в первом классе я стала их умолять взять щенка. Родители долго отговаривали, приводя серьезные аргументы о воспитании, кормлении и уходе, но собаку все-таки взяли. И все встало на свои места: нет страха, нет злых собак, в основе всего сущего лежит любовь. В детстве я мечтала придумать лекарство от всех болезней: смешивала разные таблетки то с зеленкой, то с йодом, на зиму выносила на балкон, а когда приходила весна, открывала баночки с отстоявшимся зельем

и думала, получилось или нет. К счастью, до испытаний дело не дошло. Видимо, профессии преследуют нас с детства, надо просто прислушаться к себе и понять, кем ты будешь.

– У вас, наверное, было счастливое детство, – задумчиво сказала Номи, поглаживая Тигру.

– Детство было веселым и беззаботным, кругом природная красота – леса и озера, – ответила Мария. – Летом ягоды и грибы, зимой – катание на лыжах и санках по полям и хвойным просторам. Тогда я мечтала, что, когда вырасту, у меня обязательно будет свой огромный дом и участок, я заведу много собак разных пород, а также будет свое подворье из разных видов животных.

– Мечты не сбылись? – мы сидели в великолепной квартире с видом на Неву.

– **Мечты, как и люди, склонны меняться.** Думаю, мои мечты стали более глобальными, и теперь они не только мои. Это уже мечты целой семьи, понимаешь? Мой любимый сынуля Андрюшенька вообще лет с трех просил обезьянку, а я купила ему попугая. В пять лет он захотел слона, а я из клиники принесла двух крысят, потом у нас появился мопс, потом второй мопс. Сейчас ему восемь, и он хочет лошадь, корову, курочек, снегоход, квадроцикл и водный мотоцикл. Иногда я теряюсь в догадках, какую профессию он, в конце концов, выберет. Но точно знаю, что для всей техники нужен огромный гараж, для животных – целая ферма. Иными словами, моя детская мечта немного эволюционировала, осталось только воплотить ее в жизнь, но уже всей семьей.

– У вас своя ветеринарная клиника, да?

– Сейчас у меня своя выездная ветеринарная служба. Часто мои клиенты интересуются, почему я не веду прием в клинике. Работать в четырех стенах для меня монотонно и скучно, другое дело – «скорая помощь»: каждый вызов уникален и интересен, общаться на дому с владельцем и его питомцем приятно, ты знаешь, что тебя никто не торопит, и каждого обследуешь более детально, плюс ты нисколько не обременен ожидающей за дверью очередью. Кто подрался, порезался – зашьешь; у кого плановая операция – прооперируешь; другому поставишь капельницу; к третьему просто приедешь на осмотр и консультацию; кому-то экстренно окажешь помощь при отравлении, тепловом ударе, укусе змеи, шмеля, клеща и так далее...

Скажем, был недавно такой эпизод. Звонок по телефону: «Доктор, нашли кота во дворе, вялый, грязный, в крови. Срочно приезжайте, нужна ваша помощь». Приехала я в частный дом. Случай обычный для деревни, где животные свободно разгуливают и отвоевывают территорию, не страшась ни своих собратьев, ни кого бы то ни было. На кота напали собаки, изрядно потрепали: раны были рваные, глубокие и в разных местах, их нужно было обработать и зашить. Когда я делала последние стежки, погас свет во всей деревне, в том числе и в моей мини-операционной. Хозяева принесли свечи, я дошла, и осталось эти места обработать специальным спреем. Когда я начала орошать швы из баллончика, кто-то поднес свечу, чтобы лучше было видно, и кот... вспыхнул. Сказать, что все испугались – не сказать ничего. Люди в шоке застыли, кот проснулся, подскочил и хотел рвануть под стол. И только моя реакция, отработанная

за многие годы, спасла моего пациента: он не получил ожога, просто слегка опалил шерсть и напугал всю семью. И такое бывает. Ко всему надо быть готовой.

– Вы просто специалист широкого профиля.

– А так и надо! Сейчас, если пациент пришел в клинику к терапевту, и терапевт увидел необходимость в консультации хирурга, то посылает пациента к нему, а хирург, в свою очередь, увидел необходимость в окулисте и направил дальше. В итоге – круговая порука и выкачивание денег. Когда я еду на вызов к пациенту, то по дороге наслаждаюсь музыкой, люблюсь людьми, красивым городом, я приезжаю в прекрасном настроении. А это очень важно – быть в хорошем настроении. Животные это чувствуют. Для многих я стала семейным ветеринарным врачом и веду их животных с момента появления до старости, зная все их привычки, характер, заболевания.

Я слушал Марию, убаюканный урчанием Рекса. Внезапно он дернулся и поднял голову, взглянув мне прямо в глаза. Я замер, замороженный космической глубиной этого взгляда. Рекс всегда был особенным, но сейчас меня будто полностью подчинила и притянула к себе некая сила. И я ей покорился.

Воронка кошачьих глаз затянула, и тогда я увидел...

...Долину тысячи снов. Бесконечность человеческих фантазий и грез. Тысячи судеб, сплетенных в луч света, тысячи миров, сверкающих в капле росы. И где-то, где-то там был спрятан мой сон, код, способный изменить всю мою дальнейшую жизнь... Я потянулся, чтобы его поймать, и Рекс моргнул. Мне показалось, что он довольно ухмыляется:

– Не все сразу, хозяин, не все сразу!

На следующий день мы с Номи проспали. И на то были свои причины. Размягченный встречей с моими любимцами, я, как и водится, впал в непростительную сентиментальность. И не придумал ничего более умного, как устроить Номи экскурсию по питерским ночным клубам. Справедливости ради могу сказать, что она нисколько не сопротивлялась, а, напротив, поддержала мое предложение с удивительным энтузиазмом.

В первом же клубе мы встретили моего давнего приятеля **Вадика Рычкова**. Он сидел в компании юной певицы Stacy, лауреатки конкурса «Новая волна», и Номи сразу насупилась. Я заметил, что в присутствии красивых и сексапильных девушек она начинает тушеваться и комплексовать. Еще немного, и я начну к ней относиться, как к младшей сестренке, поэтому я слегка подтолкнул ее вперед и прошептал (хотя, скорее, прокричал) на ухо:

– Такой, как ты, нет!

Но, по-моему, она меня не расслышала, и, забившись в угол, не спускала грустных глаз с красавицы Stacy. Мы же с Вадиком болтали, так как не виделись много месяцев.

С Вадиком мы познакомились за кулисами Ледового дворца. Вадик тогда только начинал карьеру фотографа и мечтал познакомиться с группой «Ранетки», точнее, с солисткой Лерой. Я дал ему совет пообщаться с администратором группы, предложить ему фотографии, показать, что и как он уже отснял... То ли мой совет был хорошим, то ли у Вадика природный дар, но уже через короткое время он стал персональным фотографом этой

группы. Мне он всегда помогал, когда съемок было много, и нужна была элементарная дружеская и профессиональная поддержка. **Я практически никогда не работаю в связке, но Вадим Рычков – исключение.** С ним работать – одно удовольствие. К сожалению, чем дальше, тем реже совпадают наши графики: у каждого много работы, и видимся мы от случая к случаю.

– Что нового? Слышал, ты отпраздновал свой пятилетний юбилей в шоу-бизе?

– Есть такое дело, – Вадик выглядел очень довольным и успешным.

– Тогда можно и отметить, – улыбнулся я. – Ты по-прежнему спецкор Love Radio?

– Конечно, столько классных сюжетов для них сделал, и не намерен останавливаться. Правда, сейчас путешествую много, так что иногда времени физически не хватает.

– Сколько стран уже посетил?

– Порядка 45 стран, и стараюсь соблюдать динамику полетов и передвижений по миру! Это как наркотик: жизнь проходит от поездки до поездки! Пишу автобиографию о том, как стать своим в шоу-бизе, снялся во многих фильмах и сериалах. В общем, не скучаю, как видишь!

– Рад за тебя, – искренне ответил я. Я видел, что Вадиду нужно было пообщаться со своей спутницей, и потянул за рукав Номи.

– В Питере масса ночных клубов, так что пошли в следующий.

Мне показалось, что Номи ушла с заметным облегчением.

Но и в следующем клубе нас ждала приятная встреча. Там мы столкнулись с **Ромой Смыченко**, который год назад переехал в Питер и уже, судя по всему, замечательно здесь освоился. Спустя два месяца после переезда Роме предложили работу на Love Radio, где как раз основной формат – звезды шоу-бизнеса. Он согласился, не раздумывая, и не прогадал. Теперь он снимает видеоотчеты с мероприятий Петербурга, заводит интересные, полезные знакомства и ведет мини-блог на своей страничке в контакте vk.com/i_smb1, выкладывая туда все самые интересные моменты своей жизни.

Рома мне нравится тем, что у него есть четкий план, уж не знаю, пятилетний или нет, но в этом плане есть все цели, которых он хочет добиться. Рома не очень любит слово «мечты», так как считает, что мечты должны оставаться мечтами, а план нужно выполнять. В списке запланированного есть и путешествия. Как-то он мне сказал: «Границы страны – это лишь условные линии, которых не стоит придерживаться».

Мы немного поболтали с Ромой, пока Номи с любопытством осваивалась в клубе, и после того, как распрощались, я тут же угодил в объятия **Кати Воробьевой**, 100-тысячного фолловера Love Radio. Как раз по этому поводу мы с Катей и познакомились два года назад. Тогда Катя попала на «Биг Лав Шоу» и смогла пообщаться со своей любимой группой «Марсель». Я тоже там был. Катя была подписана на мой аккаунт в Twitter, и, преодолев стеснение, подошла со мной познакомиться. С тех пор мы с ней

общаемся, и я всегда отвечаю на ее вопросы относительно фотографии. Она мой друг, и я горжусь нашей дружбой.

– У вас все помешаны на фотографии? – ревниво спросила Номи, когда мы вышли.

– Питер к этому располагает. По-моему, жить здесь и не фотографировать – преступление. Столько моментов, которые хочется запечатлеть. Слушай, а чего ты так тушуешься, когда рядом с девчонками оказываешься? Потому что они красивые?

– У меня комплекс неполноценности. И я терпеть не могу красивых женщин. Они меня раздражают.

– Тем, что они красивы? Ну, ты даешь! Номи, красота – субъективна. Один считает красивым одно, другой – совершенно иное. И всегда найдется человек, который будет считать привлекательной именно тебя, а не других.

– Ты не понимаешь, – она едва не плакала. – Это невыносимо, когда ты день за днем доказываешь, что можешь быть привлекательной, потом подходишь к зеркалу, и зеркало дает тебе четкий ответ: ни черта у тебя не получится. Что есть, то есть. Что выросло, то выросло. Ты никогда не будешь красивой. И все терпимо, пока нелюбишь. Но стоит влюбиться, и все, ты пропала. Ты сходишь с ума от ревности и боли, ты боишься, что любимый человек однажды уйдет, выбрав другую женщину. И каждую женщину, понимаешь, каждую ты все равно будешь воспринимать как потенциальную соперницу. Только ты не поймешь, Саша. Я терпеть не могу конкурсы красоты, например.

– Опять из-за комплексов?

– Из-за того, что женскую привлекательность делают разменной монетой. Тело выставляют напоказ и внушают, что все проблемы в жизни можно решить посредством секса и сговорчивости.

– Номи, в тебе говорит ревность и, извини, зависть. Вот уж не думал, что ты маленькая ханжа.

Она больно ударила меня кулачком в бок.

– Ты смеешься?

– Надо тебя с **Алиной Самариной** познакомить, – сказал я, потирая бок. Ничего у этой девчонки удар поставлен.

– Это кто? Еще один фотограф? – недоверчиво переспросила Номи.

– Алина студентка, учится в двух институтах. А в конкурсе красоты приняла участие совершенно случайно. Пойти на конкурс красоты Алине предложила подруга. Только не в качестве участницы, а для поддержки. Алина не смогла отказать. Когда они пришли на кастинг, людей было не так много, т.к. основную часть конкурсанток отобрали непосредственно в модельных агентствах. Затем администратор раздала всем девочкам анкеты, в том числе и Алине. Алина не собиралась ее заполнять, но подруга настояла, сказав: «Тебе что, трудно просто заполнить анкету? Не факт, что мы пройдем, так какая тебе разница? Просто заполни». В итоге Самарина анкету заполнила. Но оказалась не на подиуме, а в школе для начинающих манекенщиц. Алина не хотела принимать участие в конкурсах красоты, а вот модельная школа ее заинтересовала: там и походке учат (дефиле), и танцами занимаются, и актерское мастерство преподают, и учат, как правильно позировать перед

фотокамерами, в каких ракурсах фотографироваться, и основы макияжа преподают. Согласись, все эти знания пригодятся любой женщине.

– И долго она там занималась?

– Ты циничный ребенок, Номи, но в данном случае ты права. Примерно две недели. После чего Алина обнаружила себя на сцене конкурса красоты. Сначала она хотела отказаться, но потом, подумав, поняла, что оказаться в двадцатке самых красивых девушек города – это чего-то стоит, и раз так вышло, что она уже здесь, то не стоит отказываться. Алина решила все-таки принять участие в конкурсе. Вот так она стала участницей конкурса красоты «Королева Луганска-2013».

– Конечно, победила, иначе ты бы сейчас не рассказывал мне эту историю.

– Номи, ты меня разочаровываешь. Ты считаешь, что тысячи девушек принимают участие в конкурсах, чтобы утвердиться в том, что они самые красивые?

– А зачем еще?

– Чтобы преодолеть собственные страхи. Каждая боится выйти на сцену, не обязательно в купальнике, просто выйти. Каждая боится состязаться с другими женщинами, полагая, что они более умные, красивые, сексуальные. **Конкурс красоты – это преодоление страха, что ты можешь оказаться не самой красивой, что могут выбрать не тебя. И когда ты этот страх преодолеешь, тебе становится легче жить.** Я думаю, что Алина прошла все это. И она благодаря конкурсу открыла себя, узнала о себе то, что раньше было скрыто. И знаешь, это знание – истинный

манок для мужчин. Потому что ни один мужчина не может пройти мимо женщины, которая знает про себя все и умеет этим знанием пользоваться. Вот что дают конкурсы красоты. И еще они дают понимание, что из любой ситуации нужно извлекать положительные уроки. Алина старается придерживаться формулы «be positive» – она уверена, что это универсальная формула жизни для каждого человека. **Никогда не стоит отчаиваться, унывать и опускать руки, надо всегда найти в себе силы улыбнуться жизни, и тогда она обязательно улыбнется тебе в ответ.**

– Опять твоя позитивная психология.

– Номи, но она работает, – в тысячный раз возразил я. – Если миллионы людей по всему миру пользуются этим, значит, что-то в этом есть.

И вот после наших прогулок Номи сидела и дулась за завтраком. Рэм, напротив, был приподнят и бодр.

– Нежданов, у тебя есть пристойные люди в сфере недвижимости?

– Решили в Петербурге обосноваться?

– Я всегда покупаю недвижимость в тех городах, которые мне нравятся. Петербург – такой город. Так что? Контакты есть?

Я не думал и секунды:

– Могу порекомендовать вам «**M16 – Недвижимость**», агентство недвижимости **Вячеслава Малафеева**.

- – M16... M16... Что-то у меня ассоциации, совсем не связанные с недвижимостью, – сдвинув брови, медленно проговорил Рэм.

– Рэм! Тут у нас в Питере даже ребенок знает, что М16 – вратарский номер нашего зенитовского кумира – Славы Малафеева. Легенда! 15 лет в одной команде, а как играет!

– Так ты про футбол? Малафеев – это тот толковый парень, который вратарь ФК «Зенит» и сборной России? – оживился Рэм. – Но причем тут недвижимость?

– Да при том, что этот толковый парень весьма успешно развивает теперь свой бизнес в сфере недвижимости, – объяснил я. – Он открыл новое агентство, которое так и назвал – «Агентство недвижимости Вячеслава Малафеева». Такое ни с чем не перепутаешь! Брэнд. В городе, где 5 миллионов болельщиков «Зенита», это имя и в рекламе не нуждается. Ты знаешь, я внимательно слежу за развитием Славиного бизнеса, и хочу сказать, что это какой-то новый подход к работе в сложившейся системе. У нас ведь как? Все пытаются копировать Запад: улыбаются при встрече, кофе подают... Кстати, о кофе!

Звонит тут мне мой друг Михаил Зарубин: срочно ему понадобилось купить офис. Он договорился о встрече с одним известным агентством и попросил меня поехать с ним в качестве советчика. Приезжаем. Мраморная лестница, дубовые двери, картины на стенах... Пока ожидаем менеджера, кофе принесли, а при всем этом окружающем великолепии кофе-то – бурда бурдой! Вежливо чашечки отставили, слушаем. Информацией загрузили нас по полной, предложений десятка полтора! Менеджер старается, а нам некомфортно... Кожей чувствуем: ему обязательно нужно нам что-нибудь продать! Улучив минутку, тихонько говорю

Михаилу: «Уходим отсюда! Я тебя познакомлю с интересным человеком, и ты решишь все свои проблемы». Привез его в агентство Малафеева. Поприветствовав друг друга, разместились для беседы. Обменялись новостями, речь зашла и о футбольном клубе... Тут Вячеслав заметно оживился и перешел на тему с недвижимостью. Оказывается, все его агенты с ног сбились в поисках аренды новой квартиры для зенитовского полузащитника Анатолия Тимощука! Да и не только для него: далее пошел список из чуть ли не половины команды, чьи жилищные проблемы решает агентство Вячеслава. Нам подали кофе, и придраться к его качеству не смог бы и самый большой гурман! Офис наполнился головокружительным запахом свежемолотого, а наша беседа перешла на проблему, с которой мы приехали. Подключились к разговору помощники Вячеслава. Подробно расспросили, что, для чего и в какой бюджет ищет Михаил... Потом удалились, а вернулись вскоре всего с тремя вариантами, от которых Михаила невозможно было оторвать: он готов был взять каждый! Так, благодаря агентству Малафеева и профессионализму работы его сотрудников, мой друг купил совершенно потрясающий офис со складом в районе Петроградки. Сэкономил время, нервы и деньги. Очень доволен.

– Понимаешь, Рэм, – продолжал я, – Вячеслав не старается продать свои объекты. Он старается решить проблему клиента. А это уже совсем другой подход – цивилизованный, европейский. И в этом огромное преимущество работы Славиной команды. Небольшие квартиры в Питере, шикарные пентхаусы в самых престижных районах,

маленькие и большие офисы, земля для бизнеса и для строительства жилья, аренда, зарубежная недвижимость – у него есть все! Для каждого, и в лучшем виде!

– Так чего же мы еще сидим? Звони, будем разговаривать! И поехали пить ароматный кофе!

Оказалось, что Рэм – страстный фанат футбола, и мысль о том, что у Малафеева есть свое агентство недвижимости, взбудоражила его не на шутку.

– Понимаешь, Нежданов, – объяснял он мне уже в машине, – позиция вратаря – штука специфическая. С одной стороны, он не может гарантировать, что команда победит: все-таки забивать – работа нападающих. Но с другой, он может сделать все, чтобы команда не проиграла. То есть парень умеет держать удар, обладает, что называется, периферийным зрением, умеет оценивать и прогнозировать действия многих игроков. Такой подход вполне применим и в сфере инвестиций. Да что там, такой подход мне нравится!

Нам повезло. Больших пробок на дороге не было, и мы довольно быстро ехали по городу.

– А сам-то ты давно знаком с Вячеславом лично? – после небольшой паузы спросил Рэм.

– Это особая история... Я тоже иногда решаю квартирные вопросы, – улыбаясь, начал я. – Когда задумался об улучшении своих жилищных условий, одна хорошая моя приятельница посоветовала «М16». Рассказала мне, как здорово ребята работают, как выстраивают свою репутацию, которая для них превыше всего. Обратила внимание, что предлагают варианты по реальным ценам, а за покупку новостроек и вообще комиссию не берут! Убедила она меня

очень быстро. Слава действительно тогда помог мне хорошо продать мою старую двушку и купить в новостройке отличную трешку. Кстати, ты мог еще до приезда воспользоваться отличной услугой агентства. Это у них называется VIP-обслуживание. Смело можешь рекомендовать своим знакомым! Предварительно списываетесь, определяетесь с пожеланиями, прилетаешь в город в согласованное время. Ребята тебя встречают на корпоративном транспорте, заселяют в собственные, имеющиеся на такой случай, благоустроенные апартаменты. Заметь, все за счет фирмы! И вы сообща решаете твою проблему. А став новоселом Петербурга, ты, лично от Малафеева, еще и получаешь персональный подарок! Мне, например, после завершения сделки, он подарил вратарскую футболку с автографами всей команды. Я был счастлив! А вот мы уже и приехали!

В уютном и просторном офисе на Малом проспекте Петроградской стороны нас встретили, как родных. В офисе оказался и сам Вячеслав Малафеев. Получив автограф звезды и перекинувшись с ним парой фраз, довольный Рэм отправился смотреть варианты, которых оказалось множество.

Мы же с Вячеславом присели в сторонке, и я не удержался от вопросов, которые давно хотел задать.

– Слава, все мои друзья, которые к вам обратились, очень довольны. Быстро. Четко. Без проволочек. Действительно европейский подход к решению задачи. Но у всех тот же вопрос, что и у меня: почему именно недвижимость?

– Как ни парадоксально, никогда особенно не задумывался, чем, собственно, помимо футбола я могу заниматься. Недвижимость – тот актив, который позволяет многим профессиональным спортсменам (не только мне) обеспечить свое будущее. Если разумно вкладывать деньги в объекты, которые будут приносить доход, то это и станет своеобразной подушкой безопасности в будущем. На протяжении почти всей карьеры я что-то покупал, продавал, пытался улучшить свои жилищные условия... Вкладывал средства и в коммерческие объекты. Много читал, начал разбираться в теме и осознавать перспективы. Теперь получается, что после завершения карьеры, я смогу обеспечить себе и своей семье достойную жизнь. Так постепенно я пришел к решению: почему бы не создать свое агентство? Есть связи, готов набрать команду специалистов, у меня есть желание и определенные возможности помочь людям находить то, что им нужно. Я много путешествовал по миру, знакомился там с темой недвижимости, даже покупал. Имею богатый отечественный опыт, в том числе и отрицательный... И я точно знаю, как не надо! Почему бы не поискать свой путь – сделать так, как надо? В общем, все совпало.

– В чем особенность вашей работы?

– Мы сейчас выстраиваем два основных направления, которые прозрачны и интересны. Это покупка строящегося жилья (только однокомнатных квартир) с целью либо реализации, либо – если рынок не будет способствовать марже – аренды. Ведь когда у людей не хватает денег на покупку, растет спрос на аренду. Второе направление –

коммерческая недвижимость. Но тоже не любая. Объекты должны быть многофункциональными (нельзя закидывать на одной группе арендаторов) и не очень большими. И конечно, должны находиться в легкодоступном месте, поблизости от метро.

– Ваше – имя, ваша репутация – гарантия того, что сделки будут чистыми, и можно не опасаться обмана или подвоха. И все же... Вы любому объекту продадите свое лицо?

– Нет, конечно. Только тем, в которые вкладываю собственные средства. И мы должны быть уверены на 100% в компании, с которой сотрудничаем, – насколько она надежна и так далее. Здесь уже речь о моем имидже. Если что-то пойдет не так, негатив будет проецироваться и на меня. В таких проектах партнерство может обернуться убытками, причем речь идет не только о финансовых потерях. Важно то, что в моей фирме людей не обманут – потому что здесь мое имя. Я буду контролировать и гарантировать каждую сделку. Любая антиреклама бьет по нам – по мне! – в десятки раз сильнее, чем по другим участникам рынка. В известности плюс, но в этом и минус. Если я что-то сделаю не так, об этом сразу узнают все. И еще я не буду заниматься тем, что мне не интересно.

– Играть продолжите?

– Я только начинаю выстраивать фундамент для бизнеса. Пока смогу играть на высоком уровне, пока позволит здоровье – конечно, буду играть. Есть огромное желание, не утратил свежесть восприятия игры. А все и зависит от этих трех показателей. Кроме того, я умею распределять свое время.

Я посмотрел на Рэма: чуть наморщив лоб, он что-то быстро подсчитывал на листке бумаги, попутно задавая вопросы менеджеру.

– Ваши клиенты – какие они?

– Есть две группы. Одна – частные инвесторы, ориентированные на получение дохода. Другая – те, кто хочет приобрести объект для себя. Наша задача – найти равновесие, объединить их интересы. Мы должны знать все строительные компании, предостеречь покупателей, если есть негативный фон, объяснить все риски, которые связаны с приобретением жилья в строящемся доме. Что касается особенностей рынка инвестиций – есть и готовые продукты, но они изначально предлагаются по завышенным ценам. Допустим, расчетная окупаемость восемь лет, квадратный же метр стоит нереально дорого. А если потеряешь арендатора? Экономика вложений будет уже совсем другая...

К нам подошел Рэм:

– Порадовал, Нежданов. Вот уж не ожидал встретить в России такой подход к делу.

– Квартиру присмотрели?

– Бери круче, хороший офис подобрали. То, что нужно для бизнеса. Ну, и квартиру тоже присмотрел.

Малафеев мне подмигнул: «Отличный пас, Нежданов!»

* * *

Я не сразу понял, что меня накрыло, но когда оказался на улице, почувствовал: сегодня бесполезно бороться с тоской. Бывают такие дни, когда настроение резко достигает оценки ноль, а потом уходит в минус.

Все просто: в кабинете Вячеслава Малафеева я увидел плакат с австралийским побережьем, и все – полный аут. Сейчас я должен быть там, но из-за того, что так жестко и непредсказуемо сложились обстоятельства, уехать прямо сейчас туда я не могу. Мимо прошли два иностранца, и их эмоциональный беглый английский напомнил о солнечных днях и знаменитых австралийских улыбках.

– Я всегда думала, что за границей люди приветливее, чем в России, – сказала мне моя подруга **Катя Курбанова** после своей первой поездки в Австралию. – Но, побывав в **Австралии**, могу с уверенностью сказать, что **самые приветливые люди в мире живут там**. Офисные работники, до неприличия радостные после трудового дня, огромное количество парков рядом с офисными зданиями, в которых люди в белых рубашках и галстуках сидят на траве и обедают, небоскребы, спешащие люди, полное отсутствие пафоса, дорогих машин, припаркованных на тротуарах так, что негде ходить, все приветливые, улыбаются – вот она, страна счастья. Моего счастья. И я хочу здесь жить. **Когда мне кто-то пытается доказать, что Австралия – неидеальная страна со своими проблемами и недостатками – я отвечаю просто: «Это для вас она неидеальная, а для меня – идеальная. Поэтому я буду жить в идеальной стране».**

– Вернувшись в Россию, я посвятила все свободное от работы время процессу эмиграции, – продолжала Катя, – учу английский и занимаюсь подготовкой документов. Процесс осложняется тем, что из-за возраста и, соответственно, небольшого опыта работы программистом у меня не

набирается нужного количества баллов. И чтобы их набрать, нужно сдать IELTS на очень высокие оценки. А так как слова у меня запоминаются хуже, чем цифры, язык учится медленно, хотя занимаюсь по 6-8 часов в неделю только с репетитором. И плюс еще сама. Думаю, многие знакомые считают, что в жизни мне все дается легко и просто, но на самом деле, я прикладываю серьезные усилия, чтобы чего-то достичь. Я всего достигаю своим упорством, упрямством, трудоголизмом. В юности я как-то бросила занятия спортом из-за того, что кому-то результаты давались легко, а мне приходилось чуть ли не жить на стадионе, и все равно не всегда все получалось. Тренер долго уговаривала меня не бросать, но я ее не послушалась. Честно – очень жалею. Зато теперь никогда не сдаюсь: поняла уже, что успех всегда приходит ко мне, если я вкалываю. И я буду вкалывать столько, сколько нужно, чтобы жить в своей идеальной стране.

– Язык в Австралии очень специфичен, – добавил бы и Андрей Ефремов, еще один человек, не мыслящий жизни без этого континента. – Британский английский, как песня, ласкает ухо. Тут же ситуация совсем иная. Но с другой стороны, потом привыкаешь. Какое-то равнодушие у всех. Я сам невольно за пару дней стал таким же улыбчивым, вежливым, помогающим кому-то в чем-то. Нигде еще я не чувствовал себя так уверенно и безопасно.

Насчет языка я Катю и Андрея очень хорошо понимаю. Мне помогла **Елена Калинина**, писатель и учитель английского языка. Она мама еще одной моей подруги

Олеси, которая живет в Австралии. Так что там мы общались часто и подолгу.

Наши уроки с Еленой началось с того, что она отучила меня бояться иностранного языка. С ней я начал не только говорить, но и думать по-английски. Впрочем, Елена знает еще французский и иврит. Последний она выучила только затем, чтобы прочитать «Тору» в подлиннике.

У Елены, пожалуй, заговорит даже тот, кто себя считает лингвистически непригодным. Дело в том, что у этого преподавателя своя методика:

– Я всегда поражалась тому, как всего за 8-9 месяцев иностранные студенты (неважно, из какой страны, с каким уровнем социального развития) овладевали сложнейшим русским языком в такой степени, что готовы были садиться на одну скамью с русскими студентами и учиться на врачей и инженеров, – сказала как-то Елена. – Покоя не давала мысль: почему же наши несчастные дети учат иностранный язык 10 лет в школе, потом 5 лет в институте и так и не могут ни говорить, ни понимать. По прошествии многих лет преподавания я остаюсь абсолютно убеждена в том, что преподаватель должен владеть (профессионально!) и языком, который он преподает, и тем, на котором говорит и думает его студент. Необходимо также знание психолингвистики и того, как наш мозг «понимает», «принимает», «интерпретирует», «запоминает», «откладывает на потом» или «забывает». Не знаю, сколько учеников я вырастила. Могу только сказать, что младшему из всех было три с половиной года, когда мы начинали. Сейчас он работает представителем Английского банка «Barklay» в

Дубае. А старшей ученице было 68 лет. И сейчас она живет в Англии. Другие мои ученики живут в США, Канаде, Израиле, Швейцарии, Новой Зеландии. А одна из самых-самых преподает вместе со мной русский язык в Австралии. И я не только помню их имена, но до сих пор поддерживаю с ними связь!

Как же я соскучился по этим занятиям! Ведь я приехал в Питер всего на пару недель, чтобы завершить свои дела здесь, и вот, что называется, застрял между двумя мирами. И как же я скучаю по солнечной **Катюшке Лазаревой**, которая день за днем идет к своей мечте – стать известным шеф-поваром в Австралии.

– Я никогда не пользовалась рецептами, все шло от сердца, – призналась как-то Катя, когда мы с ней гуляли по побережью. – С каждым днем я понимала, что это и есть мое, то самое, что приносит радость, так почему бы мне этим не заниматься профессионально? Австралия мне приснилась, я видела себя, гуляющей вдоль океана. Буквально за пару месяцев я собрала документы, выбрала вуз, в феврале 2012 года самолет приземлился в аэропорту Сиднея. Я по жизни везучий человек, а точнее все всегда происходит так, как я хочу: в первый год учебы я попала на стажировку в лучшие рестораны Сиднея, причем один из них, «Quau», в прошлом году стал лучшим рестораном Австралии и занял 29 место в списке лучших ресторанов мира. Я не гонюсь за карьерой. Я хочу найти свое место, небольшой ресторан где-нибудь на винодельне, со своим садом. Хочу радовать людей едой, которую готовлю, в перспективе уйти в диетологию, помочь людям обрести здоровье с помощью питания. Но помимо

всего этого я, безусловно, хочу стать мамой, счастливой женой и гармоничной личностью.

Благодаря Австралии, мечты Кати начинают сбываться. А мои? Я совершенно не знаю, как повернется моя жизнь. Что мне делать дальше? Странные эти ощущения.

Я так погрузился в свои невеселые мысли, что не заметил, как рядом пристроилась Номи. Некоторое время она молчала рядом, потом нерешительно дернула меня за рукав.

– Я не знаю, поможет ли тебе это, но говорят, что если попасть в Долину тысячи снов, то можно попробовать выбрать себе новую жизнь. Таковую, как ты хочешь.

– Как это?

– Индейцы говорят, что вся **наша жизнь – это сон. И если твоя жизнь тебе не нравится, значит, ты попал в чужой сон, и нужно найти свой, истинный.** Мы всегда вольны проснуться и перейти в другой сон, в другую жизнь. Просто надо понимать, какую именно жизнь ты хочешь, о чем мечтаешь, и попросить об этом богов. Может быть, все неслучайно? **Долина тысячи снов нужна тебе не из-за источника молодости, а из-за того, что ты сейчас в чужом сне и ищешь путь, как попасть домой, в свой сон и в свою настоящую жизнь?**

– Возможно, – кивнул я. – Не особо верю в индейские легенды, но как знать, может, в них действительно есть доля истины. Надо попробовать, деваться-то нам с тобой все равно некуда. А сегодня я приглашаю тебя на прощальный ужин в самый замечательный петербургский ресторан. Будут только самые близкие. Мама, мой брат с женой и ты.

* * *

Я очень люблю ресторан «**Пряности & Радости**», и, когда бываю в Питере, всегда сюда захожу. Меню было разработано двумя непревзойденными профессионалами своего дела – шеф-поварами **Изо Дзандзава** и **Юрием Манчуком**. Каждое блюдо невероятно вкусно: будь то харчо, аджапсанда, пхали, хачапури, жаренный по-грузински поросенок или фирменный салат «**Пряности & Радости**», который я просто обожаю: нежный горячий сыр бри, запеченный в слоеном тесте с легким салатом, с медово-горчичной заправкой и фирменным вареньем. Обширное европейское меню также представлено классическими и фирменными блюдами: салат из краба и креветок, салат из свежих овощей с крабом и яйцом бенедиктин, московский борщ, окрошка, фуа-гра с ягодным соусом. В общем, когда сюда приходишь, глаза разбегаются: хочется попробовать все и сразу.

Интерьер располагающий: уютные диванчики из светлой кожи и оригинальные стулья благородного дерева. **Я здесь всегда отдыхаю душой и телом.**

Сегодня я пришел раньше гостей: хотелось немного побыть в одиночестве и в качестве аперитива выпить фирменный коктейль. Заказ мне принесли быстро. Я задумался и не заметил, как рядом оказалась **Анна Сотникова**, генеральный управляющий ресторана кавказской и восточной кухни в компании «[Ginza Project](#)». Раньше мы с ней пересекались не раз на всевозможных мероприятиях. В Анне удивительным образом сочетаются красота и очень сильный характер. Эта хрупкая женщина знает, чего она хочет от жизни, и умеет добиваться

поставленных целей. Поэтому она сделала головокружительную карьеру.

Анна присела рядом, пока я пил коктейль и дожидался своих гостей. Мы разговорились о ресторане, о компании «[Ginza Project](#)». Чувствовалась, что Анна очень довольна своей работой в компании:

– «[Ginza Project](#)» – это целая эпоха в моей жизни. Разные рестораны, разные форматы. Я получила колоссальный опыт, так что нет ничего удивительного, что мне предложили место управляющей в «[Мамалыге](#)» на Энгельса, которая открылась в июле 2008. Через год работы в «Мамалыге» я, находясь в ожидании сына, стала готовить себе замену. Как-то уехала на неделю из города, вернулась – и не узнала ресторан. Понимала, что у заведения большие перспективы, а если уйду, у «Мамалыги» не будет такого счастливого будущего, какое будет со мной. Решили, что я буду приезжать раз в неделю, смотреть-проверять. Где раз в неделю, там и два. Есть люди, которые относятся к работе как к работе, к личной жизни как к личной жизни. **У меня получается относиться к работе как к творчеству, я проживаю жизнь в ресторанах, за которые отвечаю.** Так что я осталась управляющей в «Мамалыге». Параллельно занималась построением работы под ключ сразу в нескольких ресторанах: «[Шурпа](#)», «[Баклажан](#)», «[Бричмула](#)», «[Хочу харчо](#)».

– И это при том, что вы стали мамой. Потрясающе! Даже не представляю, как можно работать, отдыхать и заниматься семьей. В сутках-то всего двадцать четыре часа.

– Саша, просто нужно в какой-то момент понять: делать все самой – путь тупиковый, важно научиться делегировать полномочия, распределять обязанности и спрашивать по делу. Тогда все получается. И времени хватает не только на работу, но и на личную жизнь. У меня в подчинении восемьсот человек. И я стараюсь вовремя увидеть предназначение человека, мне важно, чтобы люди думали, двигались вперед, развивались. **Я радуюсь, когда мой персонал растет.** Работа с персоналом – это не когда ты замечаешь какой-то промах и на бегу бросаешь: «Почему не поздоровался с гостем первый? Хлеб следует подавать с другой стороны!» Каждый требует к себе индивидуального подхода – у каждого есть кнопка, на которую надо нажать, чтобы запустить нормальный рабочий процесс. Эти кнопки у всех разные: кто-то работает исключительно ради денег, кому-то важны коллективные отношения, кто-то самовыражается. Кто-то – случайно затесался в официанты, но талантлив в чем-то другом, его можно перевести на другую должность, где он будет востребован и тебе спасибо скажет. А кто-то тщеславен настолько, что ему просто стыдно быть отстающим! Тут я как воспитательница в детсаду – только дети постарше, да и цели у нас немножко иные.

– Практически все, кто бывал в ресторанах **«[Ginza Project](#)»**, отмечают **великолепный сервис**. Теперь я знаю, кого за это надо благодарить. Кстати, как вы думаете, сколько еще будут популярны в Петербурге узбекская и кавказская кухни?

– Всегда! Кавказская, в частности, грузинская кухня близка русским исторически, премиальной среднеазиатской кухни в Петербурге – по пальцам сосчитать. Две упомянутые гастрокультуры – с одной стороны, этника, с другой, вполне знакома нашим гостям. Кавказская более легкая, узбекская – более жирная, брутальная, мужская, можно сказать, самая популярная и яркая в Средней Азии. А все вместе это Восток, колорит, яркое застолье, пир горой. Так что это будет востребовано всегда. Впрочем, вот ваши гости, Саша. Оставляю вас. Приятного вечера!

Я поднялся навстречу своей семье, отметив, что мама сразу же взяла под опеку Номи и теперь пеняла ей за слишком тощий вид. Мне не хотелось их расстраивать, что я снова уезжаю, но брат все понял по моему лицу:

– Опять собрался покорять мир?

– Опять! – виновато сообщил я, стараясь говорить тихо, но мама все равно услышала.

– Да что ж это такое! – всплеснула руками она. – Что ж тебе на месте-то не сидится! Нет, давай все сначала обсудим.

Моя семья.

Вечер обещал быть насыщенным и интересным. И еще очень вкусным. Ну, а как вы хотели?

МОСКВА

...Мы вылетели в Москву серым промозглым утром. Рэм был немногословен, что называется, «вещь в себе». Номи капризничала и хлюпала носом.

– Номи, тебе снятся сны?

– Только дурацкие. Я пою на сцене. Я красивая. И еще иногда маму вижу.

– Что же в этом дурацкого?

– В них правды нет.

– Ты сегодня не в духе, – сказал я, чтобы заполнить паузу.

– Знаешь, – сказала Номи, когда мы уже сидели в зале ожидания, – такая странная штука получается. Оказывается, есть два мира: твой и мой. Твой нормальный, а тот, в котором живу я, урод. И люди в нем уроды.

– Почему?

– В моем мире важны деньги.

– В моем, знаешь ли, тоже, – не согласился я. – Деньги решают много проблем.

– Возможно, – грустно ответила Номи. – На них можно купить шмотки, жилье, еду, отношения, и все же они не дают главного.

– Чего же?

– Любви, Саша. Впрочем, ты не поймешь. Ты же не знаешь, что значит – жить в абсолютном вакууме, в ситуации абсолютной нелюбви.

Она вздохнула и отвернулась, давая понять, что наш странный разговор закончен. На тонком запястье пульсировал подаренный браслет. Я вдруг понял, что это едва ли не единственный подарок, полученный Номи за всю ее жизнь. Рэм не любил ее, я это знал. Ни один человек за эти годы ни разу ее не обнял, ни разу не погладил по голове. Странно, что она вообще не озлобилась. Или озлобилась, только научилась это тщательно скрывать.

– Пошли, – глухо сказала Номи. – Посадку объявили.

По мне летать на самолете в Москву – довольно дурацкая и дорогая затея. Это только кажется, что лететь самолетом –

экономить время. По факту – суеты, сутолоки и запоротого КПД получается намного больше. Но, как говорится, хозяин – барин. Не мне уговаривать Рэма ездить на «Сапсане». У богатых свои причуды.

– Со мной сядешь, – сказал Рэм, едва мы вошли в самолет.
– Поговорить надо.

Номи бросила на нас странный взгляд и прошла в салон. Я не мог понять, что с ней такое творится.

– Ты ведь в Москве свой? – с места в карьер спросил Рэм. – Люди, связи для тебя не проблема? Шоу-биз?

– Допустим, – в последнее время мне очень нравилось это слово. Вроде бы оно совсем ни о чем, однако, сколько в нем есть скрытых смыслов!

– Мне нужно, чтобы ты разузнал об одном человеке. Аккуратненько так, не вызывая подозрений. Ну, как будто это лично тебе нужно. Поспрашиваешь своих друзей по шоу-бизу, напрочишься в гости, слово за слово.

На оборотной стороне визитки Рэма всего лишь одно женское имя: Селена.

– Селена? И все?

– Псевдоним, конечно, – сказал Рэм. – Не мне тебе рассказывать, как в шоу-бизе любят псевдонимы. Но есть и плюс: имя редкое, найдешь быстро.

– Она поет?

– Вряд ли.

– Танцует?

– Разве что при Луне.

– Пародирует?

– Она экстрасенс, Нежданов. Понимаешь? Экстрасенс. Программу на ТНТ видел? Вот она из таких. Только классом выше. Для очень богатых и известных клиентов. Говорят, она круче Ванги.

И тут я понял, что значит выражение «отвисла челюсть».

– Думаешь, я спятил, да? – Рэм спокойно наблюдал за моей реакцией. – Ударился в черную магию и все такое...

– Честно? Да, я думаю, что вы спятили, Рэм. Окончательно и бесповоротно, – терять мне было нечего, и я решил рубить правду-матку. – Вчера этот индеец, какая-то экспедиция, теперь экстрасенс. Чего вам не хватает? Деньги есть, женщины, каких вы только пожелаете, власть, возможность делать все, что захочешь. А вы играете в какие-то ролевые игры по мотивам Индианы Джонс или Властелина колец.

Он молчал так долго, что я подумал: а вот теперь мне крышка. Сейчас мы прилетим в Москву, и мне крышка.

– Двадцать лет назад у меня была золотая цепь на шее, как на дубе из Лукоморья, первый чемодан денег и большие амбиции. Я хотел сделать этот мир. Согнуть его в бараний рог. Подчинить себе. Я решал вопросы, забивал стрелки и думал, что за такую жизнь, пожалуй, можно и душу продать. По выгодной цене, разумеется. И вот тогда я услышал легенду о Долине тысячи снов.

– Я знаю ее.

– Правда? – Рэм, казалось, даже и не удивился. – И что же ты знаешь?

– Это легенда майя. Я слышал о ней, когда был в Мексике, – тут я, конечно, слукавил («и Гугл нам в помощь»), но Рэму о том было знать необязательно. – Однажды боги очень

сильно разгневались на людей и наслали на них мор, голод и смерть. Племя за племенем умирало в джунглях, и не было никакого спасения. На жертвенных пирамидах днем и ночью текла кровь, катились головы, и в глухие колодцы сбрасывались тела самых красивых юношей и девушек. Но боги не принимали жертв, и людей становилось все меньше и меньше. Богиня деторождения Иксчель исчезла, и женщины перестали рожать. По ночам бог смерти Ах-Пуч сеял лихорадку, желтуху и кровавый понос. Бог дождя Тлалок насылал простуды, язвы и ломал суставы, будто это был сухой тростник. Ксипетотек портил людям кожу, ослеплял, и даже прекрасная богиня любви Ксочикетзаль насылала на тех, кто осмеливался полюбить, бубонную чуму. Наконец очередь дошла до юной дочери вождя племени, красавицы Иси. Рано утром ее должны были принести в жертву. Ночью светила огромная, в полнеба, Луна, и девушка обратилась к богине Иш-Чел, богине Луны и радуги. Она попросила сжалиться над людьми и дать им еще один шанс. А взамен она была готова отдать свою молодость и красоту. Услышала Иш-Чел эту молитву, примерила на себя образ юной красавицы и...

Наступило утро, взошло солнце, и боги сжалились над людьми. Исчезли болезни, ушла смерть, стали рождаться дети. И только для Иси более не было радости: Иш-Чел забрала ее красоту и молодость, отдав взамен свою старость и безобразный лик. Родные и жених отвернулись от несчастной и изгнали ее в джунгли. Так бы она и сгинула, если бы... Если бы Иш-Чел не привела Иси в Долину тысячи снов.

– Видишь, сколько здесь человеческих снов? – спросила богиня. – Подобно бабочкам и птицам, они порхают, и среди них есть твой сон о том, как ты была молодой, красивой и любимой. Найдешь его, поймаешь – станешь такой, как и была.

Говорят, Иси до сих пор бродит по этой долине и ищет свой сон.

– Складно рассказываешь, – через паузу ответил Рэм. – Мне нравится. Я когда впервые эту сказку услышал, ржал. Вот только потом не до смеха стало. Знаешь, сколько лет Дэбу?

– Лет сорок, может, чуть меньше.

– Шестьдесят пять. Не веришь? Вот и я не поверил. Ты бы видел его мать! Наши гламурные красотки ей и в подметки не годятся. **Этот мир неправильный, Нежданов. Он убивает день за днем. Ты стареешь так быстро, что не успеваешь сам за собой. По паспорту тебе двадцать, а в зеркале все тридцать пять.**

– Все ради молодости? Эдакие молодильные яблочки на новый лад?

– Экспедиция-то? Ничего от тебя не утаишь, – усмехнулся Рэм.

– Я просто умный. И умею так сложить два и два, чтобы получить четыре, а по необходимости и все пять.

– Сложил? Получил? – он по-звериному ощерился, показав клыки. – Только ни черта ты не понял. Думаешь, мне нужна вечная жизнь? Чтобы и в сотню годков молодых девок трахать? Нет! Это скука, Нежданов. Скука, как болото: везде был, все видел, все попробовал, все есть! А тут шанс. Понимаешь? Шанс! Замануха такая с приключениями. Выход

из зоны комфорта. Игра! На жизнь и на смерть! И в этой игре не твои, чужие правила. И ты можешь, наконец, попробовать, чего ты стоишь сам. Без денег, без связей, без всего – голый, голодный, злой. Ты, и только ты. Ты не представляешь, сколько я уламывал Дэба, чтобы он провел меня к Долине. Упирался, сволочь. А Номи появилась – дрогнул. Окончательно сломался, когда ты возник. Задача сошлась с ответом.

– Почему?

– Вот и я хотел бы знать, почему, – задумчиво сказал Рэм. Мы подлетали к Москве. – Селену мне найдешь?

– А вам слабо? У вас куда больше связей, людей, денег.

– Мне – слабо. Умный, умный, а не догадался. Селена никогда и ни за что не подпустит меня к себе. Пробовал – знаю. Так что это теперь твоя задача, Нежданов. И вот еще что... если будешь с ней сам разговаривать, скажи, что... Скажи, что ее дочь у меня.

– Ее дочь?

– Номи.

Второй раз за последний час моя челюсть совершила пируэт. И, согласитесь, на то были причины.

* * *

Москва встретила яркими афишами и бесконечными sms от друзей и знакомых. Я мысленно прикинул, с кем хочу встретиться – за неделю не управиться. Как бы свалить от моего работодателя?

У выхода Рэм повернулся и коротко кивнул:

– Тебе есть, чем заняться. Работай.

Я увидел лицо Номи: ей снова отчаянно хотелось пойти со мной, но сейчас она могла бы мне помешать:

– Не обижайся, ладно?

– Возьми меня с собой, пожалуйста.

– Не могу, – я инстинктивно нащупал в кармане красивый камешек – древесный опал. Мне его когда-то подарил кто-то из поклонников – на счастье. – Вот, возьми. Это на счастье. Вечером встретимся и обо всем поговорим.

Она взяла камешек и обиженно сунула в карман. Отвернулась.

Я рванул вперед. Организм мгновенно уловил московский бешеный ритм. Здесь всегда так: **в Москве ты никогда не стоишь на месте, а бежишь, бежишь, бежишь, и Москва наступает тебе на пятки. Не успеешь – сомнет, затопчет.**

На улице я проголосовал.

– Нежданов, ты? – рядом притормозила машина с самой невероятной аэрографией, которую я когда-либо видел. Даже вблизи казалось, что машина сделана из черной кожи, поблескивавшей под дождем. Только один человек в Москве способен придать любому авто самые фантастические текстуры. И этот человек был сейчас за рулем. **Майк Доренский.**

– Подвезти?

Я плюхнулся на переднее сиденье, с восторгом оглядев салон. Внутри он тоже был классным.

– Твоя?

– А то!

– Дела идут в гору?

– Как и у всех хороших людей, – в той же тональности ответил Майк. – Когда они у меня шли плохо? Откуда прибыл? Штаты? Европа?

– Питер.

Майк на минуту задумался:

– В духе времени. Последние двадцать лет питерские все сюда едут. Слышал, ты ушел из шоу-биза.

– Скорее, мы с ним на время расстались, – я решил не вдаваться в подробности. – Прежние ниши надоели. Ищу новые. Ты-то что в аэропорту делал?

– Клиента провожал.

Майк назвал фамилию человека, которого за глаза с придыханием называли «нефтяником», и я уважительно присвистнул:

– Круто берешь. Неужели твой великолепный автостайлинг и до политических бонз дошел?

Майк довольно улыбнулся.

– Мой автостайлинг нынче большой тренд. Люди устали от безликих машин и хотят индивидуальности. Но если лет пять назад народ был готов удовлетвориться тиграми, драконами, пантерами и ромашками на капоте, то сейчас сюжеты стали более сложными, продуманными. Иногда такие штуки делаем, что у самого дух захватывает.

– А сейчас куда?

– Останкино. Мы там с Лепсом встречаемся. Он на выставке миллионеров нашу машинку увидел. Точнее, машинка, конечно, была не наша, а вот стайлинг наш. Ну и пошло-поехало. Хочет нечто особенное, в своем стиле. И мне есть, что ему предложить.

Майк выглядел довольным и счастливым. Признаться, я очень редко встречал таких цельных людей, как он. В нем есть удивительное бизнес-чутье и ставка на индивидуальность. У большинства людей эти качества приобретенные, а Майк, кажется, впитал их с молоком матери. Помню, как-то мы с ним зависли в московской «Солянке». Этот клуб мне всегда нравился отсутствием пафоса и гламура. Мы смотрели на публику, и Майк вдруг сказал:

– Интересно, почему люди так боятся индивидуальности? Что такого страшного быть не таким, как все?

– Индивидуальность страшна. А вдруг о тебе не то скажут, не то подумают...

– И плевать! В природе нет одинаковых отпечатков пальцев, одинакового прикуса, одинакового цвета глаз. Все индивидуально. Но нет же! Люди, как будто специально, одеваются, думают и ведут себя, как под копирку.

– Ну, ты-то не такой, как все...

– А я всегда таким был. Еще с детства. Школу терпеть не мог. Школа – одна из худших систем, которую придумало человечество. Я всегда считал, что человек – это индивидуальность, и мы все разные, школа же упорно пыталась доказать обратное: «Доренский, ты что, особенный?», «Доренский, ты что, лучше других?» Да, я особенный! Я не лучше и не хуже, просто я самостоятельная личность. Прикинь, в первом классе я организовал небольшой бизнес в школе. У меня были печати в виде зверей, большая редкость в то время. Я их печатал на листовой туалетной бумаге.

– На какой бумаге? – не понял я.

– Нежданов, ты в какой стране жил? – хмыкнул Майк. – Была и такая. Серого цвета, по структуре почти как нормальный печатный лист формата А5. Так вот, я печатал зверюшек и продавал их как картинки для раскрашивания. Причем в школе у нас училось очень много детей, только первых классов было шесть. Поэтому я организовал продажи по принципу, который сейчас называется сетевым маркетингом. Как ни странно раскрашивать мои «раскраски» стало трендом, вся школа подсела.

– И что было дальше?

– Хм... Продажи школьной столовой резко упали, и все деньги потекли ко мне. Так как это был 1990 год, мой «бизнес» вызвал негодование учителей. На третий день моей «работы» собрали экстренное собрание, и начали «прорабатывать». Я пытался объяснить, что деньги не ворую, а честно зарабатываю, как раз это совковым учителям было понять очень сложно. Когда дошли до вопроса, куда деваю заработанные деньги, я честно сказал: купил 2 банки икры. Меня спросили: а остальные деньги? Я неправильно понял вопрос, оказывается, они имели в виду, что основную часть денег мне мама добавила, и клонили к тому, что я еще и с мамы вытряс денег. Я ответил: остальные отложил, пока не тратил. Дальше по Гоголю. Немая пауза, к нам приехал ревизор. Только в этот момент учителя поняли весь объем продаж, который был, наверно, даже выше их зарплат. Повисло гробовое молчание, после которого собрание прекратилось. Как итог мне запретили заниматься коммерцией.

– Дома попало?

– У меня потрясающая мама! Она всегда была мудрым человеком и встала на мою сторону, поэтому по заднице я не получил. К четвертому классу я начал новый бизнес: продавал быстрорастворимые соки, которые на уроке все поглощали в сухом виде через трубочку для коктейлей. Потом были жвачки, шоколадные батончики и разная мелочь... Тогда уже в стране был полный бардак, и хотя меня критиковали, но уже не так мешали торговле, не знали, как себя вести, когда везде шла пропаганда малого бизнеса. В общем, на мелкие расходы я зарабатывал сам. Кстати, мама была справедливой, поэтому не всегда вставала на сторону учителей. Был еще один случай. Как-то я купил цветной лак для волос (это было уже в старших классах) и покрасил волосы в оранжевый цвет. В школе меня отругали и отправили в туалет – смыть лак. Лак я смыл, но в тот же день поехал в магазин и купил фиолетовый тоник для волос, который смыть не так просто. Маму вызвали в школу. Я пришел домой, рассказал как есть. Мама подумала и спросила: «А у тебя еще тоник остался?» Я сказал, что да. Мама взяла тоник и ушла в ванну. Когда вышла, волосы у нее были фиолетового цвета: «Теперь я готова к походу в школу». В школе, естественно, к ней вопросы отпали. Мне же мама потом сказала, что даже Маяковский красил волосы в зеленый цвет.

– Да, не все могут похвастаться такими родителями.

– Мне повезло. Я думаю, что от семьи мы вообще очень многое берем. Воспитание, образ мыслей, мировоззрение, даже профессию. В 1991 году у меня родилась сестренка

Дашулька. Родилась она 26 августа, через 5 дней после окончания переворота. В магазинах были пустые полки, очереди растягивались на полдня и больше. Люди писали на руках номер в очереди и ходили домой обедать или подтвердить свое место в другой очереди. Папа работал, мне 8 лет, Дарюшка совсем маленькая. Поэтому в магазины мы ходили с мамой. Очередь была агрессивной, часто приходилось слышать в наш адрес: «В стране жрать нечего, а эти бляди еще детей рожают». Так как очередь потерять не хотелось, молча стояли, все это слушали. Я думал, насколько нищие духом у нас люди. Злые, вечно недовольные, без сострадания к ближнему.

– Ничего не изменилось, если вдуматься. Вроде качество жизни стало лучше, а психология та же. Ты заметил, что в Европе тебе всегда улыбаются, с тобой здороваются. Так в Штатах. Так в Австралии. Но в России принято не любить, а ненавидеть.

– Говорю, Нежданов, это психология. Это психология людей, которые уверены, что им все обязаны. Им обязано государство, работодатель, муж, жена, родители, и вместо того, чтобы самим что-то сделать и изменить тем самым жизнь, они сидят и ждут, когда кто-нибудь придет и принесет счастье на тарелочке с голубой каемочкой. Понимаешь парадокс? Они сидят и ждут, когда кто-то что-то за них сделает, но сами делать ничего не будут. И уж тем более они не хотят вкладываться в собственное будущее: они хотят все прямо сейчас – деньги, бонусы, квартиры, машины, дачи. Я быстро понял: чтобы начать свой бизнес, не обязательно много вкладывать, как казалось мне раньше,

когда я работал в крупной компании, которая тратила миллионы долларов на оборудование. И еще я понял, что если закрывается одна дверь, всегда открывается другая, и, как правило, лучше. Нужно только не зевать и ничего не бояться.

– Сколько тебе было, когда ты это понял?

– 18 лет. В восемнадцать я арендовал свой первый офис и открыл первое рекламное агентство. Поначалу все шло отлично, но рекламный рынок, сам помнишь, неожиданно рухнул. Пришлось отказаться от аренды. Судьба подкинула новый шанс. Меня забросило в кинотусовку, я познакомился с режиссером Сергеем Гурзо. Это знакомство открыло дверь в мир кино, звезд.

– Ну, кино по тем временам было в упадке.

– Именно поэтому я начал работать на ТВ как бригадир массовки. Меня тогда привлекло то, что, имея довольно гибкий график, продолжая выполнять заказы по рекламе, я мог спокойно зарабатывать деньги. Мне помогал мой младший брат Серега Доренский. Когда брат заканчивал Бауманку, встал вопрос о том, чтобы развить свой бизнес. Для этого нам потребовалось выбрать, на чем мы сосредоточимся. Было много разных попыток что-то запустить, но в итоге мы пришли к выводу, что нужно остановиться на рекламе и нанесении графики на различные предметы. От торта до авиалайнера. Сейчас наши основные заказы – это наружная, интерьерная реклама и авто-стайлинг. Мы наносим на автомобили не только полноцветную графику, но и различные текстуры, матовые цвета. Делаем дизайн эксклюзивных авто. Наша компания

сотрудничает с ведущими международными компаниями по производству расходных материалов для изготовления рекламы, такими как 3M, Hewlett-Packard, Orafol, PMF и т.д. Мы сделали ставку на качество и индивидуальность, и в итоге выиграли. Понимаешь, **Нежданов, жизнь такая штука, что она не терпит скуки и серости, она не знает, что такое страх: ты идешь и делаешь то, что должен. И если что-то не получается с первого раза, получится со второго.**

...Я задумался, вспоминая тот разговор. Очнулся только, когда Майк притормозил у Останкино:

– Я тебя здесь высажу, лады?

– Ага, – сказал я, выбираясь из уютного салона. – Спасибо, что подвез.

– Удачи тебе, – сказал Майк. – Ты везунчик.

Обожаю Москву, потому что здесь я всегда свой.

* * *

Для Москвы я стопроцентный изгой. **Есть города, которые тебя не принимают.** Москва для меня такая – равнодушная. С момента моего рождения. Может быть, поэтому я всегда так плохо себя здесь чувствую.

Отец высадил меня посреди дороги, небрежно сунув в руки пачку денег, словно я была дорогой проституткой.

– Погуляй. Купи что-нибудь. В общем, не мешай. Вечером придешь в отель.

Пару лет назад я бы обиделась, теперь стало все равно. **Нет смысла добиваться любви и внимания, если ты не нужен.** Машина рванула с места, обрызгав грязью.

Как только отец уехал, я почувствовала себя беззащитной и неуверенной, возникло странное чувство, словно за мной кто-то следит. И этот кто-то – очень опасен. Улица показалась безлюдной и угрюмой, захотелось убежать и спрятаться среди людей. Мелькнуло желание позвонить Саше, но я тут же пресекла эту мысль. Он же не нянька, в конце концов, и не обязан меня пасти.

«Беги, беги, беги! – стучали в голове тревожные молоточки. – Куда угодно, но беги!»

Недалеко от меня притормозил черный автомобиль с заляпанными номерами. Стало страшно.

Отец говорит, что самодостаточный человек всегда будет себе интересен, даже если останется один. Беда в том, что как раз сейчас я не чувствую себя таковой. Я вообще ничего не чувствую, кроме одиночества, обиды и страха. Почему он высадил меня именно здесь? Случайно? Специально?

Ну, и где я? Москву знаю плохо. Арбат, Тверская, Патриаршие... Но это явно не Арбат. Я беспомощно оглянулась: передо мной красовалось здание Сити-боулинга. В боулинг я ни разу не играла, но почему бы не попробовать?! Куда угодно, только бы не стоять здесь.

Однако всей моей смелости хватило лишь на то, чтобы войти внутрь. Потом я растерялась. Так бывает: ты попадаешь в незнакомое место, в некую профессиональную среду или среду людей, объединенную общими интересами, и чувствуешь себя лишним. Вот Нежданову хорошо: он везде, как рыба в воде. У меня так не получается. Я топталась на месте, чувствуя себя последней идиоткой. Ну, куда я лезу со своей рожей? Что я вообще могу?

Ладно, не больно-то и надо. Я повернулась, чтобы уйти, но вдруг вздрогнула: подаренный Дэбом браслет раскалился и жег запястье, он словно не выпускал меня на улицу.

В холл вошел мужчина. Бритая голова, мощный затылок, тело бойца. Взгляд-рентген. Черная кожаная куртка. От него пахло смертью. Я почему-то сразу поняла, что он ищет меня. Вжалась в стену и взмолилась непонятно кому:

– Пожалуйста, пусть он меня не заметит. Пожалуйста.

Но он шел прямо на меня, и я поняла, что все пропало. Бежать некуда. Вот сейчас он подойдет, схватит меня за шкурку и...

– Привет, ты новенькая?

Рядом со мной стояла стройная и красивая девушка.

– Типа да, – голос сипел от страха.

– Я так и поняла. Новеньких сразу видно: хотят играть, но не знают, как. Хочешь, научу?

Она закрыла меня собой, и черный человек прошел мимо. Словно нас тут и не было. Я перевела дыхание, браслет перестал жечь. Мельком взглянула на руку: ни единого следа ожога.

– Очень хочу. Я никогда не играла.

– Меня Ксения зовут. **Ксения Смотровая**. Можно Ксюша. Или Ксю. Как тебе нравится. Я привыкла, что меня все называют так, как им нравится. А ты кто?

– Номи.

– Номи? – она весело прищурилась. – Любопытное имя. Без вариантов. Интересно, как тебя дома ласково называют? Номчик? Номушка? Номуля?

Я промолчала. Странно, но мне до сих пор не приходило в голову, что меня можно назвать уменьшительно-ласкательно.

– Ладно, это я так, шучу. Пошли, дорожка ждет.

По пути Ксюша посвящала меня в правила игры:

– Значит так. Шар – это основной снаряд игры в боулинг. Шары в боулинге делятся по весу. Масса шара маркируется на его поверхности цифрами – от 6 до 16. В боулинге используются 10 кеглей, они выстраиваются в пирамиду и также нумеруются от 1 до 10. Первая кегля считается главной. Понятно?

– Ну да, – пробормотала я. – Шары, кегли.

Ксения рассмеялась:

– Да ты способная ученица. Поехали дальше. Одна партия в боулинге состоит из 10 раундов – фреймов. В каждом фрейме игроку дается по две попытки посылы шара. После каждого фрейма кегли выставляются заново. Существует исключение: в последнем, десятом фрейме игрок посылает шар три раза, если он промахивается либо выбивает страйк. По окончании игры ведется подсчет очков. Максимальное количество очков в боулинге за одну игру – 300.

Мы переобулись и прошли в зал.

– По очкам я сейчас тебя грузить не буду, – сказала Ксения. – Там свои нюансы. Главное, чтобы ты сейчас научилась правильно держать шар. Ты правша или левша?

– А есть разница?

– Конечно. Если ты правша, берешь шар правой рукой. Если левша – левой. Вот так, молодец. Средний, большой и безымянный палец входят в соответствующие отверстия на

шаре. Теперь приложи руку с шаром локтем к бедру, свободной рукой слегка придержи его. Умница. Плечи при этом развернуты под прямым углом к дорожке. Да не напрягайся ты так! Мы же играем! Ноги приставлены вместе, колени немного согнуты. Теперь посыл.

– Чего?

– Теперь нужно правильно послать шар. Установи дистанцию для разбега. Видишь линию? За нее нельзя заступать, иначе шар не будет засчитан. Нет-нет, так далеко не отходи. Чуть ближе. Вот так. Первый шаг делаешь правой ногой, отпусти шар свободной рукой. Посылающая рука медленно разгибается. Видишь?

Ксения показала, как это нужно сделать, и я кивнула: понятно.

– Второй шаг, и твоя рука с шаром движется вниз, делая размах. Спина немного сгибается. Плечи поворачиваются в сторону посылающей руки. Видишь? Третий шаг, твои колени и спина все больше сгибаются. Рука с шаром достигает конечной точки за спиной и готова к посылу. Ну, и четвертый шаг самый длинный, тут нужно добавить немного скольжения по дорожке. Рука с шаром напрягается и посылает шар из-за спины, передавая ему энергию от разбега. Вот так!

Она красиво и изящно бросила шар:

– Далее можно расслабиться и понаблюдать за удачным броском. Бинго! Теперь твоя очередь.

Я боялась, что у меня ничего не получится. Что я растянусь на дорожке и пульну этим чертовым шаром туда, куда не надо. Но все прошло, как по маслу. Я вдруг

почувствовала, что мы с шаром едины, что он живой и вибрирует в ожидании моего броска. Я сделала четыре шага и сделала бросок.

– Вау! – сказала Ксюша. – А еще говорила, что новичок. Играем дальше? По ходу дела буду рассказывать тебе остальные нюансы.

...Я очнулась только часа через полтора. Абсолютно взмокшая и счастливая.

– Ты заслужила сок, – сказала Ксения.

Я вдруг смутилась, осознав, что не заплатила за игру.

– У меня есть деньги, ты не думай... Я заплачу. Ты же все-таки время на меня потратила.

Ксения как-то странно взглянула на меня:

– Откуда ты взялась такая, Номи?

Мы уселись за столик и заказали сок и фисташки.

– Такая – какая? Что со мной не так?

– Ты так себя не любишь, что просто диву даешься, – ответила Ксения через паузу. – Живешь, как улитка в раковине. И даже не понимаешь, что людям приятно тратить на тебя свое время и эмоции. А вот в игре раскрылась по максимуму. Ты – игрок. Только признать этого не хочешь. Знаешь, уловить суть игры, почувствовать драйв может не каждый. Это дар. И он очень помогает в обычной жизни.

– Ты часто играешь? – только сейчас я заметила, как уважительно здороваются завсегдатаи с этой симпатичной девчонкой.

– Вообще-то я учусь на дневном отделении, специализация «Туристический менеджмент», мечтала об этой профессии еще со школы. Поскольку учусь на очном, то

первая половина дня чаще всего занята, а ближе к вечеру начинаются тусовки, встречи, боулинг.

– Дай угадаю: мечтаешь открыть собственную фирму.

– Двойка тебе, Номи, за сообразительность и дедукцию. Я хочу заниматься организацией спортивных выездов.

– Чем-чем?

– Знакомая реакция! Ты же видела, как я играю в боулинг, – объяснила Ксения. – Только играю я в него профессионально. Вот уже девять лет. Для многих боулинг – это просто развлечение: «вечерком шары покатать да пиво попить», но на самом деле есть и спортивный боулинг, и не просто турниры-междусобойчики, а чемпионаты, кубки Европы и мира. Я – чемпион России, член сборной России, кандидат в мастера спорта, ну и у меня много разных побед, перечислять их долго и сложно...

– И ты вот так подошла ко мне и предложила поиграть? – я не могла поверить в происходящее. Чемпион России, с ума сойти!

– А почему нет? – пожала плечами Ксения. – Если благодаря мне ты полюбишь боулинг, я буду только рада. Понимаешь, боулинг для меня – это не просто хобби, это часть жизни, причем очень важная часть. В составе сборной я ездила по России, повидала различные города, от юга до Сибири, от запада до востока, по Европе немного покаталась – была во Франции, Германии и Голландии. Все эти поездки помогали оформлять «менеджеры спортивных выездов», вот мне и понравилась эта сфера деятельности. Хочу в дальнейшем этим заниматься, профессия-то интересная.

– У тебя, наверное, вся семья спортивная.

Ксения на минуту задумалась.

– Не сказала бы. В нашей семье особо спортом никто не увлекается, только я и моя младшая сестра, которая семь лет занималась художественной гимнастикой, но вынуждена была бросить: ее тренер уехала в Сочи со своим мужем тренировать велоспортсменов, а переходить к другому она не захотела. Сейчас занимается танцами, направление «mix-style».

– Это как? – не поняла я.

– Если по-русски, то смешали в кучу все направления, но получилось интересно. Москва вообще интересный город.

– Ты так думаешь? – недоверчиво уточнила я. – Грязный, суетливый и большой город.

– Ты просто не видела настоящую Москву, – возмутилась Ксения. Как совсем недавно возмущался Нежданов. И я вдруг подумала, что **для того, чтобы принять город, нужно, чтобы ему тебя представил кто-то из своих, тех, кто принят городом на высшем уровне.** Странная мысль, но она мне понравилась. Она объясняет, почему ни с одним городом и ни с одной страной я так и не сдружилась.

– Знаешь, – продолжила тем временем Ксения. – Я очень люблю маленькие улицы в районе Китай-города, ну или любимое место молодежи – Парк им. Горького. Сколько там всего намудрили для отдыха за последнее время! Еще люблю посещать различные кафе и рестораны, но не те, которые на каждом углу, а которые отличаются своим дизайном, кухней или еще какими особенностями. Ты чего погрустнела?

– Так странно, последние две недели встречаюсь с разными людьми, и у всех совершенно невероятная,

увлекательная и интересная жизнь. Анализирую свою: скука смертная. Топчусь на месте. И от этого так больно и обидно. Ты вот про себя рассказываешь, и я понимаю, насколько тебе интересно и ярко живется...

Ксения прищурилась.

– Номи, а все эти люди случайно не говорили тебе, что у человека должна быть мечта?

– Говорили.

– И что, у тебя есть мечта?

– Не знаю.

– Плохо, что не знаешь, потому что **из мечты нужно уметь делать цель. А когда есть цель, ее можно достичь.** А теперь собирайся, я покажу тебе настоящую Москву.

Мы вышли на улицу. Черный автомобиль стоял все там же. Через мгновение он двинулся и на медленной скорости проехал мимо нас. Сквозь тонированное стекло меня пробуравил чей-то холодный оценивающий взгляд. Браслет снова стал горячим.

* * *

В кармане завибрировал телефон:

– Нашел Селену?

Я с трудом подавил раздражение: и часа не прошло.

– Пока нет, – коротко ответил я.

– Держи в курсе, – после этого приказа он отключился.

Он думает, я волшебник? И что за полчаса не только найду человека, но и поговорю с ним? Поразительно!

Ну, и где мне искать эту таинственную колдунью? Я зашел в кафе неподалеку от Останкино, заказал фреш и задумчиво

пролистал адресную книжку в телефоне. Может быть... А что, это хорошая идея... И я набрал номер, чтобы услышать деловое: «Слушаю. Лихова».

С Катей Лиховой мы не общались довольно долго: после известной истории, о которой я уже рассказывал, наши пути разошлись. Правда, расстались мы в неплохих отношениях. Я бы даже сказал, с чувством взаимной симпатии. По крайней мере, голос Кати заметно потеплел, когда она ответила на звонок:

– Неужели ты в Москве, Нежданов? – удивилась она. – Про тебя столько слухов ходит, один интереснее другого.

– И ты им веришь?

– Отчасти. Ты же знаешь, что **любой слух состоит на 50% из лжи, на 30% из правды и на 20% из ожиданий**. И не всегда есть время, чтобы отделить одно от другого. Уж извини. Я тут как-то посмотрела статистику телефона и выяснила, что за последний год на беседы потратила месяц.

– Кать, ты уделишь мне минутку?

– Но только минутку. Говори.

– Где найти Селену?

Я ожидал, что Лихова скажет: «Какую такую Селену? Что за бред ты несешь, Нежданов!», но в трубке повисла напряженная пауза.

– Ты где сейчас? – спросила Катя.

– Возле Останкино.

– Надо же, какое совпадение! – со странной интонацией произнесла она. – Подходи, я тебе пропуск сделаю. Есть разговор.

Она встретила меня в холле.

– Хорошо выглядишь, – сказала она и, приглядевшись, добавила: – В тебе жесткость появилась.

– Учителя были хорошие, – ответил я известной цитатой.
– Ты в том числе.

– Польщена, – ответила Катя. – Пойдем, в кафе посидим и поговорим. У Иванушек сейчас съемка в ток-шоу, мне все равно здесь еще часа два нужно быть.

Мы уселись с Лиховой за столик и сделали заказ.

– Зачем тебе Селена? – спросила она в лоб.

Вот чем мне нравится Лихова, так это своей прямолинейностью. Вместо того, чтобы ходить вокруг да около, спросила, как ударила.

– Один богатый и влиятельный человек попросил ее найти.

– Рэм?

Я поперхнулся кофе. Вот это осведомленность!

– А ты откуда знаешь?

– Знаю, и все тут, – она задумчиво водила пальцем по столу, словно решала сложную задачу и, наконец, решилась.

– Ладно, слушай. Ты же знаешь, что я не только с Иванушками работаю, но и с другими артистами. В том числе и с Сати. Так вот, пару месяцев назад в жизни Сати стали происходить странные вещи: ни с того, ни с сего сорвалась пара концертов, из квартиры пропали драгоценности, угнали машину. Да много всего было!словно все несчастья этого мира на нее обрушились. Мы вначале не придавали этому значения. Решили, что происки какого-то шибко озабоченного фаната. Но когда Сати вдруг оказалась в запертой комнате, и в комнате начался пожар, всерьез

заволновались. Потом Сати призналась, что практически не спит, поскольку во сне к ней приходят кошмары. И кошмары эти кажутся настолько реальными, что она опасается за свою жизнь. Не знаю, веришь ли ты в порчу или сглаз, но все происходящее напоминало именно это. Я в порчу не верю, но для меня главное, чтобы мои артисты были в хорошем настроении, а не шарахались от собственной тени. Не помню, кто именно посоветовал нам обратиться в программу «Битва магов». Мол, и проблему решите, и пиар дополнительный не повредит.

– И ты согласилась.

– Ну а почему бы и нет? Именно там я и встретила Селену.

– Значит, она существует.

– Не знаю, что там тебе Рэм о ней наговорил, но она существует – из плоти и крови. И она, как бы это сказать... Она настоящая, понимаешь? Она ведьма.

Я во все глаза смотрел на Катю и удивлялся: и все это мне говорит Лихова? Эта прагматичная бизнес-леди?

– Ну, и как она выглядит, эта ведьма? В остроконечной черной шляпе, на лице – бородавки, летает на метле?

– Я знала, что твоя реакция будет именно такой, – сказала Катя. – Но дело в том, что она никак не выглядит.

– Не понял.

– Ее не запоминаешь. Вот глаза видишь, и взгляд такой, что насквозь, а внешности не помнишь. Ни цвета волос, ни цвета глаз, ни фигуры – вообще ничего.

– Так не бывает. Если она снималась в шоу, то уж, посмотрев передачу, можно составить впечатление.

– Ты так думаешь? – Катя достала планшет, вошла в сеть и открыла одну из закладок. – Вот смотри, это последняя передача, в которой Селена принимала участие. Рейтинги были сумасшедшими. Все хотят получить у нее консультацию, но фишка в том... Впрочем, смотри, и сам поймешь.

По сюжету участники шоу – маги, экстрасенсы и целители – один за другим входили в очередную нехорошую квартиру и пытались определить, что в ней произошло. Это шоу я видел несколько раз, и мне оно казалось не очень интересным. Возможно, потому, что я не особо верю в эзотерику.

Последней была Селена. И с первых же секунд я понял, о чем говорила Лихова. Селена была, и одновременно ее как бы не было на пленке. Смутные очертания, смазанный голос. Я не мог сказать, сколько лет этой женщине, как она выглядит в реальности, молода она, красива или уродлива. Но я чувствовал, что она полностью подчиняет мое сознание.

– Выключи, – глухо ответил я.

– Пробыло, значит, – не без привычного сарказма ответила Лихова. – Она ни разу не ошиблась в своих прогнозах. Каждого видит насквозь. Башаров сказал, что однажды во время съемки она указала на человека в комнате и сказала, что он убийца. А потом в подробностях рассказала, где и как произошло преступление, и убийца сознался прямо перед камерами. Программа такие аншлаги срывала, что позавидовать можно.

– Значит, вы пришли с Сати...

– Ну да, мы пришли, обрисовали проблему. Остальные несли какую-то пургу про порчу и сглаз, а Селена посмотрела Сати прямо в глаза и сходу описала человека, который все это время вредил. Вплоть до родинок и шрамов. Человек оказался из среднего круга Сати. Я его тоже знала. Мы его быстро вывели на чистую воду. Зритель, наверное, был разочарован таким поворотом событий, но уж как есть. Главное, что проблема была решена.

Катя помолчала, а потом через силу продолжила:

– Вот только знаешь, что... Те кошмары, которыми мучилась Сати, Селена насылала. Для того, чтобы она к ней пришла.

– Зачем ей Сати?

– Затем, что с ней пришла я. А я знаю тебя.

Мне стало не по себе.

– Я-то тут причем?

Катя криво усмехнулась?

– Похоже, ты ей очень нужен. После записи программы Селена сказала, что хочет поговорить со мной. Даже если бы я хотела, я не могла бы отказаться. Для начала она рассказала всю мою биографию, причем в таких подробностях, что мне стало страшно... Даже то, что я ненавижу «медляки» группы Scorpions потому, что в юности меня никто не приглашал танцевать на дискотеках.

– Да ладно!

– Так и было, Саша, – усмехнулась Лихова. – В юности много чего бывает, о чем потом с улыбкой вспоминаешь. Рассказала она и о знаковом эпизоде, когда я решила стать журналистом. Однажды мы с двоюродной сестрой пошли на

концерт группы «Агата Кристи». В зале было огромное количество девочек, все толкались, мне порвали лямку на рюкзаке... И вдруг я увидела, как некие люди, менеджеры, пресса, спокойно входят в дверь с надписью «Служебный вход». И я подумала: я тоже так хочу, чтобы никто не толкал. И решила, что стану журналистом. Она даже знала, что первое свое интервью я брала на лавочке в Таганском парке... И еще много чего она знала, о чем я тебе рассказать не могу. А потом она сказала, что пройдет месяц, и мне позвонишь ты.

– Что?!

– Именно так. И она сказала, что я тебе должна передать следующее. Если ты будешь ее искать, Номи исчезнет. И ни ты, ни Рэм ее никогда не найдете. Она заставила меня выучить это наизусть, поэтому цитирую. Ты знаешь, что значит Номи?

– Знаю.

– Ладно. Это первое. Теперь второе. Она просила передать тебе это письмо.

Катя протянула длинный зеленый конверт, бархатистый на ощупь. Конверт был не запечатан.

– Ты читала?

Лихова не на шутку оскорбилась, разъярившись, как дикая кошка:

– Нежданов!

Я миролюбиво сложил руки на груди:

– Прости-прости-прости. Глупость ляпнул. Мир?

Она кивнула, но я уловил огонек любопытства в глазах.

Достал плотный лист индийской бумаги из конверта. Вот, что там было написано:

№1

Gretta

Stereo

Я протянул листок Кате.

– Если бы это была не Селена, я бы сказала, что это полная ерунда... Но... Тебе эти слова о чем-нибудь говорят?

– Ни о чем, – честно признался я.

Она задумалась.

– Знаешь, она сказала странную вещь: **событиями управляют люди. И у каждого человека есть свой кусочек тайны. Правда, он не всегда об этом знает.**

Я пожал плечами.

– Бред.

Катя поднялась из-за стола:

– Ну, это тебе решать. Я свою часть соглашения выполнила. Честно говоря, стало легче. Тяжелый она человек. Тяжелый и очень страшный.

Мы тепло попрощались, и Лихова, подобно королеве, удалилась, грациозно ступая на безупречных шпильках. Я даже пожалел, что вся эта история для нее закончилась. Для меня она, похоже, в самом разгаре. И все-таки, что же значит этот список?

* * *

Мы расстались с Ксенией через полтора часа. Все мои недавние страхи показались смешными выдумками: ну, кому я нужна? Москва напоминала вкусный имбирный

пряник, и я без устали кружила по столичным улочкам, без разбору заходила в кафе, магазины, что-то пробовала, что-то покупала и чувствовала себя по-настоящему счастливой.

Книжную лавку на Патриарших заметила издали. Лавка стояла в конце улицы, покосившаяся, с облезлой вывеской «Антиквариат. Старые книги. Ломбард». У дверей застыла фигура такого же облезлого гипсового животного. Я подошла поближе и потрогала его: не понять, то ли волк, то ли пес, то ли гепард. Наверное, скульптор был пьян, когда создавал этого зверя. Я погладила его мокрый нос и загадала желание. Я всегда загадываю одно и то же желание: «Пусть все будет хорошо».

Толкнула тяжелую дверь и вошла внутрь. Никого. Пахло книгами. Я уже видела такие лавки в Европе: пока не определишься с выбором, хозяин не выйдет. Кто будет красть старые книги? Дураков нет. Я огляделась. В глубине лавки стоял маленький столик с чайником и одной чашкой. Рядом тарелка с печеньем. Наверное, для посетителей, да? Тогда присяду.

Я вдруг почувствовала свинцовую усталость. Присела в удобное кресло, налила чаю и взяла первую попавшуюся книгу. Посижу, почитаю, потом положу деньги на столик возле кассы и тихонько уйду. Я привыкла быть незаметной.

Книга открылась на середине.

– Ты привыкла быть незаметной, – прочитала я. – Это так удобно быть невидимкой. Невидимку никто не помнит. Вся твоя жизнь – это короткие перебежки, в которых нет начала и конца. Петляешь, как заяц, стараясь уйти от погони, и

боишься признаться, что никакой погони нет. Впереди и позади тебя – пусто.

Что за черт!

Я захлопнула книгу, сделала глоток и снова открыла:

– Что за черт! И это все, что ты можешь сказать? Сколько возможностей было у тебя? Ты тысячу раз могла убежать, скрыться от него, и он никогда бы тебя не нашел: ни в трущобах мумбайских улиц, ни на пражских площадях, ни в римском лабиринте. Однако ты следовала за ним, подобно тельцу на заклание. Неужели тебе нравится быть жертвой? Неужели ты хочешь сгинуть в Долине тысячи снов? Кстати, Номи, что ты знаешь о Долине тысячи снов? Бывало ли так, что один твой сон мог стать к ней ключом?

Номи?

Я испуганно закрыла книгу и огляделась. Мне снова стало страшно. И снова глоток. Чай был на тибетских травах, когда-то мы с отцом пили такой в Тибете. Там он искал смысл жизни.

– Ну, и как? Нашел? Зачем смысл жизни человеку, если он не живет? Скажи мне, Номи. Скажи прямо сейчас. Зачем ты с ним? Ты можешь встать, открыть дверь и уйти. Ты свободна.

– У меня нет денег, – фальшиво пробормотала я. Ну, а вдруг отстанет?

– Номи, Номи, хитрая девчонка. Очередная отмазка. У тебя есть карта. И на ней много-много денег. Я помню тот день, когда ты открыла счет в Германии. Ты умная и хитрая. Мне ли об этом не знать? Все дело в том, что ты хочешь туда попасть. Ты хочешь попасть в Долину снов. Иначе зачем тебе было копаться в бумагах отца и изучать этот вопрос?

Я закрыла глаза: и это правда. После Рима я впервые услышала истинный голос отца: до того он был невнятный, смазанный, словно испорченное эхо, и вдруг зазвучал. Я лежала в машине и делала вид, что нахожусь под действием наркотика, а сама вслушивалась в мысли отца. В них я увидела это странное место: густые джунгли, полосатые лианы из ядовитых змей, изумрудные глаза леопардов. В этом месте звучали голоса живых и умерших, они пели настолько слаженно и красиво, что страх отступил. Пришел интерес.

На следующий день отец уехал. Он никогда не уезжал так внезапно и уж тем более никогда не оставлял свой таинственный саквояж, а тут вдруг случилось. И когда охрана расслабилась, я тихонько вошла в его комнату и открыла саквояж. Ключ у меня был.

Никогда нельзя недооценивать людей, которые рядом с вами. Все думали, что я маленькая девочка, страдающая комплексом неполноценности. Ха! Мне плевать на свою внешность, всегда было плевать. Но так удобно, когда все вокруг не ставят тебя ни в грош. Оставляют ключи, бумаги в открытом доступе и думают, что все это тебе неинтересно, – а ты бери и записывай. Я не записываю, я слушаю.

И вот тогда, забравшись в отцовский саквояж, я нашла все про Долину снов. Я узнала, что должно быть два ключа – два человека, один из которых обладает совершенным слухом, а второй совершенным зрением.

Я скопировала бумаги, а затем украдкой посещала библиотеки во всех городах, где мы останавливались. Так просто сказать, что идешь по магазинам, и оставить охрану

внизу, а затем вернуться через четыре часа с ворохом пакетов. Никто никогда не заглядывал в эти пакеты, а там лежали копии, которые я делала в читальных залах.

Отец ничего не понял о Долине снов. Он носился с идеей вечной молодости, которая, подобно хоббитовскому кольцу всевластия, опутала все его больное сознание. Однако источник молодости был лишь первым на пути. А вот дальше... Дальше находилось еще одно искушение, которое он пропустил, и из-за которого я полностью лишилась сна и покоя. Я хотела попробовать это, и мне было плевать, если в конце пути я умру. Смерть – это всего лишь смерть. Меня пугало другое: то, что все окажется очередным мифом, и опять ничего не останется в моей жалкой и убогой жизни. Отец ничего не понял в этих странных рисунках, а Дэб, конечно же, не станет ему объяснять. Дэб не дурак. У него свой интерес. Этот интерес стоит того, чтобы рискнуть и пройти путь Долины тысячи снов.

Конечно же, не отец, а я нашла Нежданова. Мы однажды беседовали в сети со странным парнем по имени Watchman о том, как можно реализовать себя. Парень был слегка занудный, но он, по крайней мере, был в сети, когда другие спали. Я в очередной раз ныла про то, что некрасива и ничего не добьюсь, Watchman терпеливо меня утешал. Вообще смешно, как люди быстро ведутся на этот трюк. Нужно как можно больше говорить о себе в уничижительном тоне, тогда любой почувствует себя значимым, начнет утешать и обязательно скажет: «А вот я...» Люди много выбалтывают после фразы «А вот я...»

В общем, именно Watchman дал мне ссылку на неждановский блог. Я вошла и от скуки стала рассматривать фотографии. Уже на пятой поняла, что этот парень тот, кто нам нужен. Пара случайных фраз про совершенный взгляд отдельно взятых фотографов. Компьютер, оставленный на нужной вкладке, и отец угодил в расставленную ловушку. Нежданов стал членом команды. Та-там! Как говорят немцы, зУпа-а! То бишь, супер.

И все шло великолепно, пока Рэм не дал то дурацкое интервью. Конечно, он расслабился. Пришла красивая журналистка. У нее были рыжие волосы, большая грудь и обалденно длинные ноги. Очень красивые. Я заценила, когда она забрасывала одну на другую. Шерон Стоун повесилась бы от зависти. Рэм поплыл от вида и перспектив... и все выболтал. Прямо там, на диване, во время сложнейшего сексуального кульбита. Он иногда делает удивительно глупые и нелогичные штуки. Ему просто хотелось поговорить о том, как он крут. Только и всего. Даже у сильных мира сего бывают свои слабости.

Когда вышла статья, было поздно что-то отыгрывать. Мексика снова вошла в тренд, Долину тысячи снов начали продвигать как очередное восьмое чудо света, а у нас появились конкуренты. И сейчас вопрос лишь в том, кто успеет проникнуть в Долину первым, и кому из смельчаков Долина приготовила свои особенные ловушки.

Если бы я могла, я бы отправилась туда одна. Но мне нужен Нежданов, два проводника и еще тот маленький амулет, который висит на шее у отца. Значит, мне нужен

Рэм. И значит, я никуда не уйду и буду с ним до самого финала.

– Ну что? Ты довольна? Чего молчишь? – я укоризненно обратилась к книжке.

Наверное, кто-то скажет, что я плохой человек. Плевать. На чужое мнение мне давно плевать. У меня нет ничего, за что бы я могла держаться, и нет ничего такого, за что бы я могла отдать свою жизнь. Но больше всего на свете я бы хотела попасть в Долину тысячи снов, чтобы ответить на самый главный вопрос в своей жизни.

Я открыла глаза и огляделась. В магазине стало совсем темно, только по стенам метались странные тени, словно кто-то крался ко мне. Ерунда. Игра воображения! Браслет снова раскалится. Боль была столь невыносимой, что я сняла его и сунула в карман. Потом надену.

Странная лавка. За все время в ней никто так и не появился. От чая странно кружилась голова. Я подумала, что спешить мне некуда, и нет ничего страшного, если я немного посплю.

Что-то мягкое скользнуло на лицо, уши наполнились сонной тягучей ватой, и отдаленно я расслышала:

– Берите ее. Только осторожно.

Кажется, голос был женский.

* * *

После ухода Лиховой я заказал себе еще кофе и уткнулся в странный список. Насчет особого дара Селены я очень сомневался: на телевидении и не такие штуки можно проделывать, даром, что ли, я сейчас в Останкино сижу.

Осведомленность же Селены тоже объяснялась довольно просто: если она следит за жизнью своего бывшего возлюбленного, то она вполне может знать о том, что Рэм принял меня на работу. Так что ничего сверхъестественного в том, что Селена через Лихову передала мне это странное письмо, не вижу. К тому же и письмо может оказаться розыгрышем. Я уже ничему не удивлюсь.

И все же было в списке что-то смутно знакомое.

№1. Gretta. Stereo.

Я вглядывался в список, когда меня осенило. № 1. Ну, конечно! Что может быть первым в нашей стране? Первый канал, разумеется.

Я всегда любил работать именно с Первым. Думаю, это один из самых профессиональных телевизионных каналов в нашей стране. Помимо информационных программ канал делает потрясающие развлекательные шоу, которые привлекают миллионную аудиторию не только в России, но и во всех уголках мира. И я очень благодарен судьбе за то, что она мне дала шанс поработать с такими талантливыми и неординарными людьми. В ходе своей журналистской деятельности я пару раз сталкивался с **главным редактором Дирекции музыкального вещания Первого канала Дмитрием Коровкиным** и не уставал поражаться, как он способен в течение только одного дня решать десятки сложнейших задач. **У него невероятная работоспособность и очень острый, цепкий ум.**

Я набрал его номер и замер:

– Нежданов? – голос Коровкина был по-деловому сух, но при этом приветлив. – Говорят, ты в Мексику собираешься?

Нет, сегодня точно день сюрпризов.

– И кто говорит?

– Слухами Останкино полнится. Я на площадке, сейчас кастинг идет. «Один в один». Подходи.

Я даже не понял, в какой момент у меня появилось ощущение, что события развиваются по чьему-то, неведомому мне, сценарию. Одна встреча тянула за собой другую.

Я подошел на площадку, и Дима кивнул в сторону молодого человека: мол, извини, у меня дедлайн, теперь уж сам.

– **Я – Аркадий Байтматов**, – сказал парень. – Мы с тобой шапочно знакомы, пересекались на разных тусовках.

И тут я вспомнил. Ну, конечно, мы пересекались. И не раз. Не представляю, как у одного человека может быть столько талантов. Я впервые услышал о Байтматове лет пять назад, случайно попав на уникальное шоу в жанре травести. На сцене зажигала ослепительная женщина – Miss Gretta, и признать, я не сразу догадался, что это всего лишь образ, маска. С учетом того, что этот образ создан молодым мужчиной, все было талантливо и органично. В Miss Gretta угадывались черты мировых див, в том числе и легендарной и холодной Греты Гарбо. И шоу было настолько красивым и органичным, что я подумал: этот артист далеко пойдет. В нем удивительный талант и еще чувство стиля и вкуса, чего обычно нашему шоу-бизу не достает. Я оказался прав. В 2006 году Gretta получила звание «Альтернативная Мисс Россия». Спустя год ее признали лучшим актером оригинального жанра «синхробуффонады» на конкурсе молодых талантов.

Ну а потом все было вполне закономерно: Аркадия в образе Miss Gretta стали приглашать на телевидение, вечеринки, шоу-программы.

В какой-то момент я стал опасаться, что Байтматов не выдержит свалившейся на него славы и станет заложником одного образа, однако этого не произошло. Думаю, тут дело в самоиронии и многогранности таланта. В одном из интервью Байтматов сказал: «Чтобы выступать в роли звездных женщин, нужно быть сильным мужчиной».

Действительно. Нужно быть сильным, самодостаточным, уверенным в себе мужчиной, чтобы с легкостью отмахиваться от скабрёзных намеков и шуток. Иногда уость мышления наших обывателей просто поражает: мол, если пародируешь женщин, ты обязательно человек нетрадиционной ориентации. А если у тебя редкий дар мимикрии? Если ты можешь настолько точно передать женскую пластику, что даже общепризнанный Казанова ошибется и попытается с тобой познакомиться? Пародия –

сложный, жесткий жанр, она не прощает фальши и халтуры.

К тому времени я знал, что Байтматов, несмотря на свой возраст, уже успел послужить в армии, жениться и развестись, закончить обучение на режиссера, дирижера, гримера и замахнуться на профессию продюсера. И что балетмейстер Юлия в его труппе –

это не только коллега, но и любимая женщина.

Помимо образа Miss Gretta, Аркадий сделал свое собственное музыкально-танцевально-пародийное шоу «Меняя маски», которое способно украсить любой праздник,

от общегородского до корпоративного. Но каково же было мое удивление, когда я узнал, что все костюмы и парики, себе и всему своему балету Аркадий шьет сам. Да и не только себе, но и на заказ: и звездам, и обычным людям.

Он сумел сохранить в себе ребенка и те искренность и открытость, которые свойственны нежному возрасту. Однако наравне с веселым мальчишкой в нем живет и талантливый профессионал с богатым творческим опытом. Молодой, целеустремленный артист своей неожиданной непосредственностью затрагивает каждый уголок души и заставляет вспомнить заветные желания, позабытые в рутинной жизни, а также вдохновляет на реализацию самых смелых замыслов!

Во время его экспрессивных выступлений каждый окунается в атмосферу насыщенного веселья. А желание Аркадия тепло принять и одарить своим вниманием всех пришедших на концерт гарантирует хорошее настроение не только во время выступления, но и после него!

Наверное, секрет в том, что ему все интересно, и своим интересом, своим любопытством к жизни он притягивает к себе. В его шоу всегда радость и позитив, искрометное веселье. И еще у Аркадия есть удивительный дар: в его присутствии каждый ощущает себя особенным, мегазвездой. Как он это делает, ума не приложу. Но эффект своей избранности и значимости чувствуется еще долго после встречи.

Казалось бы, все? Ан нет! Аркадий еще находит время, чтобы работать в кино реквизитором и гримером. И гример он замечательный! Это я знаю от Александра Пескова, в

театре которого Байтматов работал художником по гриму. И на телевидении Аркадий гримировал Королькова, Машу Малиновскую, Бьянку, Гошу Куценко, Катю Лель, Сергея Астахова, Елену Корикову... Это лишь небольшой список людей, которые – это я знаю наверняка – любят Аркадия.

– Рад тебе. Кстати, ты здесь в каком качестве? – спросил я.
– Как артист или как гример? В любом случае, уверен, что шоу только выиграет, заполучив такого профи, как ты. Так какое твое основное амплуа: мастер перевоплощений или гуру-гример?

– Пока не решил, – признался Байтматов. – Все интересно. Все хочется попробовать. Можно сказать, что пока на творческом распутье. К тому же сейчас столько собственных проектов, что порой не знаю, откуда взять два-три лишних часа в сутках.

– А ты ведь звезд гримируешь? – очень вовремя я вспомнил о просьбе Андрея Разумовского найти хорошего гримера для Наташи Минор.

– Да, но и не только. Ты будешь удивлен, но я делаю профессиональный мейк-ап и для простых людей: для свадеб, праздников, выпускных вечеров. Для меня нет особого значения, кто передо мной – суперзвезда или обычный человек, в жизни которого происходит знаковое событие. Разницы не вижу, для меня каждый – megastar. Поэтому и ценник у меня демократичный. Впрочем, с тобой я хотел поговорить совсем о другом.

Почему-то я сразу догадался, о ком пойдет речь.

– Некоторое время я работал в проекте «Битва магов», и там произошла странная история.

– Селена.

Аркадий выдохнул с заметным облегчением:

– Значит, ты знаешь о ней. Признаться, я опасался, что ты не поверишь во все эти эзотерические штучки.

– Ты ее гримировал?

Байтматов как-то странно дернулся – вопрос был явно неприятным.

– Приходилось.

– Тогда расскажи мне о ней. Ты же великолепный психолог, к тому же женский характер интуитивно чувствуешь. Что в ней такого особенного?

– Все, – выдохнул Байтматов. – Она невероятно красива, пластична, зла и одинока. Назови любое определение, и оно подойдет этой женщине. Когда она хочет, влюбляет в себя, когда не хочет, становится незаметной. И, пожалуй, знаешь, что самое печальное? Я никогда не смогу воплотить этот великолепный и противоречивый образ на сцене.

– Почему?

– По разным причинам, – пожал плечами Аркадий. – Отчасти потому, что очень сложно пародировать экстрасенса, если он на самом деле таковым является. Отчасти потому, что Селена обладает весьма специфическим чувством юмора, и, скорее всего, она не поймет, если я воплощу ее образ на сцене.

– Она действительно обладает даром?

– Думаю, да. Она хорошо знает и чувствует людей, умеет ими манипулировать. В ней есть сила. Магия это или нет, не мне решать. Но то, что дар есть, и дар этот мощный, непредсказуемый, не сомневаюсь.

– Ее лицо? Что ты можешь о нем сказать?

Аркадий задумался:

– Я гримировал столько людей, могу нарисовать любое лицо, но здесь я в первые минуты растерялся. Понимаешь, у нее лицо никакое.

– То есть?

– Оно как чистый лист. И она каждый день придумывает новый образ. Сегодня она одна, завтра совсем другая. Познакомившись с Селеной вчера и встретив ее сегодня, ты неожиданно поймешь – это две разные женщины. Завтра она снова будет иной. Эта многогранность сначала интригует, а затем пугает. Так вот, об истории, которую я тебе хотел рассказать. Она произошла в тот день, когда Селена неожиданно ушла из шоу. Представляешь, у человека сумасшедшие рейтинги, его готовы носить на руках, победа в шоу и последующая практика мага практически в руках, а она заявляет: «Надоело. Ухожу. Скучно». Никто не понял, почему она так поступила, но я, кажется, знаю причину.

– Расскажи-ка.

– Селене предоставили отдельную гримерку. Достаточно просторную, надо сказать. Однажды она сидела в кресле, как всегда, перебирала четки. У нее они необычные: из разных камней, крупные, с тяжелой шелковой кистью и серебряными перемычками. Я раскладывал косметику, прикидывая, какой образ создать. И в этот момент Селена попросила меня включить телевизор. Включил, приступил к работе и вдруг почувствовал, как она напряглась. Понимаешь, расслабленные до этого мышцы одеревенели, лицо стало маской. Такой ненависти я никогда не видел.

Если бы могла, она бы убила человека на экране. Ты его знаешь, кстати. Рэм Хог.

– О чем была передача? – быстро переспросил я.

– Обычная нарезка. Скандалы, интриги, расследования. Деньги, женщины, бизнес, тайны. Потом показали дочь Рэма, она такая страшненькая, что мне даже стало жалко девчонку, ни на йоту женственности и шарма.

– И как Селена отреагировала на появление Номы?

– Она смотрела на них так, словно увидела привидение. Рэм рассказывал, как он любит и балует дочь, а пальцы Селены так сильно сжимали четки, что бусины стали крошиться одна за другой.

– Да ладно... – не поверил я.

– Сам видел.

Аркадий, похоже, обиделся, расслышав в моем голосе сомнение, и я примиряюще поднял руки:

– Извини, я прагматик. Ситуация-то необычная.

Байтматов смягчился:

– Согласен. Пока не увидишь, не согласишься. Когда передача закончилась, Селена сняла парик и вышла из примерки.

– Какой парик? – удивился я.

– Забыл тебе сказать. Она носит парики, а ее череп, как, впрочем, и все тело, покрыт татуировками. Череп, кстати, совершенной формы. Парики – еще один элемент мимикрии. Мы как-то с ней разговаривали об этом, и она сказала, что парики позволяют скрыть ее истинное я, а вот татуировки его подчеркивают.

– Интересная женщина, – пробормотал я. Селена все больше интриговала меня. – Тату хоть интересные?

– Какие-то эзотерические символы, руны. Я плохо в них разбираюсь. Но ей они невероятно идут. Словно это единое целое.

Я помолчал, осмысливая.

– Скажи, а в этой передаче случайно не звучала тема Мексики? Источника молодости?

– Была такая тема, – кивнул Байтматов. – Хог даже коротенькое интервью дал по этому поводу. Мол, сколько сразу возможностей для людей откроется. Я еще тогда подумал, что чувак гонит полную туфту: **молодость – она ведь в людях заключена. Пообщался с детьми – помолодел, стал лучше себя чувствовать. Пообщался со счастливыми людьми – снова помолодел, зарядился энергией и радостью.** Знаешь, почему я люблю делать свадебный мэйк-ап? Потому, что у невесты, если она счастлива и любима, особая, солнечная энергетика. Она счастлива – и ты, общаясь с ней, становишься счастливым. А где счастье и радость, где энергия, там и молодость.

– Значит, ты не поверил в источник вечной молодости?

– Очередной миф для развода на бабки. Но если их у человека много и ему стало скучно, почему бы и нет? Мексика не хуже любой другой страны. Приключения на собственную пятую точку там найти можно.

– Ну а Селена? Как она отреагировала? Поверила?

– По ее лицу не поймешь. Но когда она уходила, сказала: «Есть люди, которые не представляют, что носят в себе ад. И есть люди, чья миссия этот ад выпустить наружу».

– Слушай, мне-то ты зачем все это рассказываешь? – странно, что эта мысль не пришла мне в голову раньше.

– Она попросила, – просто ответил Байтматов. – Сказала, что и месяца не пройдет, как мы с тобой встретимся. Я тогда еще удивился: мы с тобой не так близко знакомы, и о встрече договоренности не было. Но, как выясняется, она была права. Нежданов, ты с ней осторожнее, пожалуйста, Селена очень страшный человек.

«Да ладно», – подумал я, но вслух почему-то это произнести не рискнул, словно мать Номи была где-то рядом и могла меня слышать.

* * *

Мы расстались с Аркадием лучшими друзьями. При нем я позвонил Разумовскому и рекомендовал талантливого парня. Уходя, я обернулся: Аркадий задумчиво изучал свое плотное расписание и наверняка думал о том, как бы найти в сутках уже четвертый лишний час.

Я вышел из Останкино. Московская осень совсем другая, чем питерская. Ярче, мягче, нежнее. Я вдохнул свежий воздух и подумал, что вечер, возможно, сложится не так уж плохо. По очереди набрал номера Номи и Рэма и услышал, что оба абонента вне зоны досягаемости. Означает ли это, что на сегодня я свободен?

Как же я устал от этой истории! Наверное, те же чувства неоднократно посещали Индиану Джонса или, скажем, Джеймса Бонда. Спасать мир, доложу я вам, сложная работенка. Но поиск артефактов, пожалуй, будет посложнее. К тому же всегда есть риск обнаружить, что никакого

артефакта нет. Ну, приедем мы в Мексику, пройдемся по джунглям, заберемся на пирамиды, рискуя быть искусанными змеями и насекомыми, положим, обнаружим какой-нибудь ручеек, обмакнем пяточки – и что? Обречем вечную молодость? Ага, конечно!

И все же в глубине души теплилось чувство, что череда всех этих событий далеко не случайна, и все, что происходит сейчас, необходимо, чтобы идти дальше. На экране телефона высветился еще один знакомый номер. **Оля Бубненко**.

– Сашка, ты ведь в Москве?

– Откуда знаешь?

– Да уже московское сарафанное радио трезвонит: Нежданов вернулся. Тебя ждали.

Что ж, приятно, не буду скрывать. Я бежал из Москвы, обрывая все нити, но оказывается, что обрывал их только я.

– Приезжай сегодня в «Крышу мира». Сможешь?

– Что там сегодня?

– Мои ребята выступают. Будет удивительный концерт и очень хорошая компания. Отдохнешь, оторвешься. Так как?

– Скоро буду, – пообещал я, предвкушая прекрасный вечер.

С Олей Бубненко мы познакомились при весьма любопытных обстоятельствах. Ко мне приехали друзья из Америки и попросили устроить экскурсию по Петербургу и пригородам. Гидом оказалась Оля. Такая домашняя девочка, в жизни которой все было расписано от и до: школа, кружки, факультативные занятия, игра на фортепиано, балльные танцы, конкурсы с призами, потом учеба в Высшей административной школе на переводческом факультете,

курсы «Гида-переводчика по СПб и его пригородам». К тому времени, когда мы повстречались, Оля уже несколько лет работала гидом и, похоже, ей все нравилось. Вот только глаза были какие-то очень уж грустные, потухшие.

Когда довольные иностранцы после увлекательного марш-броска по Питеру и его окрестностям отправились отдыхать в отель, мы с Олей присели в кафе и разговорились.

– Мне все нравится, – в который раз повторила Ольга, словно пыталась убедить себя саму. – Работа интересная, каждый день не похож на другой. Я расширила свои познания о городе, приобрела навыки живого английского. Стала лучше понимать людей, так как работать приходится с разными возрастными, национальными, социальными группами. Все хорошо, но...

– Но тебе скучно, – закончил я мысль за нее. – У тебя ощущение, что жизнь проходит мимо.

– Откуда ты знаешь?

– Это ощущение возникает у всех, кто живет не своей жизнью. Может, тебе стоит попробовать что-то новое?

– И что же? – в ее глазах мелькнули чертенята.

– А поехали в Белград!

– Куда?!

Так я сбил Олю Бубненкову с ее спокойного, но, как стало понятно дальше, ложного пути. Мы плюнули на все и поехали в Сербию, на конкурс «EUROSONG». Удивительно, но до этого Оля ни разу не выезжала из России. Тогда она приняла пусть и спонтанное, но правильное решение. Ведь такая поездка давала возможность окунуться в совершенно неизвестный для нее мир шоу-биза. Возможность

познакомиться с артистами и увидеть этот масштабный мировой конкурс изнутри – еще то искушение. И признаюсь, что я почти ее не уговаривал. Просто для нее пришло время круто изменить жизнь, только и всего. В общем, в тот год все карты легли на удивление удачно. Поездка была настолько яркой, увлекательной, познавательной и неординарной, что просто заставила Ольгу пересмотреть ее планы на профессию. Я помню, с каким восторгом Оля открыла для себя этот новый мир. Все совпало: и первая поездка в Европу, и новые люди, и дружеская обстановка, а также объединяющий дух патриотизма и гордости за свою страну, который обостряется в высшей степени во время международных конкурсов. Как раз в тот год Дима Вилан выиграл конкурс. И на следующий год мы с Олей уже были на московском «EUROSONG». Думаю, именно тогда Оля и поняла, что профессия гида-переводчика не для нее: ей был интересен мир шоу-бизнеса, причем не только со стороны зрителя, но и с внутренней – рабочей его стороны. Ей было безумно интересно наблюдать не только за готовым продуктом – артистом и его песнями, но и всем процессом, обеспечивающим существование и популярность артиста. Захотелось вариться в этой каше, быть напрямую вовлеченной в эту жизнь. Именно тогда, на московском «EUROSONG», на одной из сумасшедших веселых вечеринок Оля познакомилась с ребятами из группы «StereoСны». Это знакомство, как потом выяснилось, стало судьбоносным.

После «EUROSONG» Оля уехала в Питер, и почти сразу же от «StereoСны» последовало предложение заниматься продвижением группы в Петербурге. Кто бы отказался? Оля

не только загорелась этой идеей, но и с головой ушла в ее воплощение. Однако очень скоро ее ждало разочарование, так как практически сразу она столкнулась с одним неприятным фактом: в Питере традиционно слушают рок, и организовать выступление и сделать интервью в местной прессе поп-группе крайне сложно, а на этапе только набирающего популярности проекта – практически невозможно.

У нее получалось намного быстрее организовывать ребятам выступления в Москве (даже дистанционно это было сделать куда проще, чем в Питере), и однажды, приехав в Москву на клубный концерт (организованный ею же), Оля окончательно поняла, что развитие в данной области возможно лишь в столице.

Я разговаривал с разными людьми, которые уже в сознательном возрасте меняли города, а то и страны. Это очень непростое решение: оставить привычную, устроенную и спокойную жизнь и фактически начать все сначала, с чистого листа. Я сам это испытал и могу сказать, что это страшно, но одновременно очень интересно.

Оля тоже решилась. Первое время было сложно, так как сразу возникла масса бытовых проблем, требующих неотложного решения: поиск жилья, его оплата, поиск работы (причем найти работу пиарщика без опыта и соответствующего образования было нереально, так что пришлось искать работу, в которой у нее хотя бы был опыт). Все эти вопросы отнимали кучу времени и сил, свободного времени совсем не было. Казалось, можно было опустить руки и отчаяться. Оля совсем было потерялась в ворохе

постоянно сменяемых работ (сложно работать, если твой каждодневный труд не приносит тебе истинного удовольствия, поэтому она все время пыталась найти что-то новое, более приближенное к сфере ее интересов), этот поиск изматывал и одновременно убивал уверенность в себе.

В самые тяжелые времена на помощь приходят друзья. Ольге помог ее очень хороший друг Денис Ухов, в то время работавший на Love Radio. Он стал приглашать девушку на различные мероприятия, чтобы она знакомилась с нужными людьми, завязывала какие-то связи и контакты, необходимые в каждой работе, а уж в мире шоу-биза особенно. Вместе с Денисом Оля самостоятельно осваивала азы пиара. Это дало свои плоды, так как сейчас Денис Ухов уже работает пиар-менеджером самого известного российского битбоксера Вахтанга.

А Оле в московской сутолоке и борьбе за выживание не дали потеряться ребята из группы «StereoСны», предложившие работать с ними в качестве их пиар-менеджера на постоянной основе. Она, ни минуты не раздумывая, согласилась и, насколько я знаю, еще ни разу не пожалела о своем решении, так как это было именно то, чего она хотела от жизни. А когда получаешь, то, что хочешь, становится интересно жить.

Концерт в «Крыше мира» – еще один шаг к развитию группы. Место понтовое, необычное, с хорошей энергетикой. Есть такие места, которые притягивают исключительно хороших людей. Я подумал, что концерт на крыше, на фоне остывающего осеннего московского неба – отличное

завершение вечера. Вот только куда подевалась Номи? Ее телефон до сих пор не отвечал.

* * *

Я очнулась довольно быстро. То ли снотворное было так себе, то ли адреналин в крови зашкаливал. Глаза не открыла, лежала и прислушивалась. В машине, кроме меня двое. Водитель и женщина на переднем сиденье. Мысли первого считывались легко и просто, словно буквы в букваре. По этим ровным строчкам я поняла, что мы в Москве и направляемся к «Крыше мира». Только потом догадалась, что это клуб такой. Стало чуть легче: не к праотцам везут. Водитель нервничал и ненавидел женщину, сидевшую рядом с ним. И еще он ее панически боялся. От него исходил липкий и вонючий страх. Почему он так боится?

Я попыталась услышать незнакомку – пустота.

– Перестань меня сканировать, – мягко сказала она. – Силенки не те. Пришла в себя, ладно. Хватит дурочку валять.

Я медленно села. Хотелось пить. Женщина, не оборачиваясь, протянула бутылку с водой. Мелькнули серебряные змеи колец.

– Держи.

От движения черный капюшон черного пальто сполз, и я увидела гладкий череп с затейливым узором татуировок.

– Нравится? – спокойно спросила она, когда я вернула бутылку. – Сумеешь прочитать?

Я откашлялась, в горле все еще першило:

– Это две фразы. Первая: «Когда видишь, что гремучая змея готовится к удару, бей первым». Вторая: «У души не

будет радуги, если в глазах не было слез».

– Хм... Кто бы мог подумать, что из младенца-урода получится такое, – задумчиво сказала женщина. – Меня зовут Селена.

– Это не настоящее имя.

Она рассмеялась:

– Конечно. Так же, как и твое, Номи. Но разве это так важно, кого и как зовут? **Правда – это то, во что верят люди. Только и всего.**

Я поймала взгляд Селены в зеркале. Глаза черные и холодные, словно два отполированных шунгита.

– Я тебе не нравлюсь?

– Для двух минут знакомства рановато делать такие выводы.

– Ошибаешься, Номи. **Обычному человеку достаточно минуты, чтобы понять свое отношение к человеку.** С твоим талантом ты это можешь сделать за пару секунд. Я не нравлюсь тебе.

– С чего вы взяли?

– Никогда не ври мне, так будет проще для нас обеих, – она сказала это спокойно, но в голосе прозвучал приказ.

– Вы мне не нравитесь. Так лучше?

– Вполне.

Несколько минут мы ехали в молчании, стекла у машины были тонированными, и очертания московских улиц казались фантомами. Я молчала, и пауза тянулась и тянулась, словно толстая неподатливая резиновая лента. Пока не ударила.

– Нам нужно с тобой кое о чем договориться, Номи, – сказала Селена. – Отныне ты должна следовать определенным правилам. Эти правила устанавливаю я, ты же мне подчиняешься.

– С какой стати? – мой голос звучал равнодушно, я откинулась на спинку сиденья и прикрыла глаза.

– Хотя бы потому, что твоя жизнь находится в моих руках.

– И что вы сделаете? Убьете меня, если я откажусь вам подчиняться?

Я почувствовала усмешку в голосе Селены:

– Зачем же так радикально? Ты мне нужна. И в моих интересах, чтобы ты была жива и здорова. Так что лично тебе я не причиню ни малейшего вреда. А вот твоим близким...

– У меня их нет.

– Насчет твоего отца согласна – сволочь исключительная. Но вот что касается Нежданова...

– А ему что вы сделаете?

Машина резко дернулась, завизжали тормоза, мы остановились посреди проспекта, едва не врезавшись в иномарку, едущую впереди. Водитель сзади чудом затормозил.

Наш водитель сидел, схватившись за голову, и кричал. От этого крика мне стало плохо.

– Пожалуйста, госпожа! Только не это! Пожалуйста!

– РАССКАЖИ. ЕЙ. ЧТО. ТЫ. СЕЙЧАС. ЧУВСТВУЕШЬ.

– Боль! Адскую боль! Они рвут меня на части! Они грызут мне лицо!

– КТО. ГРЫЗЕТ. ТЕБЕ. ЛИЦО?

– Крысы!

Из носа и ушей водителя хлынула кровь.

Я слышала, как ему больно и страшно, я видела все, что он испытывает.

– Прекратите! Я поняла!

И все прекратилось. Машина снова плавно лавировала в транспортном потоке, водитель уверенно держал руль и смотрел прямо перед собой. Ни единого пятнышка крови.

– Видишь ли, Номи, Костик очень боится крыс. И когда он ведет себя не так, как мне нужно, я делаю его страхи реальными, а вместо снов насылаю ночные кошмары. То же самое будет с Неждановым.

– Вы наслете на него крыс?

– Я узнаю его страхи и воплощу их в жизнь. Какими они будут, для меня лично не имеет значения. А для тебя? Молчишь, значит, можно считать, что мы договорились. Отныне ты в моем подчинении и будешь делать то, что я скажу.

– Зачем вам это?

Машина остановилась возле клуба, и Селена повернулась ко мне. Наверное, она была даже красива, только красота эта была ускользающей, словно круги на воде.

– О, это очень долгая история. Сейчас не время ее рассказывать.

– От вас пахнет злом.

– Меткое определение. Великий Дух несовершенен. У него есть светлая сторона и темная. Иногда темная сторона дает нам больше знаний, чем светлая.

– Я не понимаю.

– Для того, чтоб понять про себя, пообщайся с камнем в горах...

– Вы всегда разговариваете на уровне статусов Вконтакте?

Кажется, я ее все-таки разозлила. Наверное, Селена ударила бы меня, но мешала спинка кресла.

– Не всегда, – ответила она сдержанно. – Я сейчас выйду, ты останешься в машине. Не пытайся выйти – дверь заблокирована. Если попытаешься позвать на помощь или привлечь внимание, я это увижу, и тогда Костик сделает тебе больно. Очень больно. Ты меня поняла?

– Яснее некуда. Может, музыку включите? А то скучно сидеть.

– Без музыки обойдешься, – отрезала Селена, набросила капюшон и вышла из машины.

Фалды пальто взметнулись на ветру, как черные крылья. Двери захлопнулись. Похоже, у этой дамочки нет проблем с фэйс-контролем.

Водитель сидел неподвижно, сжав руль. Костяшки побелели от напряжения.

– Костя, хотите поговорить?

Молчание.

– Вы глухой? Немой? Эй!!!

Я протянула руку к двери, и тогда он медленно повернулся. Зомби. Лицо белое-белое.

– Не надо так делать, – просипел он. – Она сделает больно.

– Я не боюсь боли, – неуверенно ответила я.

– Ты не поняла. Она сделает больно мне. Снова. А я больше не могу. Пожалуйста.

И столько в этом «пожалуйста» было страдания, что я утомонилась.

Для того, чтоб услышать себя, нужны молчаливые дни.

Странно, что она не почувствовала, что я все поняла. Или это часть проверки – признаюсь или нет. Я тысячу раз думала о том, как могла бы выглядеть моя мать, но даже в самых смелых фантазиях не могла представить, что мама будет такой. Говорят, что **брошенные дети все равно любят своих родителей, идеализируют их, мечтают о встрече**. Наверное, я исключение. Я не умею любить тех, кому я не нужна. Глупо, правда? Не получается. Думаю, что и моя мать – такая же. Это у меня от нее. И от отца. Интересно, как сложились звезды, чтобы два одиноких, не любящих человека встретили и зачали никому не нужное существо.

И все же я всегда хотела увидеть свою мать. Чисто из любопытства. В какой-то момент я придумала замечательную историю с хэппи-эндом о том, что женщина, покинувшая столичный роддом восемнадцать лет назад, потом удачно вышла замуж за хорошего парня. Они взяли в ипотеку квартиру, потом купили в кредит машину, родили трех симпатичных ребятишек и живут счастливо и дружно. Правда, он иногда ходит налево, а она украдкой пьет винцо на кухне, когда никто не видит, и мечтает побывать на Багамах, но в целом у них все отлично, просто супер. Все оказалось иначе.

Круто! У нас семейка монстров, и я под стать своим родителям. Так смешно, что плакать хочется.

В мотивах мамочки я ни на йоту не сомневалась. Достаточно прочитать две индейские фразы у нее на затылке

и услышать парочку отнюдь не избитых индейских афоризмов, чтобы понять: наша семейка сдвинулась на Долине тысячи снов. Впрочем, мамаша круче Рэма. Что-что, а мороки она действительно умеет насылать. Не от нее ли мне достался этот дар – совершенный слух?

Если мои предположения верны, то следуют два вывода. Селене, как и Рэму нужен ключ. И этот ключ – я. Значит, Рэм будет меня искать. Уже хорошо. Однако из этого же умозаключения следует и другой вывод: так просто мать меня не отпустит. А вот это уже плохо.

Что же делать? Как выбраться? Пальцы нащупали папку, лежавшую на сиденье рядом. От скуки я ее открыла. Фотографии Рэма. Мои. Расшифровки отцовских интервью, касающиеся Долины тысячи снов. Справка о Долине. Фотографии Нежданова. Похоже, она за нами следила.

Я прижалась к оконному стеклу – и тут увидела Нежданова.

И закричала:

– Сашк-а-а-а!

* * *

Когда я подходил к «Крыше мира», в груди появился неприятный холодок. Хорошо знаю это чувство: оно возникает, когда что-то идет не так. У входа в клуб замедлил шаг и огляделся. Обычный московский вечер: парочки, компании, офисный планктон. Все жаждут радости, веселья и отдыха.

Черт! Браслет на руке раскалился так, что я поморщился от боли. Ничего не случится, если я его сниму на пару часов.

Сунул браслет в карман и скользнул взглядом по ближайшей машине. Терпеть не могу тонированные стекла. Еще раз набрал номер Номи. Абонент вне зоны действия сети. Напомни, Номи, отшлепать тебя, когда мы встретимся.

– Не может быть! Сам Нежданов изволил пожаловать! – ко мне подошел мой друг **Миша Вишняков**. – Похоже, здесь собралась хорошая компания.

Я взглянул на свои пыльные ботинки и порядком потрепанные джинсы. В присутствии Вишнякова всегда нервничаю из-за своего внешнего вида. Ума не приложу, как Мише удастся так классно выглядеть. Наверное, он мой антипод: если я могу выбежать из дома, не причесавшись и вытащив из шкафа первую попавшуюся вещь, **то Вишняков выглядит всегда сногшибательно. Стрижка, одежда, продуманный и гармоничный образ – всегда к месту, всегда со вкусом**. С него надо брать пример. Когда в Москву приезжала Леди Гага, то она сфотографировалась только с ним, выбрав из толпы поклонников. Можно, конечно, иронизировать: рыбак рыбака видит издалека, но тут, признаюсь, во мне говорит банальное чувство зависти: я мечтал сфотографироваться с Леди Гагой, но, увы, она предпочла Вишнякова.

– Ты кого-то ждешь? – помимо всего, Миша еще очень тактичен и деликатен. – Если я мешаю, то встретимся внутри.

– Да нет... Показалось, что кто-то звал – пробормотал я.

– Нежданов, у тебя мания величия! – пошутил Миша. – Это толпы поклонниц из-за угла. Не поддавайся на провокации.

Я кисло улыбнулся, и мы вошли в «Крышу мира».

Ольга уже нас встречала:

– Хорошо, что пришли. Концерт сейчас начнется. Надеюсь, вам все понравится, и вы поймете, какими классными могут быть «StereoСны». Кстати, у ребят новая программа и новый альбом.

Я дернулся на слове «сны», и Оля это заметила.

– Что-то не так, Саша?

– Нет, что ты, – через силу ответил я. – Все нормально. Просто устал. Сейчас выпью что-нибудь, и через полчаса буду первым кричать «браво!».

Оля обеспокоенно коснулась моего плеча и отошла к другим гостям.

Ватной рукой я взял бокал с вином и рухнул на первый же диванчик. Что со мной? Виски налились свинцом, и стало невозможно дышать. Сердце колотилось, как бешеное.словно на шаманском барабане, оно гулко и четко отбивало удары, и каждый удар отдавался невероятной болью в теле. Заболел? Отравился? Через силу я сделал глоток вина, и мне показалось, что пью уксус. Как больно! Из глубины зала на меня надвигались черные тени. Позади них была женская фигура в черном пальто, лицо скрыто капюшоном. Резким движением она откинула капюшон, и я увидел самое безумное и ужасное лицо из всех, которые когда-либо встречал. Ярко-красные губы приоткрылись, обнажив белые острые клыки.

Женщина поманила меня рукой, и в тот же момент во мне взорвались мириады болей и ужасов. Я понял, что спасение в ней, этой черной женщине, насылающей темные и безумные

сны. И нужно идти к ней, прямо сейчас, признать ее силу, и тогда боль отступит, и все станет как раньше. Но вместо этого каким-то невероятным усилием воли я достал браслет, подаренный Дэбом, и надел его снова.

Боль отступила. Ушли тени и мороки. И только женщина в черном пальто растерянно озиралась, словно тот, кто был нужен, внезапно исчез. Женщина приблизилась к дивану и повела тонкими ноздрями. Селена. Я понял, что вижу именно ее. Она стояла рядом со мной и принюхивалась, край ее пальто касался моего колена. Она недоуменно посмотрела мне прямо в глаза и ушла.

Я снова сделал глоток. Вино как вино. Руки так тряслись, что от греха подальше я отставил бокал в сторону. Вот и не верь после всего в магию и эзотерику. Значит, список, который мне передала Лихова, ловушка, и я чуть было в нее не угодил. Что же хотела от меня Селена?

Я вышел на крышу и вдохнул свежий прохладный воздух. Концерт группы «StereoСны» уже начался: я видел знакомые лица друзей и приятелей, которые получали удовольствие от музыки, но сам никак не мог сосредоточиться. В голове звенела тревога: «Номи, Номи, Номи».

Ведь если Селена нашла меня, значит, она могла найти и Номи!

* * *

Она вышла из клуба так зло и стремительно, что я сразу поняла: не получилось. Нежданов каким-то образом от нее ускользнул. Стало легче.

– Поехали, – отрывисто сказала Селена, и машина рванула с места.

Они привезли меня в маленький отель. Таких много в Москве: минимум удобств, минимум вопросов и минимум посторонних. Пять номеров на последнем этаже. Несколько человек, как я поняла, верных псов. Молчаливых и страшных.

– Девчонку в дальнюю комнату. Дать ужин. Приставить охрану. Никуда не выпускать, – скомандовала Селена.

Я не протестовала. Такой расклад более, чем устраивал. Во-первых, я устала. Во-вторых, хотелось подумать. Думается мне лучше всего в одиночестве.

Номер оказался крошечным, но очень уютным. Я легла на кровать и в ожидании ужина стала изучать бегущие тени на потолке. Вот пробежал заяц, за ним лиса, за лисой волк. Этому нехитрому трюку я научилась еще в детдоме: если плохо, придумывай сказки. И пусть эта сказка будет без начала и без конца. Просто сказка о том, что происходит здесь и сейчас.

Жил-был король. И была у него дочь, принцесса Номи...

Дверь бесшумно отворилась, и на пороге появился поднос с едой. Подумав, что второй раз за день меня усыплять не будут, я села на пол и принялась уминать еду. Скучно. Телевизора нет. Книг нет. Компьютера нет. Телефон отобрали.

Я облизывала пальцы, когда в номер вошла Селена. Застав меня за этим занятием, досадливо поморщилась. В ответ я злорадно ухмыльнулась: «Терпи, мамочка, у меня плохие манеры, чай, не в Смольном институте воспитывалась».

Впрочем, ссориться со мной в планы Селены явно не входило.

– Ты поужинала? Было вкусно? Ты сыта? Нам надо поговорить, детка.

Детка? Кажется, Селена решила сменить тактику.

– Валяйте.

Я демонстративно вытерла жирные руки о кресло, оставив отвратительные пятна, и снова улеглась на кровать. Когда я не хочу быть хорошей, я становлюсь невыносимой.

– Я хочу рассказать тебе одну историю, – начала Селена, и ее голос театрально дрогнул. – Ты уже большая девочка, ты поймешь. Ты должна понять. Жизнь очень сложная, и не всегда в ней складывается так, как хочется.

Я тупо смотрела в потолок, пока она слово за словом рассказывала пошлую историю о юной деве, попавшей в руки коварного совратителя, о том, как юная дева забеременела, как совратитель бросил ее, оставив без ночлега, денег и перспектив, и она была вынуждена оставить новорожденную дочь.

Селена умело подводила меня к развязке в духе индийского кино.

– И это была ты, моя девочка! Моя крошка! Как же я искала тебя все эти годы! Знаешь, как говорили древние: **«Когда ты родился, ты плакал, но мир улыбался. Проживи жизнь так, чтобы умирая, ты улыбался, а мир плакал».**

Ну, вот эту философскую хрень она зачем сюда приплела? Миру глубоко плевать на то, буду я плакать, будучи при смерти, или нет. Как Впрочем, и моим родителям. Что за

идиотская привычка вешать на мир все наши ожидания и проблемы?!

Я продолжала смотреть в потолок и думала, как поступить. Броситься в ее распахнутые объятия? Поплакать на плече? Сделать вид, что невероятно счастлива? И тут я вспомнила крик водителя Кости и его мучения. Я не могла заставить себя прикоснуться к ней, понимаете? Не могла, и все тут.

В конечном итоге я сделала вид, что в шоке, что плачу, и стремглав рванула в ванную. Дескать, милой шокированной крошке нужно побыть одной. Все-таки не каждый день брошенные дети обретают родителей.

Селена осталась довольной мизансценой. Поскреблась в дверь, сказала, что прекрасно понимает мои чувства, и что обо всем мы поговорим завтра.

Завтра так завтра. Не вопрос.

Только сегодня ночью мне нужно сбежать.

Шум воды.

Кто-то сказал, что **лучшие решения принимаются в воде. Вода смывает грязь и расслабляет.** Я наполнила горячую ванну, добавила пены и уселась, обняв острые коленки. На правой красовался синяк.

Я не хочу жить в этом мире. Он неправильный. Злой и больной. В нем очень мало хороших людей, но много жадных и завистливых. Нежданов называет их люди-треш. Здесь каждый сам за себя. Но на самом деле это всего лишь видимость. Здесь каждый против всех, в том числе и против себя.

А я хочу, чтобы было «UBUNTU». Смешное слово, да? Я о нем прочитала на каком-то форуме. Это слово означает **«я есть потому, что мы есть»**. Однажды в одно африканское племя приехал антрополог. Племя встретило его приветливо и радушно. Прошло несколько дней, и как-то утром антрополог предложил детям игру. Он поставил возле дерева корзину, полную фруктов, и сказал: кто первым добежит туда, выиграет приз. Когда он объявил старт, дети взялись за руки и побежали вместе. Вместе они пробежали до корзины. Вместе уселись возле корзины и устроили совместный пир. Когда антрополог спросил, почему они бежали именно так, ведь один мог получить сразу все фрукты, дети повернули к нему мордахи, измазанные сладким соком, и ответили: **«UBUNTU! Как может радоваться один в то время, когда все остальные грустят?»** **Люди разучились радоваться за других, но также они не умеют найти радость и в своих буднях. Люди придумывают праздники, чтобы заполнить пустоты и найти оправдание собственной никчемности.**

В Долине тысячи снов находится источник вечной молодости. Веками люди искали его, не подозревая, что более ценное – сама Долина – находится далее. Я не знаю, так ли это, но, согласно мифам, в этой долине порхают тысячи бабочек. И одна из них обязательно твоя. Нужно только протянуть руку и пожелать правильно, и если ты хороший человек, если желание хорошее, твоя бабочка сядет тебе на ладонь. **Хороший человек видит хорошие знаки – так говорили индейцы.** Я хочу, чтобы в нашей стране, в

нашем безумном, больном мире было «UBUNTU». Может, тогда мы обречем шанс на спасение?

За Долиной, говорят, и есть Эльдorado. Рай, сохраненный богами для тех, кто хочет жить в мире и согласии. Я думаю, что именно там моя семья, и именно там моя родина. Родина – это там, где тебе хорошо. Здесь мне плохо. Можно иметь много денег, пятьдесят килограммов золотых и платиновых цацок, огромное шубохранилище, тысячу пар туфель, можно, наконец, построить замок, возвести многометровый забор и тем самым удовлетворить свои имперские амбиции. И однажды все это потерять. **Вещи дают лишь сиюминутное удовольствие, а потом, подобно царю Мидаса, все превратится в золото, и ты сдохнешь на золотой постели от голода, холода и одиночества.**

Я больше не хочу, чтобы меня бросали. И я не хочу, чтобы меня использовали.

Я не заметила, как вода в ванне остыла, и пришла в себя от холода. Лязгая зубами, завернулась в полотенце, и тут я услышала, что за дверью кто-то разговаривает.

– Я соскучился, – сказал мужчина, и я вздрогнула, услышав этот голос. Он был мне очень хорошо знаком.

– С ума сошел! – прошипела Селена. – Она тебя увидит.

– Пусть смотрит. Жалко, что ли? Ты и так слишком долго с ней возишься, любовь моя. Пора бы и остановиться. Она больше не нужна. Дело сделано. Рэм у нас в руках.

– Не забывай, что она моя дочь.

– Дорогая, этот факт меня волнует меньше всего, впрочем, как и тебя.

– Тебе ее совсем не жаль?

– Нет. Ты же знаешь, что все это было только по твоей просьбе и ради тебя. И я рад, что все, наконец, закончилось. Может, хватит караулить ее у двери? Пошли в номер. Я хочу тебя.

Через минуту за дверью стало тихо. Ушли. Селена была явно слишком увлечена, чтобы почувствовать мой страх.

Меня била крупная дрожь. К горлу поднялся комок тошноты.

Как же так?

В качестве демонстрации доброй воли («Ведь теперь мы друзья, Номи, детка?») на кровати лежал мой рюкзачок. Я ни на йоту не сомневалась, что перед тем, как мне его вернуть, рюкзачок обыскали. Но не очень тщательно. Азы сыска. **Если ты хочешь что-то скрыть, положи на самое видное место.** В книжке «Маленький принц» за обшлагом толстой кожаной обложки лежал загранпаспорт. В тубусе с конфетами на самом дне – туго свернутая пачка евро. И мое самое главное достояние – золотая карточка VISA со счетом в немецком банке – была тут же, вставленная в грязный чехольчик и обмотанная наушниками.

Конечно, я лишилась телефона и планшета, но когда техника была проблемой, если у тебя есть деньги?

Я быстро оделась и высушила волосы.

Теперь нужно придумать, как отсюда сбежать.

* * *

Оказывается, и Рэма можно напугать. Он орал в трубку, но я слышал панику и страх:

– Нежданов, она исчезла, понимаешь? Исчезла! Найди ее!

Сколько миллионов живут в Москве? И он хочет, чтобы я совершил подвиг и нашел маленькую девочку, которую, на минуточку, папаша сам бросил в незнакомом городе. ПрелЭстно, как говорил один мультперсонаж.

Watchman говорит: **если не можешь успокоиться и сосредоточиться, нужно просто дышать. Вдох-выдох, вдох-выдох. Правильное дыхание успокаивает.**

Наверное, смотрелся я очень забавно. Но способ, подсказанный в сети, реально помог. Я успокоился и задумался: кто может сказать, как поведет себя обычная девчонка, оказавшаяся одна в незнакомом городе? Ответ: другая девчонка, у которой есть реальный опыт выживания даже в самых экстремальных условиях.

Решение пришло само: мне нужен Хипстер-випстер.

Мне нужна девушка со стильной стрижкой средней длины и с челкой, падающей на глаза, которая:

- любит марки Guess, Armani, Tommy Hilfiger, Lacoste, Diesel;

- низкие джинсы и яркие брюки, дорогие рубашки, веселые футболки;

- обожает кожаные куртки и яркие веселые часы;

- носит аккуратные кеды, сапоги на плоской подошве;

- улыбается много и часто, а потом принимает задумчивый вид;

- много разговаривает;

- курит ментоловые сигареты,

- пьет виски с 3 кубиками льда, темный ром с 2 кубиками льда, а из коктейлей –только кайпиринью.

Короче, мне нужна **Нана Куликова**.

Мы познакомились на Одноклассниках, одновременно я читал ЖЖ Наны, и мне нравился великолепный раскованный авторский стиль. А еще я очень люблю людей, которые не боятся стартапов, которые могут рискнуть временем, силами, здоровьем, отношениями, но в итоге победить – сделать что-то принципиально новое, долгоиграющее и интересное. Последнее детище Наны «SMM, PR & Digital агентство **BOSOTU**» совершенно фантастическое. Она способна из любого человека сделать мегаинтересную персону, которую все будут обсуждать. Причем не на уровне банальных и избитых уже пиар-приемов, которыми никого не обманешь, а с использованием инновационных, креативных и максимально эффективных технологий.

Я набрал номер Наны, и после первых двух гудков услышал жизнерадостный голос. И вот это я тоже в ней люблю: она всегда невероятно энергична и полна позитива. И еще Нана никогда ничему не удивляется: она принимает поток событий как само собой разумеющееся. Вот и моему звонку она ничуть не удивилась, хотя мы с ней не виделись больше года.

– Мы в караоке, – сказала она, словно мы с утра договаривались о встрече, и назвала адрес. – Подъезжай, ждем.

Я приехал и увидел все агентство «BOSOTU» в сборе. Нану, ее партнера по бизнесу – Никиту Волика. На сцене пела **Полина Леви**, эксперт по маркетинговым коммуникациям «BOSOTU». Голос у нее оказался невероятно красивый.

– У вас все сотрудники такие талантливые? – спросил я, плюхнувшись рядом с Наной.

– Все, – улыбнулась она, салютовав бокалом с виски.

– Похоже, для вас вообще нет ничего невозможного? Если вспомнить первую полосу «Коммерсанта», до сих пор не знаю, как тебе удалось организовать это интервью... Никто не смог, а у тебя получилось.

Нана хмыкнула:

– Ты прав, Нежданов, для «BOSOTU» нет ничего невозможного. Мы монстры! Мы создаем звезд и делаем конкурентов. Мы можем все, как мне кажется, судя по рынку. Мы помогаем успешно продавать через интернет, подавать информацию в нужном ключе в интернете и в СМИ, нивелировать негатив в сети, придумывать и реализовывать классные креативные кампании в интернете, мы составляем стратегии и аналитику, оказываем услуги по мониторингу, можем все, что угодно, продвинуть и вывести в топ где угодно (будь то Twitter, ЖЖ, Facebook, Вконтакте и т.д.), мы помогаем брендам набрать лояльную аудиторию и использовать это в дальнейшем в правильном русле. Наши клиенты из разных областей: FMCG, b2b, политики, малый и средний бизнес, крупные международные компании, фармацевтика, автомобили, luxury сегмент и многое другое. И это очень здорово: ты все время погружаешься в мир и желания своих клиентов, а, значит, в их компании, значит, во что-то новое. Это как будто одновременно работать на нескольких работах сразу в разных областях, которые тебе интересны. И это в кайф. Я считаю, что работа должна быть в кайф. Тогда у тебя всегда хорошее настроение и все

получается. Да, могут быть сложности, но это все равно кайф. Тот, кому нравится его работа, – действительно счастливый человек.

– А почему «BOSOTU», все хотел тебя спросить? Откуда название?

– Когда-то, еще работая в Одноклассниках, я уехала в Питер делать эвент, в поезде смотрела мультфильм «Губка Боб». Там мелькнул такой герой – БОльшой СОчный ТУнец. И с тех пор я так про себя называла реально «монстров рекламного рынка». И когда создавала агентство, решила: пусть оно тоже будет таким! У нас и в символике рыбка, и это как раз тунец.

Нана отвлеклась на звонок. Короткий четкий разговор с клиентом.

– Извини. Даже на отдыхе – работа.

– Слушай, а как это у тебя получается?

– Получается – что?

– Понимаешь, наше поколение очень инертное, я бы даже сказал, инфантильное. Привыкли, что всегда есть мамы-папы, которые помогут, а когда сталкиваются с первыми трудностями, сразу лапки поджимают. И сразу «нет» говорят, даже не попробовав переломить ситуацию. А ты никогда не говоришь: «Это невозможно, давайте забудем», ты не боишься сложных задач, тебя они совершенно не пугают, ты ищешь интересные, нестандартные решения и, как результат, всегда оказываешься в выигрыше. Те же, кто говорят «это невозможно», проигрывают. Вот мне интересно, откуда у тебя такое понимание жизни?

Нана задумалась.

– Думаю, что это заслуга родителей и моих бабушки с дедушкой. Мой брат Никита старше меня на два года, мы всегда были очень дружны, и мне сейчас жаль, что мы проводим много времени вдалеке друг от друга, но так получается: взрослые люди со своими делами и заботами. Очень его люблю и знаю, что он всегда поддержит, как и я его. В общем, нам друг с другом повезло. И детство у нас было отличное. Модно одевшись, пили дома кока-колу из стеклянных бутылочек с соломинками, воображая, что мы в баре. Для большей схожести мама создавала импровизированную барную стойку. Резались в атари (это такая приставка, которая была предшественником денди), а после и в денди, и в сегу, и в нинтендо. Слушали рэп и европоп (за хороший вкус спасибо родителям – ABBA, Boney M, Madonna, Cher, Jackson). Ежегодно по два-три месяца проводили на море – Кипр, Ливан. По приглашениям, а это было тогда непросто. Дело в том, что мои бабушка и дедушка работали и жили в Ливане. Они у меня волшебные – абсолютные противоположности, но при этом прекрасная парочка. Дедушка, который не пьет, не курит, не ругается и вообще идеальный такой мужчина, и бабушка, которая любит сигареты Vogue и крепкий кофе (наверное, это от нее мне и передалось), шампанское по утрам и пиво на жаре, приключения и внезапные поступки. Помню историю, которая стала уже легендой: бабушка в Бейруте собрала «салон»: интересные люди города (политики, журналисты, богема) собирались на литературные вечера с элементами интеллектуальных игр... Да что там, тусили они здорово! Так вот, во время войны в Ливане бабушка придумала

развлечение: когда начиналась стрельба, гости ползали по балкону и собирали пули, а победителем называли того, кто больше собрал. Дедушка этого развлечения не одобрял, но гостям понравилось. А еще у меня была крестная, которая помогала родителям растить нас с братом. Она всегда была рядом и всегда, как и родители, как и бабушка с дедушкой, говорила нам «может быть» и «давай попробуем» вместо «нет». Вот это тупое, короткое «нет» я ненавижу. Надо пробовать, пока не получится.

– Интересное у тебя было детство, – заметил я.

– У нас просто была другая жизнь, отличная от жизни наших сверстников. У родителей даже зародилась идея эмиграции в Канаду (времена были смутные – 1991-1993 годы), но они прислушались к нам с братом. Не знаю, что было бы, если бы мы уехали, но точно было бы как-то по-другому. Вообще вся наша семья любила и старалась путешествовать, вне зависимости от финансовых возможностей и «железного занавеса». Это могла быть и Прибалтика: Латвия, Литва. Поэтому и сознание у нас с братом было «не зашоренным». Наверное, я была по тем временам, так сказать, модным ребенком. Например, в первом классе я надела школьную форму только на торжественную линейку и на первый урок, после – переоделась в джинсы и в футболку с Бартом Симпсоном. Училась я хорошо, но только по тем предметам, которые были мне интересны. До шестого класса было интересно все. После – литература, языки, риторика, история. Алгебра, геометрия, химия и физика не смогли заслужить моей любви, в связи с чем меня и к доске по этим предметам

перестали вызывать в старшей школе. Я старалась, отдельно занималась, но мне было неинтересно. И родители, слава богу, поняли меня, когда я сказала, что эти знания мне не пригодятся, я лучше буду много и жадно читать хорошие книги и смотреть хорошие фильмы. Правда, фильмы Тинто Брасса я тоже посмотрела – еще лет в десять.

– Как и я. Кто из нас их не обнаруживал дома, спрятанными, чтобы дети не нашли?

– Вот-вот. Я уверена, что детям нужно обеспечить интересное, хорошее, благополучное детство, тогда из них вырастают интересные и хорошие люди. В детстве я мечтала стать археологом, журналистом и режиссером. Ну, и, конечно, еще рок-звездой, но уж очень стесняюсь петь на людях. Вот были бы у меня данные, как у Полины Леви, тогда уж...

Нана восхищенно кивнула в сторону Полины, которая присела рядом с нами.

– Ты хотела стать археологом? С ума сойти! Наверное, фильмов про Индиану Джонса насмотрелась.

– В точку! Но потом я заболела журналистикой. Пример папы был перед глазами, для него эта профессия – не пустой звук. Как и написание фельетонов, фантастических рассказов. Опять же, по папиному примеру с малых лет увлекалась политикой и серьезными журналистскими расследованиями. А в десять уже решила – буду журналистом. Правда, чисто по-женски не раз и не два пробовала еще другие профессии.

– А любовь к режиссуре откуда?

– К режиссуре страсть, наверное, от того, что с детства являюсь киноманкой: видеомагнитофон и постоянно обновляемая видеотека были у нас всегда, сколько себя помню.

– Не многовато ли увлечений?

– Я думаю, что даже маловато будет. Знаешь, Сашка, **в детстве и юности нужно пробовать все: только так ты поймешь, чем захочешь заниматься, когда станешь взрослым.** Ну, и характер кристаллизуется, становится **сильнее.** Учишься управлять эмоциями, временем. В общем, я с 5 лет читала книги по истории, археологии, раскопкам и древним городам, с 6 лет стала записывать интервью с родителями, крестной и братом на диктофон, подаренный родителями, с 7 лет стала снимать все на камеру (опять же спасибо родителям) и «делать кино». Я всегда была активной. Балет в 7 лет (я очень упорная, каких-то суперданных у меня для этого не было), откуда и ушла через год, поругавшись с преподавательницей. Мне казалось, что она «ломает» детей в прямом и переносном смысле. Теперь я понимаю, что была права. Родители меня, опять же, поддержали. Далее – спортивные танцы, мы с партнером так танцевали ча-ча-ча, румбу и польку, что мне казалось, что пол провалится, однако даже заняли третье место на каких-то соревнованиях среди пар, которые были на два-три года старше нас. Танцевать я, к слову, особо не умею и сейчас, но я упертая. В десять лет занялась баскетболом (рост-то невысокий, вот и решила доказать, что дело не в росте), нравилось, но больше нравился футбол. На футбол к мальчикам меня не взяли, но я серьезно им увлеклась вплоть

до 17 лет, болела за «Спартак» и даже мечтала стать тренером российской сборной по футболу. После баскетбола я пошла на карате, у меня было самое красивое кимоно, и я даже дошла до третьего, кажется, по списку пояса.

– Когда ты все успевала, не пойму, – сказал я. – Этого ведь с лихвой хватило бы на несколько биографий.

– Саш, если тебе интересно жить и если ты понимаешь свои цели, поверь, времени хватит всегда и на все. И потом, должна быть в человеке капля здорового авантюризма. Но вот авантюризм – он как раз в юности закладывается: когда жизнь тебя еще не била, когда масса амбиций, когда уверен, что горы свернешь и все тебе по плечу.

Она закурила ментоловую сигарету и заказала еще порцию виски.

– Впрочем, Нежданов, ты ведь решил со мной встретиться сегодня не для того, чтобы послушать мою увлекательную биографию. О себе я могу рассказывать до утра, но я вижу – тебе нужна помощь. Какого рода?

– Нана, ты профи экстра-класса, – искреннее сказал я. – И ты, и Полина можете оказать неоценимую услугу. Мне нужно понять, как будет вести себя девушка восемнадцати лет, которая оказалась в Москве одна и которую, я думаю, похитили.

– Так нечестно, – ответила Нана, переглянувшись с Полиной. – Я тебе тут всю жизнь рассказываю, как на исповеди, а у тебя невероятный художественный поворот в духе американских триллеров. Обожаю такие сюжеты. Только, пожалуйста, с подробностями.

После того, как я рассказал про Номи, девушки переглянулись.

– Важно понять, есть ли у нее документы и деньги, – сказала Полина.

– А что это меняет?

– Все! – хором ответили Нана и Полина.

Нана пояснила:

– Ты думаешь, что она девочка, не способная принимать решения. Но, во-первых, она выросла в детдоме. Саша, **детдом – это опыт и характер**. А во-вторых, ей уже восемнадцать. Значит, она способна проанализировать ситуацию и понять, как будут развиваться события. Скорее всего, она попытается сбежать.

– А дальше?

– Дальше два варианта. Либо она позвонит тебе или отцу, либо решит действовать самостоятельно. Куда Рэм отправится после Москвы?

– В Берлин.

– Если она не выйдет на связь в течение суток, значит, вы встретитесь в Берлине.

Нана ласково похлопала меня по плечу:

– Подожди сутки. Если ты правильно описал характер этой девочки, то она настоящий боец. И ничего плохого не случится.

Ее слова – да Богу в уши.

* * *

Мне всегда нравились фильмы и книги с одним и тем же сюжетом: герой загнан в непростые обстоятельства, потерял

друзей, всеми предан и вынужден решать свои проблемы самостоятельно. По законам жанра, такой герой всегда побеждает. Ибо у людей должна оставаться вера в **сверхъестественное**. Наверное, в жизни все иначе. Не всегда герои остаются в живых, не всегда им везет и не всегда на пути попадаются люди, готовые помочь. И все же... Все же я верю в эти сюжеты.

Вот только я никогда не думала, что героем подобного сюжета окажусь я сама. Когда решила сбежать, я еще не до конца понимала всю сложность своего безумного плана. Я на пятом этаже охраняемого здания, в коридоре охранник, внизу охранник. Но даже если я и выйду на улицу, там ночная Москва, город, которого я совершенно не знаю, хоть и родилась здесь. Допустим, мне удастся купить телефон (тут я посмотрела на часы: два часа ночи). Допустим, отец или Нежданов мне помогут. Но тут я вспомнила, что творит Селена с людьми, и похолодела. Первым делом она будет искать меня у них.

Завтра, точнее, уже сегодня мы должны были вылететь в Берлин. Не знаю, почему отец хотел попасть именно туда, но думаю, что причина была. Изменит ли он свои планы из-за меня, останется ли в Москве, еще вопрос. Это надо проверить. А пока нужно бежать.

Я взяла рюкзачок и оглядела номер. Он был таким уютным, домашним, спокойным, что при других обстоятельствах я бы задержалась здесь и просто отоспалась. Но сейчас я не могла здесь оставаться.

Что-то мешало в кармане джинсов, и я достала браслет, подаренный Дэбом. Инстинктивно надела на левое запястье,

и вдруг ощутила странное спокойствие. Нервозность, боль и растерянность куда-то ушли. Появилось ощущение того, что я все делаю правильно, и если мне понадобится помощь, она всегда придет.

Надела куртку, перчатки, замотала шарф и осторожно приоткрыла дверь в коридор.

Было тихо. В самом конце коридора, у двери на лестницу, сидел человек, одетый в черное. Видимо, Селена обожает этот цвет. Разумно, ничего не скажешь. Коридор был покрыт мягким ковром, и я шла в ночном полумраке совершенно бесшумно. Больше всего я боялась, что Селена почувствует мое присутствие и выйдет из номера. Обошлось. Видимо, мама и ее воздыхатель сейчас очень заняты. Что ж, это мне на руку.

Затаив дыхание, я переступила через ноги спящего охранника и приоткрыла дверь. Та скрипнула. Я замерла. Охранник открыл глаза и посмотрел прямо на меня.

– Приснится же такое...

И снова отключился. Я вышла на лестницу и только тогда осознала, как дрожат колени. Казалось, прошли столетия, пока я достигла первого этажа, хотя на самом деле этот спуск занял всего лишь восемь минут. Я прислушивалась к каждому шороху.

Охранник внизу оказался не чета первому: мало того, что он не спал, так еще и пристально смотрел в видеорегистратор. На столе лежал пистолет. Через такого легко не пройдешь. Значит, придется отвлекать. И у меня есть только одна попытка. Бесшумно я спряталась за колонной в холле. Нужен какой-нибудь предмет. В рюкзак не

залезть, и я в отчаянии сунула руку в карман куртки. Ну, хоть что-нибудь! Пожалуйста! Пальцы нащупали камешек, подаренный утром Неждановым. Как он тогда сказал? На счастье. Что ж, счастье сейчас мне не помешает. И удача тоже.

Камень был крупный и очень красивый, словно срез старого дерева с прожилками. И на мгновение стало жаль с ним расставаться. Однако выбора у меня нет.

Я размахнулась и бросила камень в сторону от себя. Камень упал с гулким стуком. Охранник вздрогнул, схватил пистолет и бросился к лестнице. Я рванула к двери. К счастью, она оказалась не заперта. Мне везло. Словно добрые духи помогали.

На улице я на мгновение растерялась, но затем, оценив расположение видеокамеры, бросилась в противоположную сторону. Я бежала так быстро, что легкие вскоре стали гореть. Через четыре квартала выдохлась и остановилась, переводя дыхание. Куда теперь? Район казался пустынным и тихим. Я присела на скамейку в аллее, соображая, что теперь делать. Нужно переждать несколько часов? Это можно сделать в том же Макдональдсе, однако он закроется в четыре. Да и где его сейчас искать? Район-то незнакомый. Что потом? Как только откроются магазины, я смогу купить телефон и симку. Звонить Нежданову? Отцу? Но именно у отца Селена в первую очередь будет искать меня. Сомнений не было: ей плевать на меня. Я ей нужна как ключ к Долине. А мне нужен Нежданов и тот артефакт, который отец носит на шее. Смешно, он даже не догадывается, каким ценным предметом обладает. А вот Селена, похоже, знает. Я

вспомнила папку на заднем сиденье машины. Одна из фотографий Рэма была увеличена: крупный план – черный кристалл на белой цепочке.

Как же холодно, черт возьми! Я поежилась.

Рядом притормозила машина. Я вздрогнула и в ужасе вцепилась в рюкзачок. Неужели они меня нашли? Так быстро?

Однако за рулем сидела красивая женщина. Она помедлила, разглядывая меня. Потом решительно открыла дверь и вышла из машины. Подошла ко мне:

– Привет, давно здесь сидишь?

– Не очень, – настороженно ответила я, соображая, смогу ли сорваться с места и убежать.

Она присела рядом.

– Думаю, что-то у тебя что-то случилось, раз ты в этот час сидишь здесь одна.

– Логично.

– И еще я думаю, что ты меня боишься.

– Боюсь. Какое вам до меня дело?

– Люди должны помогать друг другу. Вот такое мое дело. Твое право не доверять мне, но оставить тебя ночью одну в Москве я не могу. Садись в машину, переночуешь у меня, утром решишь, что делать.

Я замотала головой.

– Да не бойся ты! Я не причиню тебе зла.

Сомнения не уходили:

– А что вы делаете в это время суток здесь?

– Провожала подругу в аэропорт, теперь домой возвращаюсь.

Она откинула густую копну красивых вьющихся волос с проседью, и я вдруг поняла, что ее лицо смутно мне знакомо.

– Как вас зовут?

– **Илона.**

– **Меликджанян?**

Тут пришла ее очередь удивляться.

– Откуда ты знаешь мою фамилию?

Я почувствовала, как огромное напряжение и страх отступают. Сквозь слезы пробормотала:

– Вам Сашка розы подарил, а вы их на даче посадили. И теперь они разрослись.

– Знаешь Нежданова? Вот это поворот, – пробормотала Илона. – Ну-ка пойдем в машину.

Она схватила меня за шкирку и буквально впихнула в салон. Я затряслась от холода и слез.

– Едем. Дома все расскажешь.

Как только машина Илоны тронулась, я увидела вдалеке фары. Вовремя. Охота за мной началась.

...У меня есть привычка, приобретенная еще в детдоме: прежде, чем начать отношения, я собираю досье на человека. Изучаю его привычки, взгляды и отдельно – окружение. Когда отец узнал об этом, он первый раз в жизни меня похвалил.

– Молодец, девка. Далеко пойдешь. Есть в тебе моя кровь, есть.

Благодаря социальным сетям можно многое узнать. Окружение Нежданова я изучала долго. В друзьях у него десятки тысяч людей, но, судя по постам, комментариям, общается он с сотней человек. Илона была среди них.

Помню, что меня поразило ее лицо: такие лица бывают у мадонн – тонкие, выразительные, мудрые и очень красивые. И как-то Илона выложила фотографию роз, которые ей подарил Саша.

– Правда они прижились? – спросила я Илону, когда первая истерика улеглась.

– Каждое лето цветут, – кивнула она. – Как огонечки, все заглядываются: вроде малышки, а так их много! На фоне бело-розовых облачков красуются. Хочу их побольше развести. В семье так их и зовут вслед за мной «Сашины розы». Каждую весну волнуюсь: как перезимовали? Ничего, держатся! Стойкие! Хочу еще арку сделать, на нее плетистую розу пустить, а под нее – скамеечку. Буду там с ноутом сидеть, роман дописывать.

– Роман – это хорошо, – пробормотала я.

– Есть такое поверье: когда ребенок рождается, его ангел бьет его по губам, чтобы не рассказал до срока, как ТАМ. Мой ангел мне всю жизнь рот зажимает. Не могу о многом говорить, а написать – могу. Мое ТАМ растянулось так далеко...

Я сидела на кухне после душа в уютном теплом халате. Илона быстро накрывала на стол. Мою историю она выслушала еще в машине, и сразу приняла решение:

– Утро вечера мудренее. Звонить Нежданову сейчас не имеет смысла. Вполне возможно, что около гостиницы тебя уже ждут, а если Сашка приедет сюда, тоже след приведет, да и ты устала. Так что звонить будем утром. Хорошо?

– Расскажите мне о себе, – попросила я.

– Зачем? – удивилась Илона. – Какой может быть интерес к чужой жизни?

– Если это жизнь нормального человека – большой, – не согласилась я. – Понимаете, я живу в уродливом мире, там все искажено: чувства, отношения, мысли. Там все продается и покупается, и никому нельзя доверять. Тебя могут сдать, растоптать и пройти мимо без малейших угрызений совести. А мир, где живете вы, где живет Саша, настолько хорош и интересен, что у меня слезы выступают. Он нормален, понимаете? У меня никогда не было семьи, никогда не было друзей, и я хочу знать, как это. Чтобы не перестать верить, что такое возможно. И что когда-нибудь и у меня будет нормальная семья, друзья, отношения.

– Конечно, будут, – мягко сказала Илона. – Тебе просто нужно научиться доверять людям, понимаешь? **Без доверия ничего не получится.** Что же тебе рассказать... В прошлом счастливое детство, море, маленький городок, где ты всех, абсолютно всех, кого встречаешь на улице, знаешь по имени. Там же, в прошлом, люди – простые, но каждый – ЛИЧНОСТЬ. Таких больше не будет – это люди другого времени, воспитания, устоев. Каждый из них оставил свой мазок на картине моей теперешней личности, и, наверное, в какой-то степени мне льстит осознание того факта, что их жизнь немного продолжается и во мне. Многих уже нет, увы. А сегодня... Сегодня есть другая жизнь, в ней все по-другому, и на «открытом пространстве» социума меня, настоящей, мало. То, что я ЕСТЬ, видят друзья, близкие друзья, которых я узнала «по звуку».

– По звуку? – встрепелась я.

– Это из китайской литературы. Мне всю жизнь нравится. **Человека, с которым у тебя родство душ, ты можешь узнать по звуку. Ты слышишь музыку тех, кто тебе близок. Таких людей немного, но каждый, как грамм золота, – уникален и невероятно дорог.** В конечном счете, что нам всем нужно? Чтобы нас любили и понимали. Если вокруг тебя такие люди – это счастье.

– Я не понимаю, как это может быть, – призналась я.

– Потом поймешь, Номи, обязательно поймешь.

– Так вы счастливы?

– Сейчас я живу в ладу с собой. Ну, процентов на 85. Как женщина – да, я счастлива. Как человек мыслящий – не вполне. Нет у меня достаточного времени и возможностей, чтобы сделать все, что ХОЧУ и МОГУ. Такая карма. Наверное, прошлые грехи отрабатываю... Но это я не жалею, все идет так, как должно идти. Я уверена в этом. Чем старше становлюсь, тем яснее понимаю: жить надо шире, не замыкаясь внутри себя. Нужно открываться НАВСТРЕЧУ. Не надо бояться непонимания. Иначе ПОТОМ вспомнить будет не о чем... Меня многие (не друзья, конечно же) журят: что ты все носишься, не сидится тебе, 40 лет – срок! Не «шешнацать», чего тебе надо-то? А я и не хочу за ушедшим бежать. Я к новому рвусь, живу, да ЖАДНО, хочу видеть, слышать, понимать то, чего раньше в моей жизни не было. Вот, говорят, чего ты ходишь с седой головой? Покрасила бы волосы! А я отвечаю: я свои года не прячу, мне в них хорошо. Чтобы не чувствовать себя теткой с «полжизни позади», надо не попу на щеки натягивать и не физиономию за уши тянуть – это не поможет, надо внутри здоровей быть. Не злиться. Не

ненавидеть. НЕ ЗАВИДОВАТЬ! Радоваться тому, что есть. Есть простую еду и наслаждаться. Все, что просто и чисто: люди, отношения, мысли, да и еда тоже – делает нас здоровее. Я не хочу строем идти за навязанными обществом целями. Мне НЕ НУЖНО. Я в своем МИРЕ живу, понимаешь? По глазам вижу, что понимаешь, а вот другие нет. Не понимают, как можно дружить ПРОСТО ТАК, а не по надобности. Зачем тащиться за семь верст, когда лучше потратить деньги на тачку, ремонт, шмотки и прочее. Говоришь им: мне хватает. Так не верят: как так? Ну и не верьте, мне все равно. На выходных на дачу поеду. Буду в своем саду копать. Это такое наслаждение, я тебе передать не могу! Если хочешь, тебя возьму. Хоть воздухом подышишь, а то бледная такая. Летом на даче парадиз. Все цветет и пахнет, я в горшки насажала южных трав и гераней, ветерок подует – и как будто в Провансе или в Италии где-нибудь... Терапия! В лесу бы тебя погуляла – там сказочно. У нас там Леший живет.

– Леший? Всамделишный?

– Самый настоящий. Хочешь верь, хочешь нет, но однажды он меня «заблудил»! На ровном месте почти час маялась, тропинку искала, потом взмолилась: «Ну, Дед, чего ты меня крутишь, я знаю, ты тут хозяин, выведи, а?» Обернулась – да вот же тропинка! Вот и не верь после этого... Больше, правда, так не гонял. Понял: уважаю.

– Вы об этом книгу пишете?

– И об этом. Там – мой второй мир... Странно он образовался, странные у меня отношения с моими персонажами... Живут своей жизнью, сами по себе, а я

только вслед записываю... Люблю их, как живых. Я ведь многих своих нынешних друзей себе НАПИСАЛА. Когда они стали появляться в моей жизни, я даже не особо удивилась: так совпадали по характеру, по жизненным ситуациям, по реакции на «раздражители»...

– А мечтаете о чем?

– Хочу путешествовать больше, хочу всех друзей навестить, которые по миру разъехались. Кто в Мексике, кто в Тае, кто в Австралии. Ну, на это у меня еще минимум лет 30 есть, авось объезжу. Главное, чтобы не повторился 2012 год, когда из-за работы чуть не стала трудоголиком. Проклятая ответственность моя... Жила ведь в офисе практически, будь оно неладно! Кофе, энергетик, афобазол – и так ВСЬ год! С ума сойти, сейчас оглядываюсь, думаю: морок, что ли, на меня навели? Пахала, как лошадь семижилыная, а ВО ИМЯ ЧЕГО? Год из жизни выпал... Зато поняла, что не должна женщина убиваться насмерть, работа должна быть в радость и от семьи не отрывать. А еще знаешь что? Бабушку стала часто свою вспоминать, по папиной линии. Любила она меня безумно. Сложная у нее жизнь была, тяжелая немыслимо, одна растила двоих мальчишек. На десятирых бы хватило. А еще она была красавица, настоящая, кавказская. Статная, брови, как рисованные, румянец... Всю жизнь любила одного, жила для всех вокруг, всем помогала, иногда и тем, кому не надо бы... Открытая у нее была душа, а жизнь ей недодала по всем фронтам просто. Так несправедливо. Вот почему, а? Вот я порой и стала задумываться: может, я и за нее тоже живу вопреки возрасту и обстоятельствам? У нее не получилось, так может, я смогу? Может, и до звезд долечу.

Кто знает, что будет завтра? И за нее – тоже. Пусть пока ТАМ порадуется, а потом свидимся. Я ЗНАЮ. **В моей семье связи крепкие, неважно, где каждый из нас в данный момент...** Ох, да ты уже совсем спишь, Номи. Убаюкала тебя я своими сказками. Пойдем, девочка, я тебя уложу.

Она бережно укрыла меня одеялом и ласково погладила по голове.

– Спи и ни о чем не беспокойся.

– Илона...

– Что?

– Я бы хотела, чтобы у меня была такая мама. Спасибо вам.

* * *

Moscow never sleeps.

В данных обстоятельствах мне это было только на руку. После последних событий заснуть я бы все равно не смог. Я прикинул, где сейчас кипит ночная жизнь, где можно встретить друзей и знакомых, и выбрал клуб «Artist».

Не прогадал. Что-что, а интуиция у меня всегда была развита невероятно.

Первым, кого я здесь увидел, был **Филипп Корольков**. Не скрою, я очень обрадовался этой встрече. Мне невероятно импонирует этот человек, прежде всего тем, что для него очень важно понятие своих и чужих. Но если чужих людей Филипп открыто не принимает, то **для своих может, как говорится, горы свернуть**. Лично мне он неоднократно оказывал поддержку и помогал в сложнейших ситуациях: иногда просто советом, иногда полезными знакомствами. Во

время конкурса «EUROSONG» он предоставил азербайджанскому певцу своего режиссера и танцора, и благодаря прекрасному сценическому номеру тот занял второе место.

А потом я узнал, что для Александра, танцора в своей труппе, Филипп устроил удивительный и трогательный свадебный подарок: привез молодоженов в Форос, к магическому камню, у которого сам тринадцать лет назад сделал фотосессию, и оплатил все свадебные расходы и венчание. Стоит ли говорить, что свадьба была поистине королевской, ведь подарок-то, как ни крути, был сделан **королем нашей эстрады.**

– Как дети? Дочка? Сын?

Филипп счастливо улыбнулся:

– Растут и радуют каждый день. Алла-Виктория просто красавица. А Мартин серьезный такой, умненький. Ты же знаешь, Саша, что дети сейчас для меня все. Так что извини, остаться не могу, хочется быть поближе к ним.

Впрочем, после ухода Филиппа здесь оставалось еще много приятных мне людей. И я был невероятно рад, увидев за столиком **Андрея Орлова.**

В моей жизни есть несколько людей, которых я считаю своими учителями в профессии. Андрей Орлов – один из них. Этот человек не перестает меня удивлять своим отношением к жизни и профессионализмом. Когда он говорит: «Положить на лопатки я смогу любую звезду! Нескромно? Но это так», – я ему верю. Он это действительно может. Правда, у нас есть некоторые расхождения: Андрей уверен, что научиться журналистике нельзя. Он считает, что

это дар Божий, если угодно. Вот либо дано тебе, либо не дано, и точка. И никакие ученые премудрости в данном деле человеку, увы, не помогут. А мне кажется, что можно. Было бы желание.

Андрей не устает повторять, что может раскрутить во время интервью лю-бо-го человека, любую звезду. Для этого ему нужно только две вещи: достаточное количество времени – как минимум, часа полтора, и чтобы визави хорошо себя чувствовал физически. Все! В каком он будет настроении – неважно! Когда Орлов начнет с ним разговаривать, артист придет в то состояние и настроение, которое нужно Андрею.

Впрочем, Орлов уже несколько лет назад оставил журналистику, создав и возглавив **собственное концертное агентство**.

Я пришел в тот момент, когда Андрей давал интервью.

– Я считаю, мне колоссально повезло в жизни. Мало того, что стал журналистом, как и мечтал когда-то в юности, так еще и занимался в журналистике более 20 лет именно тем, что мне более всего по душе, тем, без чего я, наверное, уже и не представлял себя. Это интервью. Причем только интервью. Но! Интервью далеко не рядовые – с известнейшими людьми в нашей, а, впрочем, и не только в нашей стране: звездами шоу-бизнеса, кино, театра и спорта. Сколько этих интервью у меня за плечами? Честно? Никогда не считал. Думаю, что-то около тысячи, не меньше. А вообще-то я на этот вопрос обычно так отвечаю: сегодня мне проще пересчитать по пальцам тех, с кем я еще ни разу не

встречался, нежели всех остальных, с кем уже далеко не по разу... Нескромно? Но это правда.

– Понятно, что каждое интервью забыть невозможно, и любое памятно чем-то, так ведь? – сказала журналистка, покачивая коленом и диктофоном. – И все-таки... Вот, как говорится, самая-самая беседа в вашей жизни?

– Пожалуй, с Томасом Андерсом, солистом, к сожалению, уже бывшего суперпопулярного дуэта Modern Talking. Во-первых, не скрою, во времена моих школьных лет (а это как раз середина 1980-х), был самый пик их популярности не только в Европе, но и Советском Союзе. Томас Андерс с Дитером Боленом были моими самыми любимыми иностранными музыкантами, но представить в те времена мою встречу с ними я мог, пожалуй, только в каком-нибудь сне. Ну а во-вторых, Томас Андерс стал первым заграничным артистом в моей жизни, с которым мне довелось не только пообщаться, но и провести бок о бок практически неразлучно целых три дня!

Итак, 1995-й год. Совершенно неожиданно в Челябинске появляются афиши Томаса Андерса. Три концерта за два дня. Как сейчас помню: середина ноября, страшный мороз, снегопад, пурга, час ночи, нелетная погода, задержка рейса, и мы с коллегами да Владимиром Николаевичем Макаровым, ныне министром культуры Челябинской области, а тогда директором драмтеатра и организатором этих гастролей – человеком, которого я по жизни очень уважаю, нервно пьющие кофе в пустынном и сонном аэропорту Баландино уже целых шесть часов!.. Прилетит – не прилетит? А вдруг это окажется не он сам, а какой-нибудь

его двойник? В очередной раз объявляют задержку рейса. Подсчитываем с Владимиром Николаевичем: в общей сложности Томас находится в дороге уже более двадцати часов! Он тогда жил в США, и его маршрут до Челябинска складывался из перелетов сначала из Штатов в Германию, потом из Германии в Москву, и уже из Москвы в Челябинск – и все это с самолета на самолет фактически без перерывов! В конце концов самолет, на котором он летел к нам, приземлился... в Уфе. Челябинск не смог принять из-за погодных условий. Что делать? Рвануть за ним туда? Была и такая мысль, естественно, но, слава Богу, не пришлось – еще через пару часов долгожданный и уставший Андерс вышел из самолета на челябинскую «взлетку»... Но и это еще не все! Начиная с вечера в аэропорту Андерса ждало довольно много моих коллег: изначально была договоренность с немецкой стороной о проведении пресс-конференции сразу же по его прилету. Впрочем, к тому времени в ее реальность, по-моему, не верил уже никто... Однако... «Так, а журналисты меня еще ждут?» – едва спустившись с трапа, тут же спросил нас сильно уставший певец. «Ждут, все до единого, Томас! Никто не уехал. Но, может быть... не стоит уже? Это ж только представить – сутки в воздухе! Давайте перенесем на завтра, а сейчас сразу в гостиницу, спать, а?» Видели бы вы Андерса в тот момент! «Что значит «перенесем»?! Люди меня столько ждали! И что – вы считаете, я вот сейчас так спокойно смогу повернуться и уехать?! Журналисты же не виноваты, что настолько задержали рейс!» И он пошел, и он общался с моими коллегами – на секундочку – больше часа! Пока у всех вопросы не закончились!.. Потом мы поехали... нет, не в

гостиницу – в театр! «Ребята, у меня концерт уже через 12 часов! Поймите меня, как я сейчас смогу заснуть, если не познакомлюсь с площадкой? А вдруг там что-то не так?..»

Еще через четыре часа – получается, поспав всего-то ничего! – он, успевший совершить рейс театр – отель – театр, уже давал мне большое эксклюзивное интервью...

Самые замечательные воспоминания о Томасе! Никаких понтов. Никакого пафоса, звездности, отстраненности. Наоборот, сама приветливость, дружелюбие, общительность, искренность!.. После этого мы с Томасом встречались еще два раза. Во второй раз он уже меня вспомнил, было очень приятно, не скрою... А в третий раз мы встретились с ним и его коллегой по Modern Talking Дитером Боленом в Екатеринбурге. И опять пообщались замечательно! Кстати, после всех этих встреч я для себя осознал глубокий смысл слов **«никогда не говори никогда»**. Это на самом деле так! **Самые, казалось бы, невероятные, поистине фантастические вещи могут произойти в нашей жизни в любой момент!**

– Красивая история, – сказала журналистка, и ее бюст призывно колыхнулся.

Орлов усмехнулся:

– Вы не знаете продолжения этой истории! В 2012 году по России прошло шоу Томаса. И вот мы сидим в ресторанчике отеля. Томас, я, его музыканты. Ужинаем. Выпиваем. У меня есть тост. Он родился у меня уже очень давно. Все эти годы я носил его в себе. И меня сейчас... вот просто разорвет, если я не произнесу его! Беру кружку пива, встаю. Томас берет свою, тоже встает. И я ему говорю: «Дорогой мой Томас! Ты

прекрасно знаешь, что я всю жизнь был и остаюсь поклонником Modern Talking». Томас при этом довольно улыбается, ему явно очень приятно слышать такое. «Я увидел тебя впервые в мае 1986-го, когда вас с Дитером впервые показали по советскому телевидению в программе «Утренняя почта». Сразу же после этого весь Советский Союз сошел с ума! Это была фантастика! Это было что-то невероятное! Modern Talking стал в нашей стране поистине культом, вам поклонялись ВСЕ! Я учился тогда в шестом классе. И я помню, как мы все, все мои друзья и одноклассники, месяцами – а то и по полгода! – ждали того момента, когда вас вновь соизволит показать советское телевидение, чтобы... представь себе, чтобы на свои старенькие фотоаппараты успеть «щелкнуть» вас на экране телевизора, а потом похвастаться друг перед другом!» У Томаса круглые глаза. «И вот именно тогда во мне зародилась огромнейшая мечта: нереальная, абсолютно никак не осуществимая по тем временам – когда-нибудь встретиться с тобой! Что называется, вживую. И хоть... ну, хоть бы одним глазочком взглянуть на тебя наяву. Я уж молчу про такие фантастические вещи, как автограф и фото на память!.. Но, увы, повторяюсь, такое в те годы могло лишь присниться... Однако! Наступил 1995-й. И – о, чудо планетарного масштаба! – ты вдруг сам приехал с концертами в Челябинск. Ты помнишь, как мы провели тогда неразлучно целых три дня?.. Вот так и осуществилась та моя самая первая мечта. Но! У нас в России есть такая поговорка: Бог троицу любит. К тому времени я уже работал в журналистике, и второй моей, казалось бы, неосуществимой

мечтой было взять у тебя эксклюзивное интервью. Очень большое, крайне искреннее и непременно тет-а-тет. И – о, силы небесные! – произошло и это. Ты согласился, и мы записали в один из дней поистине убойнейшее интервью!.. Кстати, именно тогда я впервые от тебя услышал это: «Мой жизненный девиз – никогда не говори «никогда»! Поверь мне, это на самом деле так. Самые, казалось бы, невероятные, поистине фантастические вещи могут произойти в нашей жизни в любой момент – ведь ты же все-таки осуществил мою мечту!» Томас улыбается: «А какая же третья мечта?» «Самому, лично, организовать и провести твои гастроли. И, как видишь, она осуществилась тоже! И, опять же, уже не раз!» Томас машет руками: «Нет, нет, в таком случае я не согласен с вашей русской пословицей! Мы с тобой еще кое-что не сделали!» Замирают все. Томас, выдержав этакую настоящую мхатовскую паузу и явно оставшись довольным произведенным эффектом, в полнейшей тишине произносит: «Теперь нам осталось только спеть еще вместе! И на следующем концерте мы непременно с тобой это осуществим, вот увидишь!»

Never say never! Никогда не говори «никогда»!

* * *

Я застал Рэма в вестибюле гостиницы. Охрана спешно грузила вещи в машину, в том числе и мою сумку.

– Наконец-то, – рявкнул Рэм. – Что так долго? У нас самолет через три часа.

– Мы же должны были вечером уехать.

– Планы изменились. Уезжаем сейчас. В Берлин.

– Номи? Вы ее нашли?

Хог странно переглянулся с охраной, и эти взгляды мне не понравились.

– Она здесь?

– Номи присоединится к нам позже, она слишком плохо себя чувствует, чтобы лететь прямо сейчас. Все, заканчиваем с разговорами, едем.

– Я не поеду, пока не увижу Номи, – резко ответил я. – Вы не можете ее здесь бросить.

– Щенок! – процедил Рэм. – Ты еще будешь ультиматумы мне ставить?! Поедешь, куда денешься!

– Я сказал, что не поеду, значит, не поеду. Вы собираетесь бросить свою дочь! – кажется, я кричал, потому, что в вестибюле вдруг стало тихо. Девушки на ресепшене побледнели и ретировались. Рэм, напротив, побагровел. Он явно хотел ударить меня, но вдруг опомнился.

– Сядь и послушай меня.

Я послушался. Рэм рухнул рядом со мной и выровнял дыхание.

– Ты хороший парень, Нежданов. Но ты много не понимаешь. Мои люди разыскивают Номи по всей Москве. Она девушка умная, на первых порах справится. Потом ей помогут. Если ты думаешь, что мне безразлична моя дочь, ты ошибаешься. Она – моя плоть и кровь, единственный ребенок, а других детей у меня больше не будет. Мы вляпались, Нежданов. Очень сильно вляпались.

– Вы так боитесь Селену?

– Не столько ее, сколько людей, которые за ней. Такая заваруха вокруг этой чертовой Долины началась, я и сам не

рад, что влез во все это. Сейчас нам нужно исчезнуть. Они пойдут за нами, понимаешь? Но зато мы тем самым дадим Номи шанс выбраться. Отвлечем внимание на себя. Я не бросаю ее, Нежданов. Я даю своей дочери шанс.

– Очень странный шанс, надо сказать.

– Какой есть, – отрезал Рэм, и я впервые увидел, как он постарел за эти дни. – Ей нельзя в эту Долину. Там она погибнет.

– Не этого ли вы хотели?

– Спятил? Я, конечно, урод, но чтобы желать смерти своему ребенку... Нет, я не чудовище, Саша. Она затеряется в Москве, денег у нее хватит, чтобы начать новую жизнь. Теперь бери свои манатки – и поехали, в самолете продумаем, как и ты сможешь соскочить.

– Мои услуги вам больше не нужны?

Он с жалостью посмотрел на меня:

– Дурак ты... Я тебе жизнь спасаю.

Я не был уверен, что поступаю правильно, но в словах Хога был свой резон. Сейчас он казался искренним, и я решился: подхватил сумку и молча пошел к машине. Вот уж не думал, что буду спасаться бегством из Москвы.

– Я видел Селену, – сказал я, когда мы выехали на автостраду. В салоне мы были одни. Охрана ехала в машине следом. – Она искала меня. Думаю, Номи у нее.

Рэм молчал долго.

– Я предполагал такое развитие событий, но не думал, что она так быстро найдет Номи. Недооценил связи и ее способности. Номи всегда говорила, что нужно сначала изучить человека перед тем, как иметь с ним дело. Я же

положился на свое восприятие многолетней давности. Непростительная ошибка, которая стоила мне дочери. Вот ты молчишь, Нежданов, не одобряешь меня. Можешь не отвечать, знаю, что это так. Но вот какая штука... Я привязался к этому ребенку. Сам не понял, как это произошло. Сначала за мартышку придворную держал, потом привык, потом понял, что, несмотря на внешность, она действительно моя дочь. Мое продолжение. У этой девчонки стальной характер, острый ум и цинизм сорокалетнего мужика, битого жизнью. И еще абсолютный слух: фальшь за версту чувствует. Так вот что я тебе скажу: у Селены, как и у меня, нет шансов завоевать доверие Номи. Она никогда нам не простит – ни мне, ни матери – что мы ее бросили. И она сбежит, вот позвонками чувствую, что сбежит она от матери.

– И последует за нами.

– Да ладно! Деньги, документы у нее есть, начнет новую жизнь.

– Вы плохо ее знаете, Рэм. У Номи свой кодекс чести. Уверяю, она последует за нами.

– Может, ты и прав... Для Номи не существует преград и препятствий. Она – уникум. В экстремальных обстоятельствах у этой девчонки включаются такие способности, о которых ты понятия не имеешь. Поверь мне, я ее проверял и знаю. А теперь давай подумаем, что нам с тобой делать.

* * *

Я проснулась часов в десять и не сразу поняла, где нахожусь. Уютная роскошная квартира. Я набросила халат и прошла на кухню.

– Отдохнула? – спросила Илона. – Садись завтракать.

Она налила мне чашку кофе и подвинула тарелку с бутербродами.

– Спасибо. Очень вкусно. Надо, наверное, Саше позвонить.

– Я звонила, – ответила Илона. – Саша уже в Берлине. Полагаю, что с твоим отцом.

Я молчала, ошеломленная новостью. Первая мысль была, что они бросили меня. И чисто по-детски я обиделась. Но потом подумала, что отец поступил правильно. Очень правильно. Теперь мне нужно придумать, как добраться до них.

– Вы сказали ему, что я с вами?

– Нет, но мне кажется, что он догадался. Он сказал, что напишет мне сообщение в фэйсбуке. Вот оно, читай.

«Если ты будешь говорить с совами или змеями, они будут говорить с тобой, и вы узнаете друг друга. Если ты не будешь говорить с ними, ты не узнаешь их, а того, чего ты не знаешь, ты будешь бояться. Человек разрушает то, чего боится.

*Мне нравится эта пословица, Илона. И думаю, ты передашь эти слова тому, кто сейчас рядом с тобой. Мы очень ждем этого человека. Я и мой босс. Послезавтра в Берлине состоится премьера мюзикла «**Бал вампиров**». Я буду на спектакле. Потом мы улетаем в Мексику».*

– Как он догадался, Илона?

– Помнишь, я вчера говорила про людей, которых мы выделяем по звуку? Саша из них. Он просто почувствовал, что ты рядом со мной. И еще – он очень беспокоится за тебя. Доверься ему.

Обхватив горячую чашку ледяными пальцами, я напряженно думала. Из Москвы в Берлин мне не улететь. Люди Селены наверняка дежурят в аэропорту и на вокзалах. Достаточно купить билеты, и меня засекут. Значит, в Москве использовать паспорт нельзя. Самый быстрый и простой способ – рвануть на машине в Питер. Оттуда уже улететь в Германию. В этом случае у меня есть шанс. А чтобы отвлечь внимание, можно купить несколько билетов на разное время, в разные страны и города. Вдруг они поведутся на эту старую уловку?

– Смотри, еще одно сообщение от Саши, – сказала Илона.
– Телефон человека, который сегодня едет в Питер на машине.

Илона пододвинула мне трубку:

– Срочно звони, Номи. У тебя очень мало времени.

БЕРЛИН

Германия – не моя страна. Берлин – не мой город. Я был здесь несколько раз, но так и не проникся его красотой и дыханием истории.

– Почему именно Берлин? – спросил я по дороге из аэропорта.

– Здесь у нас назначена встреча с Дэбом, – коротко ответил Рэм. За минувшую ночь он осунулся, кожа напоминала кожу ящерицы – сухую и мертвую.

Мне показалось, что Рэм в очередной раз что-то недоговаривает, но докапываться до правды не было ни сил, ни вдохновения. Я очень беспокоился за Номи. Конечно, я ни на йоту не сомневался, что они с Илоной все сделают правильно, и Номи вылетит в Берлин из Питера. И все же меня грыз червячок беспокойства.

В этот раз Рэм изменил традиции и не стал останавливаться в фешенебельном отеле, чему, признаться, я был очень рад. Мы устроились в тихом районе **Grunewald**, на одной из частных вилл. Мне здесь понравилось: было уютно, частные элитные дома чередовались с парками и красивейшими озерами.

Рэма я нашел возле бассейна. В воде и на причудливо выложенном кафеле поблескивали золотые кленовые листья.

– У вас есть на меня планы?

Он устало потер лоб. Пронзительной искоркой сверкнул бриллиант в золотом перстне.

– Завтра вечером приедет Дэб, и нам придется обсудить условия экспедиции, если, конечно, ты не передумал в ней участвовать.

– Я принял решение и пойду до конца.

– Надеюсь, мы все об этом не пожалеем, – в его словах сквозила непривычная обреченность. Я впервые видел Рэма таким: казалось, из него вытянули весь воздух и жажду жизни. Передо мной была пустая телесная оболочка.

– Это из-за Номи? – осторожно спросил я.

Он щелчком открыл банку пива.

– Номи тут совсем не причем. Хотя да, на ней, в конечном счете, все и завязано. Я никогда не проигрывал, Нежданов.

Никогда. Каждая схватка, каждая драка, каждая битва и сделка были нацелены на то, чтобы победить. Единственное, что для меня всегда имело значение, – это победа. Я думал, что так будет всегда.

– Так в чем же дело?

– В неожиданном противнике. Мне казалось, что поездка в Мексику будет увеселительной прогулкой, в конце которой нас всех ждет сумасшедший выигрыш. Но оказалось, что у нас очень серьезный противник, Саша.

– Рэм, вы все время говорите загадками. Давайте расставим точки над «i». Если я в команде, то должен, как и все остальные, иметь полную картину происходящего.

Он жестом приказал сесть рядом и щелчком подозвал горничную:

– Что будешь пить?

– Белое вино.

– Принесите. Мне водки со льдом.

Девушка принесла напитки. Мы остались одни.

– Терпеть не могу осень, – сказал Рэм, сделав большой глоток. – Осенью у меня всегда ревматизм и желание убивать. У тебя много друзей, Нежданов?

– Достаточно, чтобы не чувствовать себя одиноким.

– Расскажи о ком-нибудь.

Я вдруг вспомнил про **Мишу Манакова**, уроженца Ташкента, парня, буквально влюбленного в чтение и русскую литературу. Сколько я помню, он всегда читал, причем с таким интересом и жадностью, что мне порой становилось неловко за то, что из-за нехватки времени я читаю мало. Миша не устает повторять, **что книги – удел избранных, и**

любой человек, чтобы стать лучше, должен читать и учить иностранные языки.

Миша, как и тысячи других, приехал покорять Москву, и в одном из разговоров он как-то признался:

– Я уехал в Москву, когда мне исполнилось 15 лет. Все говорили, что Москва меня изменит, что люди там злые, что там даже дышать невозможно, потому что воздуха нет. Поэтому изначально, когда я приехал в Москву, я ее ненавидел, хотел вернуться на Родину. Но время шло, и у меня начали появляться друзья. Все они были москвичами. Я всегда выделялся среди своих сверстников, и могу сказать, что Москва меня ничуть не изменила, и постепенно я влюбился в этот город. **Москва – это женщина, хитрая и безжалостная, но ранимая и добрая внутри. К ней нужно искать ключик. К ней нужно искать свой подход.** Вот говорят, Москва человека перемалывает. Но это не так! Не жизнь перемалывает тебя, ты сам бросаешь вызов жизни.

Мало кто из друзей понял, когда Миша ни с того ни с сего оставил престижную и, казалось, интересную работу и... пошел в армию. Но я понял: **иногда нужно совершить усилие – послать устоявшийся мирок к чертям. Потому что это мирок, а не мир.** На том этапе ему было важно перестать плыть по течению, вырваться из болота повседневности и бросить вызов самому себе. Получить новый стимул, чтобы двигаться дальше.

Или **Роман Балакин**, с которым мы встретились совершенно случайно в Лондоне и часами гуляли по столице, обсуждая все на свете. Роман сделал головокружительную карьеру в ресторанном бизнесе, но после поездок по Европе

принял сознательное решение уехать из России. Его мечта – открыть симпатичный ресторанчик в Европе и сделать его популярным и любимым местом среди местных жителей и туристов. Кредо Романа: доброта спасет мир. И действительно, я ни разу не слышал, чтобы он сказал хоть одно дурное слово в чей-нибудь адрес. Это очень добрый, позитивный и хороший человек.

Или молодой талантливый дизайнер **Taras Solomko Medowski**, чья мечта – солнечная Испания, в которой он планирует издавать мужской журнал и основать марку мужской одежды. Общение с ним всегда в радость: это очень отзывчивый и позитивный человек. У него есть замечательное качество, которое я особенно ценю: **он умеет вдохновлять**. Поверьте мне, это очень важно: своим существованием, своим примером, своей улыбкой вдохновлять других людей. Вот у Тараса это есть.

– Вдохновлять, – зло пробормотал Рэм и опрокинул еще одну стопку. – Глупость какая!

– Просто у вас этого никогда не было, – философски заметил я. – У вас и друзей-то нет.

– Был один, – нехотя сказал Рэм. – Закадычный. Еще в те времена, когда некую Селену звали Светкой Соколовой. Прямо как в песне, помнишь? Впрочем, ты тогда не родился еще.

Рэм досадливо скривился и фальшиво пропел:

– У Светки Соколовой день рождения, ей сегодня тридцать лет! Нормальная баба, кстати, была. Хозяйственная. Где надо с лаской и поцелуйчиками, а где и характер свой проявит – железобетонный. Мы ведь все трое еще в школе

учились вместе. Я, друган мой, Олежка, и Светка. Он в нее еще в восьмом классе втрескался, все слюни пускал. Она же меня выбрала, уж не знаю, за какие заслуги. Только вот сейчас понимаю – любила крепко. Олежка дома у нас часто бывал, бизнес мы с ним по тем временам непростой делали. С моей бабой и замутил. Или я думал, что замутил. Подозрения были, врать не буду, только вот со свечкой не стоял. Потом Светка говорит, так, мол, и так, любимый, залетела я. Мол, ребеночек у нас будет, не пора ли в ЗАГС и колечко – чтобы все честь по чести. У меня, Нежданов, в тот момент первые бабки пошли! Такую аферу замутил, что до сих пор собой горжусь! Крыша съехала от желаний и возможностей. Думаю: «Нафига мне баба с пузом, да еще гулящая, если я себе любую модельку снять могу? Нафига дружок закадычный, если можно все себе и ни с кем не делиться?»

Он вздохнул. Бутылка была наполовину пуста.

– Полгода готовился. С ними вел себя идеально. Светке кольцо подарил, предложение сделал, а в ЗАГС уговорил после родов пойти: дескать, платье красивое можно будет пошить, свадьбу устроить. Она, дура, и повелась. С Олегом тоже все на мази было. Я ему документы давал на подпись. Классическая подстава. Ну, а дальше все завертелось. Светка чуть раньше срока родила. Пришел в роддом, закатил скандал. Во-первых, дочь, а не сын-наследник. Во-вторых, ребенок – урод, на меня совсем не похож. В-третьих, было и не надо: нагуляла, шалава! Влепил пощечину, поминай, как звали. В тот же день уехал по другим документам. Сменил имя, судьбу, жизнь. А вот Олежек сел. Так что сам

понимаешь, Нежданов, такое не прощается. Видать, время платить по счетам. Объединилась парочка спустя годы. Недооценил я Светку, и друга бывшего закадычного тоже недооценил. Теперь большим человеком стал. Очень опасным.

Он махнул рукой и пошел в дом.

Я сделал глоток вина. Оно показалось кислым и безвкусным, как и бездарно прожитая человеческая жизнь.

После спонтанной исповеди Рэма появилось еще больше вопросов. Было ясно, что Рэм чего-то очень боится. Но чего или кого, я, признаться, не особо понимал. Конечно, возвращение старых друзей а-ля Монте-Кристо, желающих отомстить спустя годы, было весьма неплохой версией, но и только. Что-то Рэм недоговаривал. И я пока не знал, где раздобыть информацию.

Я вышел на улицу: на душе было тоскливо и мерзко. **Для таких моментов есть несколько спасительных рецептов: напиться, лечь спать или же встретиться с хорошим другом. Я выбрал последнее.**

* * *

Когда я подходил к квартире **Марии Фогт**, то был похож на Деда Мороза, приехавшего на стажировку к Санта Клаусу. Обвешанный с ног до головы пакетами с игрушками, сладостями, со связкой огромных воздушных шаров, я чувствовал себя счастливым и на удивление спокойным. Я люблю детей, а два очаровательных ангелочка, которые меня встретили на пороге, могут растопить любое сердце.

– Это нам? – серьезно спросил Вильям, а его маленькая сестренка Натали, не задаваясь вопросом, со знанием дела забирала у меня пакеты, рассматривая подарки. Правда, пакеты были по размеру больше ее. Как быстро летит время: совсем недавно я держал ее на руках в берлинском Starbucks, а сейчас она уже маленькая барышня с очаровательной улыбкой. И как Маша справляется с двумя детьми? Я бы, наверное, с ума сошел.

– Саша, ты с ума сошел! – Маша Вострикова, а ныне фрау Мария Фогт, укоризненно посмотрела на меня. – Ты скупил весь детский мир?!

– Два детских мира и еще десять кондитерских. Только не говори мне, что ты на диете. Я этого не переживу.

Маша рассмеялась и одним быстрым движением рассортировала подарки, вручив дочке ослика Иа, от которого ребенок пришел в восторг, а сыну большой трактор со множеством важных приамбасов. Я сам такие любил в детстве.

Шары взмыли вверх и теперь, к восторгу детей, красовались под самым потолком.

– Тебе крупно повезло. Как раз сегодня я не на диете, пошли на кухню есть твои восхитительные пирожные.

Мы познакомились в питерском аэропорту. Я коротал время в Пулково в ожидании рейса, когда ко мне подошла необычайно красивая девушка и, откинув копну пшеничных волос, сказала, глядя прямо в глаза:

– У меня к вам три вопроса, молодой человек. Вы ведь тот самый Нежданов? Вы ведь фотограф? И вы ведь давний поклонник Scooter?

– Трижды виновен, – ответил я.

С тех пор прошло много лет. Как один миг. **Маша из юной поклонницы Scooter и начинающего фотографа превратилась в роскошную женщину и мать семейства.**

Есть совершенно разные типы женской красоты. Машина красота никого не может оставить равнодушным. У нее красота истинно русская, та самая, которая столетиями вдохновляла художников и поэтов и одновременно сводила их с ума. Когда смотришь на Машу, понимаешь: вот оно, истинное воплощение России. Нежная, женственная, уютная и вместе с тем волевая, характерная, страстная.

Ирония в том, что последние годы Маша живет в Германии. Так получилось, что Родине этот удивительный человек оказался не нужен. Эмиграция случилась как-то сама собой: когда Маша закончила школу, умерла ее мама, и Маша решила переехать в Германию, где уже долгое время живут ее бабушка и тетя. Четыре месяца она поработала нянкой под Кельном, похудела за это время на двадцать четыре килограмма и решила обосноваться в Берлине. Вариантов, чтобы получить долгосрочную визу, было немного, и Маша, будучи умным и прагматичным человеком, решила проблему просто: вышла замуж за немца за деньги. Потом, конечно, возникли другие проблемы, но Маше очень повезло, что ее новоиспеченный муж оказался хорошим человеком, и они до сих пор в дружеских отношениях.

Потом появилась работа, новый круг интересов. Иногда Маша вспоминает свое юношеское увлечение – фотографию. Несколько ее снимков даже были опубликованы в Gala и

берлинских газетах, но, увы, на фотографии много не заработаешь и детей не прокормишь. Когда живешь в абсолютно чужой стране, то понимаешь: если ты сам за себя не постоишь, никто тебе не поможет.

В общем, все так и получилось: вроде уехала ненадолго, а оказалось, что навсегда. Иногда я чувствую, что ей тяжело, и тогда стараюсь подбодрить письмом или sms. Маша уверяет, что эти знаки внимания дают ей заряд позитива на весь день. Я знаю ее мечты: свой уютный дом с камином и садиком, хороший муж, еще пара детишек и то душевное равновесие, которое получаешь, когда у тебя действительно есть все, чего ты хотел. И верю, что однажды на свой день рождения Маша получит из рук любимого человека ключи от Porsche Cayenne. И у сильных женщин должны быть свои маленькие слабости.

– Как ты? – спросил я, когда первые восторги от встречи улеглись, и Маша отправила детей в детскую. – Справляешься?

– Саш, я не перестаю говорить, что жизнь удалась, по крайней мере в моем понимании. Я родила двух потрясающих детишек, живем в уютной съемной квартире недалеко от центра, есть и детский садик русско-немецкий, есть и работа, и машина... Чего нет – так это второй половинки, которая бы душевно настраивала на позитив. Но к этому я отношусь философски: если не появился, значит, еще время не пришло. Пока еще, значит, не время. **Дети – это счастье, замечательный стимул жить дальше и стараться каждый свой день делать лучше и ярче.** Они очень похожи на меня, впрочем, ты сам это видишь. Сын уже

большой, посещает подготовительные курсы к школе, мы постоянно ходим на разные концерты и шоу, детские площадки, зоопарки и магазины детских игрушек! Этим летом мы отдыхали в Египте и Турции, осенью еще планируем улететь.

– Они у тебя замечательные.

– Странно, я в детстве говорила отцу, что не люблю детей и своих не хочу. Как стала матерью, думаю: как я вообще могла так думать?! Это самое естественное, что может произойти с женщиной! Это просто потрясающее чувство, неповторимое.

– Которое мне не понять, – съехидничал я.

– Ты будешь замечательным отцом, когда придет время.

Я кивнул: наверное.

– Ты писала мне в последний раз, что планируешь пойти учиться...

– Да, хочу устроиться в хорошую фирму, но для этого нужно пройти обучение. Это сейчас перспективно.

– Ты говоришь, как настоящая немка, – отметил я. – Даже фразы стала строить по-другому. Глагол на втором месте.

– Мне до этого далеко, – с легкой грустью улыбнулась она.

– Немецкий менталитет очень отличается от нашего, очень тяжело подстроиться или хотя бы понять... Но можно немецкую культуру воспринимать, как она есть, или просто стараться найти что-то родное тебе, русское. Был, скажем, волшебный день прошлым летом, когда мы крестили детишек в нашей православной церкви в Берлине. Это как-то примиряет.

– Скучаешь?

– Смешанные чувства. С одной стороны, понимаю, что я родилась в России, выросла, и, наверное, останься я там, все сложилось бы совсем иначе. Но с другой, я очень благодарна судьбе, что смогла уехать из России, где жизнь достаточно трудна и жестока, что родила детишек именно здесь, что мы живем, на мой взгляд, довольно беззаботной жизнью. Порой по русскому телевидению и в новостях вижу такие жуткие сюжеты, которые сразу же заставляют меня забыть вопрос: если бы я осталась, что бы было со мной? В жизни самое главное – быть честным и добрым человеком, несмотря на все плохое, что каждый день сваливается на голову. **Нельзя оглядываться назад и жалеть, если что-то получилось не так или если кого-то в твоей жизни больше нет. Раз так получилось – это судьба, и ее надо принимать. Как бы жизнь тебя ни колотила и какие бы ни ставила преграды, важно верить, что завтра будет лучше и счастливее, чем вчера.**

На кухню вошла маленькая Натали и, пыхтя, забралась на колени. Что-то пробормотала.

– Кажется, она признается тебе в любви, – сообщила Маша. – Ты ее покори.

– Я обаятельный, – с замиранием сердца ответил я и поцеловал детскую макушку. – **Удивительно, дети рождаются с потребностью любить и быть любимыми, их невозможно подкупить. Они всегда знают, кто их любит, и кого они любят. И эта любовь абсолютно безусловна. Куда все потом девается?**

– Потом приходят взрослые и объясняют, что жизнь такова, какова она есть, что за все надо платить, что ничего

не бывает просто так, и нужно следовать определенным правилам, чтобы жизнь удалась, – неожиданно жестко ответила Маша. – И самое противное в том, что проходит время, годы, порой жизнь почти вся проходит, и ты вдруг понимаешь: самое счастливое время у тебя было в детстве, потому что там тебя принимали таким, какой ты есть, и тебе не нужно было притворяться, соответствовать чужим ожиданиям. Вот только когда начинаешь подсчитывать, сколько же дней, месяцев или лет у этого счастливого детства было, оказывается очень мало. До обидного мало. А вернуться нельзя, можно только попробовать исправить все это уже со своими детьми. Дать им свободу и счастье быть такими, какие они есть, и не грузить своими родительскими ожиданиями и требованиями.

За окном медленно гасли огни осеннего дня, а у меня на руках сладко посапывал ребенок, и на перемазанном пирожными личике светилась тихая и счастливая улыбка.

Такой нежный и спокойный вечер был у меня первый раз в жизни.

* * *

Такой сумасшедший и драйвовый день был у меня в первый и, надеюсь, в последний раз в жизни. Для такой скорости дышалки не хватает.

Я едва успела выйти из подъезда, как рядом затормозила машина. Дверца распахнулась. Сильная мужская рука втащила меня в салон. Машина рванула с места.

Симпатичный парень за рулем бросил короткий оценивающий взгляд:

– Ты – Номи. Нежданов рисует четкие портреты. Я – **Егор Морозов**. Можно – Egor Georgius, это мой псевдоним. Едем вместе до Питера, молчать я не люблю, будем общаться. Окей?

– Окей.

– Твой первый вопрос?

– Сколько тебе лет?

– Вопрос банальный. Двадцать три. Следующий твой вопрос будет, чем я занимаюсь. Угадал?

– Угадал, – я пристегнулась и только потом перевела дыхание. Похоже, этот парень живет на пределе скоростей.

– Отвечаю. Пока не решил. Интересуют – диджейство и звукорежиссура. В основном, конечно, звукорежиссура, так как работал звукорежиссером на достаточно перспективном интернет-канале 1М, а также в одном из лучших клубов Питера. В диджействе тоже преуспел и перешагнул планку «начинающий», выступал во многих клубах Питера, Москвы, Риги, в Берлине и во Франкфурте. Теперь мой вопрос, идет?

– Задавай, – кажется, я стала привыкать к его манере общения, а с такой скоростью мы вообще побьем рекорд и доедем до Питера быстрее Сапсана.

– У тебя парень есть?

– Парня у меня нет, – я надеялась, что сказала это равнодушно, и Егор не заметил, как мне больно и до сих пор обидно.

– Почему?

– Посмотри на меня, и сам все поймешь.

Машина затормозила так резко, что я чуть не поцеловала лобовое стекло.

– Спятил?!

– Повернись ко мне, – скомандовал Егор.

Он несколько секунд разглядывал мое лицо:

– Во-первых, ты дура. Во-вторых, ты интересная. Дура потому, что не понимаешь свои достоинства. Интересная потому, что... интересная.

Во мне проснулся азарт.

– И что, ты бы со мной замутил?

– Сейчас уже нет.

– А, ты влюблен и очень опасен.

– Не совсем. Просто я не тороплюсь. Романтик. Длительных, серьезных отношений нет, но есть просто идеальная девушка для этого.

– Заинтриговал. Из зала кричат: «Подробности!»

– Познакомился два года назад в поезде Питер-Рига. Сел на вокзале в Питере, ехал на военные сборы в город Остров-3. Я вообще-то против службы в армии.

– Пацифист?

– Времени жалко. Целый год непонятно на что уходит. А так попал на сборы от военной кафедры – вроде как решил проблему. Месяц – не год, да и интересно, что там и как. В вагон зашел – чувствую, умираю, как спать хочу. До полки бы добраться и рухнуть, чтобы уже по прибытии проводница разбудила. А на нижней полке девчонка. Симпатичная, сил нет! То есть силы как раз есть, но она с мамой как бы. Не до амуров. Сон – как рукой сняло. Стал перекидываться с ней записками – с верхней полки на нижнюю и наоборот. Так и познакомились. Аня. Из Риги. Я хоть и романтик, но не шибко влюбчивый. Но здесь... Вышел из вагона и понял: все,

пропал ты, Егор, твоя это половинка! И так она мне в душу запала, что хоть поезд беги догоняй. После сборов реально хотелось сгонять к ней в Латвию, но я тогда был простой бедный студент. Куда там Общались через интернет.

– То есть телефончиком и адресочком разжился-таки?

– Ну, не дурак же я такую девушку упускать! – искренне возмутился Егор. – Но на следующий год я все-таки прилетел в Ригу по делам, параллельно чтобы встретиться с Аней. Два дня гуляли, не расставаясь. После этой поездки я действительно убедился, что Аня – идеальная во многих смыслах девушка. Как я понял немного позже, мне вообще нравятся прибалтийские девушки.

– Небось от их акцента тащишься? – не удержалась от подкола. – Многие считают его сексуальным.

– Что ты можешь о сексе знать, пичуга?! – хмыкнул Егор. – Но права. Акцент мне действительно нравится. Он им придает некую ложную скромность, скрытую сексуальность, которую еще почувствовать и разгадать нужно.

– Ну, и что? Ты влюбился?

– Я всегда был склонен к тому, что человек нельзя влюбиться просто так. Для этого надо общаться с человеком, думать о нем.

– Стоп, стоп, стоп! Так ты влюбился в нее или нет?

– Если бы мы с Аней виделись чаще, и у меня была бы возможность общаться с ней каждый день, я бы точно влюбился. Но тогда я не был готов перебраться в Латвию или каждую неделю ездить туда-обратно, поэтому ничего не предпринимал.

– И? – я приготовилась услышать историю о том, как в романтической обстановке один молодой человек из Питере сделал предложение прелестной девушке из Риги. – Ты ей хоть в любви признался?

– У Ани есть небольшой минус.

– ?!

– Точнее не именно у нее, – заторопился Егор, заметив мой ироничный взгляд. – Она училась на штурмана, и поэтому должна один год отходить в море на судне. И сейчас она в море.

– А ты?

– А я жду.

Я почувствовала себя разочарованной. Подсознательно люблю истории с хэппи-продолжением. Но тут Егор сказал нечто такое, что я поняла: продолжение будет.

– Буквально три года назад, когда у меня не было нормальной возможности бывать за границей, я представлял Европу в розовом цвете, а Россию считал недостраной, мыслил чисто стереотипно. За три года я побывал в Европе и понял, что **в любой стране есть свои минусы, и что у нас не все так плохо, как казалось**, тем более что в последнее время Россия заметно европеизируется, хотя, на мой взгляд, есть коррупция и полицейский произвол. Не скажу, что это хорошо, но мне кажется, что через пару поколений, лет так через пятьдесят, мы станем отличной страной. Тем не менее, вид на жительство в Латвии уже получил и аналог ИП зарегистрировал. Так что большую часть времени провожу в Риге.

Вот, с этого и надо было начинать. «Если бы мы больше времени проводили вместе!» Ведь сразу понятно, что втрескался ты по самую маковку и ждешь, когда она вернется. И не потому, что она идеальная, а потому, что эта девушка создана для тебя, и ты это почувствовал. Вот и музыка твоей души, если прислушаться, сплошная романтика, какие пластинки ни ставь, будучи диджеем.

Я улыбнулась. Этот парень, похожий на сильно похудевшего Винни-Пуха, мне очень нравился.

– Давно худеешь?

Он поморщился, словно я задала бестактный вопрос.

– Я не худею, я меняю себя. Давно хотел многое изменить в себе, и когда Аня уехала, понял, что этот момент настал. Изменить не внутренне, так как внутренне люди не меняются. Единственная черта, которую человек может поменять в себе – это уверенность, при увеличении или изменении которой люди действительно могут меняться. Многое зависит именно от уверенности. Как правило, если уверенность человека растет, то и остальные качества меняются в лучшую сторону. В большинстве случаев внутренняя уверенность меняется вместе с изменениями во внешнем виде. Если нравишься сам себе, то и уверенность твоя вырастет в разы.

– И в чем ты решил измениться?

– Мое телосложение. Вес в 125 кило (хоть и при росте в 189) – согласись, это многовато. И это была не гора мышц. Хотелось многое изменить и в профессиональном плане.

– Получилось?

– Из 125 кило осталось 90. Это не совсем то, что я хотел бы, но и не тот ужас, что был. Осталось скинуть еще пятерку, и можно начинать качаться! Одновременно, к сожалению, нельзя. Хорошего человека должно быть много, но пусть лучше будет много мышц и мозгов. Пока что занятие диджейством да звукорежиссурой особо денег не приносит, но за полгода мне удалось запустить пару интернет-магазинов, а также сайт знакомств, который по функционалу и контингенту ближе к брачному агентству, но в сети. Данные проекты не требуют много времени, но приносят достаточно неплохие деньги. Вообще я считаю себя везучим человеком, правда, везение мое приходит под конец, когда либо что-то совсем долго не получается, либо наступает совсем что-то плохое. Или мое везение основывается на чьем-либо невезении. Как-то мне выпал шанс выступить в Берлине только потому, что человек, который должен был туда лететь, сломал ногу. Хотя, возможно, везение было следствием работы. Например, многие диджеи мечтают начать играть свои сеты за рубежом. Причиной этого является необоснованная тяга россиян ко всему иностранному. Порой мне кажется, что если рядом поставить два магазина с одной и той же одеждой, только один магазин назвать «Одежда из Европы», а другой «Самая модная и лучшая одежда из России», причем в первом магазине завысить цены, то все равно люди с большей охотой пойдут в первый магазин. Так и мне захотелось отхватить кусочек диджейской славы за пределами России. И мне пришло в голову вот что. Переписывался я тогда с одним французским диджеем – и написал ему, как мне казалось,

несколько глупое предложение. Но чем черт не шутит! Заключалось оно в некотором обмене работой. А именно: я ему предложил пару выступлений в Питере в обмен на хотя бы одно мое выступление в Европе. Каково же было мое удивление, когда он согласился! Я ему устроил два выступления в Питере, это были клубы «Punch» и бывший «Этаж». Он же мне предложил два замечательных города – Мадрид и Шарлеруа. Он приехал. И в Питере я с ним реально намучался. Капризный дядька оказался. На следующих выходных я, окрыленный предвкушением, помчался в Пулково-2, чтобы лететь в Мадрид для своего первого зарубежного выступления. Я готовился, подбирал музыку, прикидывал, что и в каком порядке буду ставить. В итоге при прохождении паспортного контроля меня развернули. Надо вовремя оплачивать штрафы! Квитанция от ГИБДД валялась в столе немногим больше года... Француз был в бешенстве, я тоже. В результате он предложил мне слетать через пару месяцев выступить в Риге. Я был на седьмом небе от счастья! Ведь там же Аня. Но потом спустился на землю, ведь месяц назад она ушла в полугодовое плавание. Это было первое мое зарубежное выступление, хоть и получено оно таким интересным способом. Кстати, музыку хочешь послушать? Предпочтения есть?

– На твой вкус, – я вдруг почувствовала, что очень устала.

Наверное, Егор понял мое состояние, потому, что притормозил и предложил перебраться на заднее сиденье – там было намного удобнее. Я прилегла, закуталась в плед и сделала вид, что сплю. Так проще думается.

В первый раз в жизни я не знала, что мне делать. В фильмах и книгах, когда герой оказывается в загнанном положении, он неизменно находит роаль в кустах. События складываются удачным образом, а сама гонка и финальная битва – отличный экшн с закономерно хорошим финалом. По законам жанра, если герой хороший человек и ни в чем не виноват, то всегда найдутся люди, готовые ему помочь бескорыстно.

Не спору, до сих пор мне крупно везло. Но будет ли так дальше? Беда в том, что я не очень хороший человек, и вряд ли мироздание расщедрит на бонусы в мой адрес. Мне было стыдно. Сложно представить, как мне стыдно. Я чувствовала себя Иудой, ведь именно я заварила всю эту кашу, и именно я втянула двух людей в смертельную ловушку. Причем один из этих двоих был по-настоящему хорошим человеком и всерьез беспокоился обо мне. Самое страшное было в том, что ни Саша, ни Рэм до конца не понимали, что именно ждет их в Мексике. Какая же я дура!

Все случилось несколько месяцев назад в Штутгарте. Мы тогда очень крупно поссорились с отцом. Впрочем, поссорились – мягко сказано. Мы разругались вдрызг. Это было накануне моего восемнадцатого дня рождения. Мне показалось, что в наших отношениях что-то изменилось: он привязался ко мне и даже по-своему полюбил. Мы много путешествовали вдвоем, он обучал меня азам бизнеса, радовался, когда я давала дельные советы, делал мне небольшие подарки и даже предложил отметить мой день рождения в любой точке мира, в которой я пожелаю. Я наугад ткнула в карту и попала в Штутгарт. Сначала немного

расстроилась, но, когда прочитала про ботанический сад Вильгельма Первого, решила: все неслучайно. Я так радовалась этой поездке! Предвкушала, что в день моего рождения мы будем только вдвоем, будем бродить по парку, есть мороженое, пускать мыльные пузыри, любоваться орхидеями и кормить слонов.

Ничего из этого не получилось. Все пошло наперекосяк. В самолете рядом с отцом села женщина. У Рэма есть типаж, от которого он теряет голову. Я его уже как-то описывала: рыжие волосы, красивая грудь, длинные ноги, породистое лицо. Странно, лица этой женщины я не помню. Только хриплый смех, рыжие кудри, алый лак на ногтях и запах духов – мускусный и опасный. Не успели мы взлететь, как отец уже был в состоянии острой влюбленности. Когда мы садились в Германии, он уже с трудом мог вспомнить, кто я.

Меня, словно багаж, отправили в отель. Отец ушел в загул. До дня рождения оставалось три дня. Я решила спланировать все сама, чтобы ему оставалось только приехать и действовать по программе. Пусть мое восемнадцатилетие и не превратилось бы в череду приятных сюрпризов, все равно мы были бы вдвоем.

Он не вспомнил. Понимаете, он вообще обо мне не вспомнил в этот день. Ни подарка, ни поздравления, ни теплого слова – ничего. Он кувыркался со своей новой пассией, и двери в его номер были закрыты. Я оставила ему подробную записку и уехала в Ботанический сад Вильгельма. Я просидела на скамейке у входа до самого вечера, так как боялась пропустить Рэма. Он не пришел.

Когда я вернулась в отель, была полночь. Рэм сидел в баре и напивался. Потому что его таинственная незнакомка исчезла. Исчез и прежний Рэм, которого я почти полюбила. Передо мной был циничный холодный человек, привыкший давить людей, как тараканов. И тот факт, что я была его дочерью, ничего не менял. Когда я стала его упрекать, он холодно и равнодушно ударил меня. Больше всего меня поразило не то, что он поднял на меня руку, а то, что он сделал это без всяких эмоций.

И я сбежала из отеля. Наверное, в другом городе я пришла бы на вокзал и просидела в зале ожидания, пока меня не забрали бы в полицейский участок. Но в Штутгарте есть особое место, куда можно прийти ночью – библиотека. Большая современная библиотека в несколько этажей, где напрокат можно брать не только книги, но и картины. И еще там можно сидеть и читать без риска, что кто-то тебя выгонит. А в ту ночь мне было важно, чтобы никто меня не выгонял.

Это невероятное место. Здание городской библиотеки Штутгарта было построено в 2011 году по проекту корейского архитектора Eun Young Yi. Думаю, когда он проектировал это здание, то думал о двух вещах: Вавилонской башне и человеческом одиночестве. Только вместо идеи разъединения и непонимания, он нашел другую – поиск смысла всего сущего с помощью книг, тишины и искусства.

Центральное хранилище этой библиотеки представляет собой монолитный куб с двумя подземными и девятью надземными этажами. Снаружи здание похоже

на двухцветный кубик Рубика, но внутри ты буквально задыхаешься от красоты архитектурного решения: организация пространства просто гениальна. Центр библиотеки максимально обнажен и открыт, он как бы заключен в центр круга, а по кругу проходят лестницы. Книги хранятся вдоль стен на каждом этаже. В центре здания «бьется» Сердце — большой зал кубической формы высотой в 4 этажа. Вокруг Сердца и находятся залы библиотеки. Каждый этаж библиотеки посвящен определенной теме: музыка, мир, дети и так далее. Кроме вместительных стеллажей, библиотека предоставляет зоны для отдыха взрослых и детей, кафе и комнату для игр, которые выделяются из общего контекста более красочным дизайном.

На этаже детской литературы ящики с книгами и журналами стоят прямо на полу. Ложись и читай. Не хочешь на полу, перебирайся на кушетку.

Я спряталась в самом дальнем углу.

Взяла томик сказок братьев Гримм. Рэм как-то сказал, что эти сказки – сборник статей уголовного кодекса. Но мне они всегда нравились именно своей жестокостью и еще тем, что там всегда всем воздавалось судьбой по справедливости – и хорошим, и плохим. После сказки про стоптанные туфельки я перешла к сказке о Рапунцель, и тут книгу накрыла тень. На соседний стул сел мужчина лет сорока и пододвинул ко мне блюдечко с пирожным.

– Когда душа плачет, нужно есть сладкое. Тогда боль и радость уравниваются.

Я посмотрела на книгу и увидела, что она мокрая от моих слез. Я проплакала несколько часов и даже этого не заметила.

Пирожное было очень вкусным, и я вдруг поняла, что проголодалась.

– Меня зовут Олег, – сказал мой спаситель. – И я терпеть не могу, когда девушки плачут по ночам, читая сказки.

Почему я пошла за ним? От обиды? От отчаянья? От желания насолить человеку, которому было на меня плевать?

Я пошла потому, что мне хотелось любить. И мне хотелось, чтобы любили меня.

Вот и все. Никакого Фрейда. Девочка созрела, встретила парня, пусть и намного старше себя, и влюбилась.

Олег жил один, неподалеку от библиотеки. В его небольшой холостяцкой квартире я почувствовала себя, как дома. Сидела на стуле и смотрела, как он готовит для нас ночной ужин. Первый раз мужчина готовил для меня. И было очень вкусно. Мы выпили. Да, и что тут такого? Мы выпили. А потом случилось то, что случилось. Он этого хотел, я этого хотела.

– Зачем тебе все это? – я лежала, прижавшись к нему, и слушала его сердце. – Зачем тебе секс со мной? Ты можешь найти красивую женщину...

– Ш-ш... – он подул мне в лоб. – У меня были отношения с красивыми женщинами, но я не был с ними счастлив. Я счастлив с тобой.

Слишком быстро, скажете вы. Слишком романтично и красиво. Так не бывает. И вы будете правы. Так не бывает. Но я ему поверила. Я не стала слушать музыку его души, потому

что влюбилась сразу, и мне было плевать, кто он, откуда. Мне было важно только одно: что он счастлив со мной.

Две недели. Две недели сумасшедших ночей и прекрасных солнечных будней. Мы гуляли по ботаническому саду Вильгельма, ели мороженое, пускали мыльные пузыри и кормили слонов. Мы ходили на танцы и ужинали в маленьких ресторанчиках. Мы целовались в зарослях плюща, и я чувствовала себя красивой и желанной. Он покупал мне платья, дорогое нижнее белье, украшения и цветы. Однажды я проснулась в постели, усыпанной лепестками роз. Олег знал, как приручить меня и как полностью меня подчинить. Для того, чтобы я сдала своего отца.

И я его сдала.

Причины у предательства самые разные. Как правило, это деньги, желание получить максимальный комфорт и выгоду, иногда предательство совершается из-за обиды или по недомыслию. Но чаще всего в основе предательства лежит любовь. Иуда предал не из-за тридцати серебряников, он предал из-за того, что Учитель не любил его более других своих учеников, сам же Иуда изнывал от своей любви, в которой было все, кроме доверия и равновесия.

Я предала отца потому, что тот не любил меня, а Олег, как мне тогда казалось, напротив, любил. Он рассказал мне все к концу второй недели: и о том, как Рэм подставил его, и о годах в тюрьме, и о моей матери. Только Олег сказал, что моя мать умерла через год после моего рождения. И даже показал фото оградки с пышным букетом роз. Я поверила. Почему бы и нет? Ведь до сих пор он говорил только правду, ведь так?

И я согласилась сдать Рэма.

– Тебе не жаль, что он в итоге умрет? – спросил Олег.

– Это мне даже на руку – я останусь богатой наследницей.

Тогда эта фраза казалась смешной и удачной. Мы продумали план, частью которого стала Долина тысячи снов, и я вернулась к отцу, чтобы этот план претворить в жизнь. Олег хотел, чтобы отец умер на жертвенной пирамиде, не знаю, почему. Мне было все равно: хоть в Мексике, хоть на Северном полюсе, главное, чтобы меня по-прежнему любил тот, без кого я не представляла своей жизни.

За время моего отсутствия Рэм возненавидел Штутгарт и организовал мои поиски. Пожалуй, он даже был рад тому, что я нашлась, зауважал, узнав, что я самостоятельно прожила две недели в незнакомом городе. Он снова и снова пытался найти подходы ко мне, но я закрылась. Мне больше не нужна была его любовь. Мне был нужен Олег.

Не знаю, когда отец понял, что его бизнес рассыпается. Бьется, как те зеркала в итальянском доме. Людей переманивали, сделки срывались, то там, то здесь власти ставили препоны и назначали проверки. Рэм с упорством маньяка искал крота, а крот все это время находился рядом с ним. Впрочем, даже в сложных условиях империя Рэма Хога устояла бы. Если бы не Долина тысячи снов. Потому что против Долины тысячи снов он сам не устоял.

Впервые эту легенду мне рассказал Олег. И я в нее не поверила. Очередная красивая сказка. Но Олег рассказывал новые подробности, показывал рисунки, приводил воспоминания каких-то очевидцев, исследователей, и я сама не поняла, как прониклась этой историей. А потом сама

поверила. В конце концов, мы верим в то, во что хотим верить, не так ли?

И знаете, что самое плохое? В том, что до вчерашнего дня я действительно верила, что меня любят. Пока не увидела Олега рядом с моей матерью и не услышала разговор, который меня уничтожил.

* * *

Берлинский вечер принес дождь и тоску. Когда я вышел от Маши, была половина десятого – детское время. Но не для меня. Возвращаться на виллу не хотелось. Вот странное дело: я в любой момент мог купить билет и уехать, оставив Рэма разбираться с его мнимыми и явными проблемами. Мы уже дошли до той степени отношений, когда никто никому ничего не должен. Роли переменились. Еще месяц назад я считал себя лузером и думал, что жизнь, если не закончилась, то, как минимум, перестала быть приятной. Теперь я спокоен, и завтрашний день меня мало волнует. Будет – и будет, постараюсь, чтобы день получился хорошим, а там как карта ляжет. Почему-то лузером сейчас оказался сам Рэм. Я не мог объяснить, откуда появилось это чувство, но был уверен – Рэм почти банкрот. Пусть пока и не финансово, но по всем остальным фронтам и направлениям точно банкрот. И вот поэтому я не мог его сейчас оставить.

Мы в ответе за тех, кого приручили. Фраза эта мне никогда не нравилась. Потому что в ней есть заведомая ложь. Тот, кого приручили, сам этого хотел. Но сейчас я был в ответе за Хога. В конце концов, у нас с ним контракт. А

я всегда щепетильно относился к обязательствам, особенно денежным.

Без особой надежды набрал номер Номи. Гудки. На пятом сняли трубку:

– Скучаешь? – голос холодный и хриплый.

– Селена?

– Ты догадлив.

– Где Номи?

– Номи со мной. И она больше ничего не хочет слышать ни о тебе, ни о Рэме.

– Дайте мне с ней поговорить, – я поморщился, так как brasлет на руке стал очень горячим.

– Только если вернешься, – промурлыкала она. – Только если вернешься сюда.

Связь оборвалась.

Я огляделся. **Auguststrasse. Галерея Wohnmaschine** – одна из самых известных и престижных арт-галерей не только в Берлине, но и в Германии. Судя по оживлению у входа, сегодня открытие какой-то выставки. Взгляд выхватил буквы на афише, и по мере того, как я подходил ближе, они сложились в известное мне имя – **Lina Bas**.

Вот это сюрприз!

Вход был по приглашениям, но когда отсутствие одного меня останавливало? Я просто набрал номер Лины:

– Привет! Не знал, что ты пишешь картины.

– Сашка? Ты почувствовал, что у меня сегодня праздник? Пишу. В прошлом году было уже четыре выставки в Германии. Сегодня открылась пятая. Даже представить не можешь, где.

– Очень хорошо представляю, потому что стою у входа в галерею и очень хочу попасть внутрь. Кстати, здесь холодно. А искусство, говорят, согревает.

– Ты – сумасшедший! – весело сообщила мне Лина в трубку.

– И еще ясновидящий! – добавила она, возникнув через пару минут. – Твой неожиданный визит – настоящий подарок. И еще хороший знак. Ты же веришь в систему знаков, да? Я так волновалась: все-таки Wohnmaschine, престиж, ответственность, критики, журналисты и все такое. Но ты пришел, значит, все сложится идеально. Ты же счастливчик, Нежданов. Ты удачу приносишь, как клевер.

– Как меня только не называли, но вот чтобы клевером – это в первый раз.

Лина сунула мне в руку бокал шампанского:

– Не будь букой, тебе это не идет. Пойдем, я все сама тебе покажу. После этой выставки хочу порадовать своих родителей и сделать для них выставку в Беларуси. Они это заслужили. За все, что я в жизни умею и знаю, я благодарна им. Жаль, что сегодня их здесь нет. Порадовались бы.

– Зато я есть. И тоже радуюсь. Только прости меня, дилетанта, что это за направление?

– **Структурные 3D-картины.** Сейчас это очень востребованное направление искусства в Европе. Людям нравится, когда картина как бы живет сама по себе, дышит, двигается. В ней что-то происходит. Причем каждый видит что-то свое, тем и интересен данный опыт. И ты, и картина, и герои картины, и все многообразие пластов и смыслов,

вложенных художником, оказываются в едином 3D-пространстве. Это иной, параллельный мир, в котором очень интересно, но из которого можно выйти в любой момент. Ну, как? Нравится?

– Всегда знал, что ты удивительный талант, – ответил я. – Завораживает. Цепляет. Жаль, что народу так много, мешают.

– Сегодня открытие, понятно, что своя тусовка собралась. Приходи завтра. По утрам в галерее почти никого нет. Почему-то немцы предпочитают воспринимать искусство вечером.

– Да ладно, будто все русские ходят в Эрмитаж и в Третьяковку по утрам, – заступился я за немецкую тягу к культуре. – **Вечером мозг по-другому работает: он настроен внимать, анализировать, чувствовать. Утром мы спим – в прямом и переносном смысле.**

– Принимается, – кивнула Лина.

Я внимательно к ней присмотрелся:

– Слушай, а ты изменилась. Стала такая...

– Какая?

– Энергичная, но очень спокойная. Не знаю, понятно ли выразился.

– Понятно. Я действительно сейчас себя ощущаю именно так. Последнее время много путешествую, делаю потрясающие фотографии. Что, нескромно?

– В меру. Сама себя не похвалишь... – задумчиво ответил я, переходя к новой картине. – Но это тот самый случай, когда есть, за что хвалить. И все же дело не в путешествиях, ведь так?

– Не только в них. Открыла для себя новое направление йоги – сахаджа-йогу. Ты знаешь, очень развивает человека как личность, творчески и духовно. Все в жизни происходит легко, не нужно тратить большое количество энергии на достижение своей цели. Сахаджа означает спонтанно, а йога, как ты знаешь, переводится как союз с самим собой. Я попробовала и поняла, что это мое. Самое интересное, что сахаджа-йога, при всей своей медитативности, дает новый импульс в обыденной жизни. Все чувствуется острее, ярче.

– В последний раз в Париже была? – я кивнул в сторону еще одной картины. – Такое чувство, что, если прикоснешься к раме, **Париж** окажется прямо здесь.

– Угадал. Я возвращаюсь туда снова и снова. Как будто город держит меня, в хорошем смысле. В нем атмосфера влюбленности и флирта. **Для меня это город любви и исполнения желаний. Здесь испытываешь самые сильные чувства. Все вибрирует, даже сердце.**

– Ты что-то не договариваешь. Сердце вибрирует, но разбито?

– Я так тебе скажу, – ответила Лина. – Люди играют очень важную роль в жизни друг друга. Я благодарна всем, кто меня сделал сильной. **Неважно, что у человека в жизни происходило. За некоторые поступки нам порой бывает очень стыдно, но это только уроки, посредством которых мы можем корректировать нашу жизнь. Без ошибок и проколов мы не сможем найти свой путь. Иногда нам не хватает понимания и терпения, но все равно влюбляться – это круто! Столько эмоций может дать только экстрим и путешествия. И я все равно повешу**

свой замочек на мосту влюбленных в Париже. И думаю, что очень скоро.

Она извинилась и отошла к другим гостям.

– Вот мы и встретились, Саша, – раздался смутно знакомый голос.

Я обернулся.

– Мой черный человек из Питера?

– Вы совершенно правы, – кивнул Олег. – Не против, если мы с вами отойдем в сторонку и поговорим?

– Даже если я и против, то что это изменит? Вы за мной следили?

– Как можно! – он театрально поднял бокал с шампанским и выпил. – Как вы могли подумать? Эта встреча совершенно случайна.

– Как и первая, надо полагать, – холодно заметил я. – Что вам от меня нужно?

– В нашу первую встречу вы, Саша, были менее горячи и безрассудны. Впрочем... Если вы хотите конкретики, это существенно упрощает мою задачу. Что я хочу? Я хочу, чтобы вы отказались работать у Хога и перешли работать ко мне. Только и всего.

Только и всего. Я еще в первый раз срисовал мажорный прикид, дорогие часы и обувь ручной работы. И еще очень нехороший взгляд человека, готового идти по трупам.

– Зачем мне на вас работать? Что у вас есть такого, чего мне не может предложить Хог?

– Ваша жизнь. Вы не выживете, если останетесь с ним.

– Почему?

Он подозвал официанта:

– Виски.

Официант материализовался через секунду.

– Любите, когда люди исполняют ваши капризы?

– Люблю, – спокойно ответил он. – А вы нет? Люди делятся на два типа: те, у кого есть власть и деньги, и те, у кого этого нет. Проблема лишь в том, что при определенном стечении обстоятельств и власть, и деньги можно потерять. Но пока они есть, вы априори высшая каста. **Человек – существо гнусное и порочное. Ему нравится быть избранным, ему нравится, чтобы его обслуживали, и он от этого получает огромное удовольствие.** Вы с этим не согласны? Лукавите. Вам нравится на халяву получать подарки. Нравится селиться в лучших номерах или получать лучшие билеты на самолеты, в театры, на закрытые кинопремьеры. Вам нравится быть избранным, особым. Вы от этого ловите кайф. И этот кайф будет ловить любой человек. ЛЮ-БОЙ! Важно понимать, что каждый из нас стремится к кастовости. Только в Европе это нивелировано чувством долга, обязательствами, чувством национального самосознания и вообще порядочностью и скромностью, а у нас в России в любом индивидууме, дорвавшемся до денег и власти, просыпается быдло. Он тратит, тратит, тратит. И когда шкафы заполняются вещами, а холодильник деликатесами, такой человек хочет себе прислугу. И Бог бы с ним, но он хочет, чтобы прислуга его любила, чтобы крестьяне обожали своего милого барина и милую красивую барыню. А если народ не будет обожать, можно сумкой из страуса по морде, и чтобы золотой замок с бриллиантовой вставкой в кровь разбил лицо. Вы ведь сейчас слушаете меня,

Саша, и задаетесь вопросом, зачем я все это вам говорю. А я просто пытаюсь вам объяснить природу вашего хозяина.

– Нанимателя.

– Хорошо, пусть будет так – нанимателя. Рэм практически разорен. Через пару месяцев о нем никто и не вспомнит. Но это полбеды. Затеянная им экспедиция – чистейшей воды самоубийство. По этим лесам никто не сможет пройти. Там смерть.

– Это его выбор.

– Но не ваш. Вы играете в благородство. Но с кем? Рэм Хог – вчерашний день. Сегодня его можно списать. Он никто. Или же вы горите желанием защитить Номи? Тогда я рекомендую послушать вам это.

Он протянул мне маленький диск.

– Что это?

– Ваша Номи. Ваша прелестная Номи, которая сдала вас всех. Послушайте эти записи, посмотрите видео, а завтра я найду вас, и мы с вами поговорим. И думаю, что ваш ответ будет положительным.

* * *

– Ну, бывай!

Егор нажал на клаксон, и я улыбнулась. Хороший он парень. Довез до Питера. И даже до Пулково, за что ему отдельное человеческое спасибо.

Я купила билет на рейс и села в кресло в напряженном ожидании: до регистрации на посадку еще полчаса.

– Чего грустим? – в левой руке у меня оказался стаканчик с кофе, в правой – бутерброд. Я только сейчас поняла, что

очень хочу есть. Глотнула, откусила и только потом рискнула уточнить:

– Вы кто?

– Тебя как зовут, подозрительное дитя? – вопросом на вопрос ответил мой неожиданный собеседник.

– Номи. А вас?

– А вас, то есть меня, зовут **Андрей Меркушев**. И давай сразу на «ты», ок? А то когда я слышу «вы», сразу чувствую себя старым.

– Сколько вам... то есть тебе лет?

– Тридцать с гаком (приличным таким гаком). Давай сразу скажу, кто я такой, а то ты ешь мой бутерброд и думаешь, что он со стрихнином. Стереотипно мыслишь, подруга. Я – развратник, и решил тебя соблазнить.

– Не, для соблазна я слишком страшная. Твоя версия не катит. Бутерброд и кофе были вкусными. Есть еще?

Меркушев весело щелкнул пальцами и вручил мне новую порцию. Так фокусник достает беременную крольчиху из шляпы, и все в восторге. Я была в восторге.

– Держи. Хорошо, значит, ты страшная, и я соблазнить тебя не могу. Ну, или не хочу. Тогда ты дочка богатых родителей. И я буду требовать за тебя выкуп.

– Сколько?

Он посмотрел на меня и скривился:

– Тьфу, весь кайф обломала. Ты действительно дочка олигарха?

– Угу.

Он флегматично взял у меня стаканчик с кофе, отхлебнул и философски сообщил:

– Знаешь, жизнь на удивление банальная штука. Куда ни ткни – всюду дочки олигархов. Скучно-то как... Ладно, расслабься. Выкуп я за тебя просить не стану. Просто рядом посижу. Ты прикольная, с тобой разговаривать можно.

– И долго разговаривать собираешься?

– Часа три. Вылет задерживается. А ты куда?

– В Берлин.

Он хмыкнул:

– Что, очень надо в Германию?

– Очень-очень, – грустно сказала я.

– Если «очень-очень», то причина либо в любви, либо для тебя это вопрос жизни и смерти. Впрочем, любовь – тоже в какой-то мере вопрос жизни и смерти. Как-то мы разговаривали с **Дианой Арбениной** об этом, и из ее случайно брошенной мысли я переделал и сформулировал слоган альбома «Тригонометрия»: «Любовь – это наказание, неси его достойно!»

С ним было легко и просто, словно я встретилась с давним другом после многолетней разлуки. Я подумала, что **Андрей**, наверное, путешественник, бесшабашный и влюбчивый, постоянно попадающий в разные смешные и не очень смешные ситуации, предпочитающий общение с хорошими людьми. Меркушев нисколько не беспокоился о том, кто и что о нем подумает, чужое мнение для него явно безразлично. Зачем чужое, когда есть свое?

В нем чувствовалась особенная, драйвовая энергия. Кураж. Словно он привык жить на пределе скоростей, и не намерен их переключать или сбрасывать.

– Сам-то куда собрался? – терпеть не могу паузы в разговорах.

– В теплые края. С пересадкой во Франкфурте.

– На время или насовсем?

– Пока на время, в перспективе насовсем.

– Патриотизмом, получается, не страдаешь.

– Не страдаю, – он спокойно встретился со мной взглядом.

– У патриотизма никаких шансов. Как и у страны. Это как если бы встать у постели смертельно больного, да еще сумасшедшего, и говорить о том, что валерьянка нам поможет. Хочу свободную, светлую и цивилизованную, чистую страну, которая не машет флагами и не грозит всем кому ни попадя атомной бомбой. Политических взглядов не скрываю и регулярно пропагандирую мечты: заработать денег и окончательно свалить из России (прежде всего, из-за климата), хочу опять на теплое море, домик, любимого человека рядом, детей, семью. Обычные мечты необычного человека. Кстати, это не твой рейс, случайно, объявили?

– Ох, точно! А ты что будешь тут делать эти три часа?

Он озорно улыбнулся:

– Искать, кому пристроить билеты на концерт Стаса Михайлова. Вот отдам их какой-нибудь симпатичной барышне – и в самолет.

– Кто такой Стас Михайлов? – искренне удивилась я.

– Ты счастливый человек, Номи, – в голосе Меркушева прорезались грустные нотки. – Во-первых, ты понятия не имеешь о том, в какой стране находишься, а во-вторых, ты совершенно не знаешь, кто такой Стас Михайлов. Да, валить отсюда, валить...

Мы обменялись телефонами, и я направилась к паспортному контролю. Толстая усталая женщина с мелкими рыжими кудряшками взяла мой паспорт и посадочный талон и поставила штамп. Я прошла в Duty Free и, наблюдая за тем, как соотечественники скупают алкоголь, вспомнила о том, что мне сказал напоследок Андрей Меркушев:

– Если что-то не получается, пробуй. Пробуй, и не переживай о том, что иногда ты поступаешь совсем не так, как от тебя ожидали. Ты – не серебряный рубль, чтобы всем нравиться. Это раз. Иногда, чтобы выжить, приходится поступать подло и некрасиво. Но пока ты жива, ты всегда можешь придти и попросить прощения. Это два. И, наконец, третье. Любовь, Номи, классная штука. Если только она не уничтожает тебя. А теперь иди и сделай их всех в Берлине. Просто иди и сделай!

* * *

Даже сквозь куртку я чувствовал, какой тяжелый и неприятный этот маленький диск, на котором записана вся подноготная дорогого мне человека. Диск лежал в районе сердца, как тарантул, готовый в любой момент смертельно укусить. Мне не хотелось его смотреть. Я не хотел ничего знать о другой Номи, не хотел слушать записи разговоров и смотреть видео. И одновременно мне было больно и обидно. Мне казалось, что она меня предала.

Я зашел в какой-то бар, занял столик в углу, заказал белое вино и включил айпад. Сейчас мне был необходим разговор с тем, кто мне всегда помогал разглядеть самые различные обстоятельства под правильным углом.

Watchman был в сети.

Я кратко обрисовал ситуацию,

– Вы обижены, Саша, но обижены не на Номи, а на тот образ, который создал для вас совершенно чужой человек, и с которым лично вы согласились. Вы еще не знаете, что именно совершила эта девочка, почему она это сделала, но вы уже сделали выводы и осудили ее. Ведь так?

– Вы правы, – смущенно признал я. – Я, наверное, поспешил.

– Это, к сожалению, довольно типично: **мы всегда честны, безупречны и порядочны, мы всегда неподкупны и объективны.** Парадокс в том, что все это происходит исключительно в нашем сознании. То есть в собственных глазах мы всегда и во всем правы. Другие могут ошибаться, мы – нет. И как просто при таком положении дел осудить другого человека. Вот вы написали слово «предательство». Не слишком ли поспешное и громкое обвинение? Вы даже не видели, что записано на диске.

– Просто больно, когда предают самые близкие.

– Саша, вы до сих пор не поняли одну простую истину – **самую большую боль причиняют нам только самые близкие люди.** И именно их мы обвиняем в изменах, в предательствах, именно на них мы обижаемся. Но что есть обида? Это всего лишь наши ожидания, которые по каким-либо причинам не исполнились. Мы ждали, что человек поступит определенным образом, а он поступает совсем иначе. И мы обижаемся.

– И что же мне делать?

– Расслабиться. С плеча рубить лучше утром. А пока послушайте музыку. Отдохните, вы ведь где-то в ночном Берлине сейчас?

– Именно.

– Вот и отдохните. Знаете, чем хорош Берлин? В нем удивительным образом сочетаются все жанры и музыкальные формы. Можно за один-два вечера получить общее представление, как будет развиваться европейская музыка в ближайшем будущем. И, кстати, сделать заранее ставки на «EUROSONG»: в Берлине особенно четко понимаешь, кто будет в музыкальном тренде на ближайшие полгода.

Я внял совету. Бар я выбрал очень удачно: шоу-программа была интересная и разнообразная. Я подумал, что Watchman, как всегда, сумел сконцентрировать мое внимание если не на самом главном, то на важном. Скоропалительные решения нельзя принимать ночью, а вот окунуться в многообразную музыкальную жизнь – почему бы и нет?

На сцене симпатичная девчонка весьма талантливо исполняла песню Лены Майер «Саттелит», и мысли перескочили на конкурс «EUROSONG». Не устаю поражаться тому факту, как этот конкурс выявляет лучшие качества людей. **Макс Кранин, сотрудник пресс-службы телеканала «Россия»,** считает, что все дело в том, что на «EUROSONG» всегда царит особая атмосфера – любви, понимания и праздника.

– Есть что-то волшебное и совершенно необъяснимое, – сказал мне как-то Макс, – в том, как раскрываются люди во время этого конкурса, причем не только артисты, но и

журналисты, организаторы, зрители. Всех объединяет радость и музыка. Во время конкурса в Баку работал с замечательными Бурановскими бабушками. Мы не могли поверить, когда они отказались жить в отеле «HILLTON». Так и сказали организаторам: «Очень высоко, мы так не привыкли». Вот это было нечто: номера заказаны, оплачены, а бабушки жить там не хотят. Селить-то их надо, им же выступать! Начали прорабатывать все связи, и, о боги, EMIN нам помог. Он ко всем своим певческим талантам еще и владелец отеля «SEA BREEZE» на берегу каспийского моря. Договорились, поменяли забронированные номера на виллу отеля. Бабушки были счастливы, мы довольны. EMIN оказался приятным европейским предприимчивым человеком. Традиционную русскую вечеринку решили делать там же, в отеле. Это была самая большая вечеринка за все время «EUROSONG».

Вечеринки, конечно, дополнительный повод для радости, но я и по себе заметил, что, когда приезжаешь на «EUROSONG», чувствуешь себя необыкновенно свободным и открытым всему миру. То же самое, к примеру, отмечала и моя помощница **Лена Коротенко**. Жизнь у нее довольно непростая, по мне так и сложная. В ее семье восемь детей: как шутит сама Лена, у них всегда в доме был мини-детсад. С четырнадцати лет Лена пошла работать, обманув работодателей насчет своего возраста. Она вообще, как пацанка, только голос необычный – низкий, как бы прокуренный. Лена знает об этом и умеет мастерски пользоваться этим: поклонников у нее масса. Когда я предложил ей поехать со мной в качестве помощницы на

«EUROSONG», она сначала не поверила, что такое возможно. Эта поездка стала для Лены волшебными каникулами, и она до сих пор об этом вспоминает с радостью и удовольствием: «Больше всего меня поразило, что у артистов, даже самых известных, нет никакой звездности и пафоса, – сказала она. – Здесь все, как одна семья».

Этот конкурс меняет людей, иногда кардинально.

Я снова коснулся диска. Очень хотелось его посмотреть перед тем, как передать Рэму. А в том, что это нужно сделать, ни секунды не сомневался. Вот надо – и все тут.

Машинально зачекинился на Foursquare, и увидел поблизости чекин **Андрея Вяземского**. Забавно, но мы с ним обычно сталкиваемся именно вот таким образом: в какой-нибудь стране. Вяземский знает шесть языков, чему я, признаться, завидую белой завистью. Андрей владеет группой компаний «Сокол-Инвест», которая занимается инвестированием, кредитованием и, конечно же, работает с нефте- и газо-добывающими компаниями, имея крошечный – на сегодняшний день – процент акций некоторых гигантов в этой отрасли. Больше всего Андрею нравится разбираться с тем, как работают деньги при непосредственном инвестировании. Интересно ему и то, как на самом деле «легализуются» огромные потоки денег и какими путями они уходят в оффшор. Но, опять-таки, это не цель жизни, а скорее «отпуск» для мозга, подготовка к новому и более интересному проекту в сфере медиа и 3D-технологий.

Я хотел позвонить Андрею и договориться о встрече, но, взглянув на часы, понял, что, наверное, уже не стоит этого делать. Почти утро. И мне пора к Рэму.

Выполнить ту часть своей работы, которую выполнять совершенно не хочется.

* * *

– Ну и зачем ты притащил меня на мюзикл? Я тебе сто двадцать пять раз сказал, что терпеть их не могу.

– Затем, что я назначил встречу Номи. Она должна прийти сюда.

Рэм насупился и отвернулся. У него было самое отвратительное настроение, которое только может быть.

...Когда я приехал, он уже завтракал на террасе. От вчерашней попойки ни следа. На столе газеты, сводки котировок. Собран, энергичен, с тонким флером дорогого одеколона. Я молча положил диск на стол рядом с кофейной чашкой.

– Что это? – Рэм мгновенно подобрался, как хищный зверь, и я понял, что все это уже было в его жизни.

– Компромат.

– От кого?

– Тот человек сказал, что вы сами все поймете.

– На кого компромат?

– Номи.

Он молча вставил диск в компьютер и знаком приказал сесть рядом. Закурил сигарету. И я с изумлением понял: у Хога дрожат пальцы.

Несколько роликов, склеенных между собой. Номи в постели с моим давешним визави. Номи на прогулке. Номи в ресторане. Номи разговаривает об отце. Номи разговаривает обо мне. Зло, сухо. Отрывисто и всегда с издевкой. Человек

на пленке постоянно провоцировал ее на разговор, и, казалось, Номи не замечала провокаций. Было видно, что она страстно влюблена, и что для нее весь мир сосредоточен только в одном единственном человеке.

Когда запись закончилась, возникло лицо давешнего черного человека.

– Много лет назад ты уничтожил меня. Ты распорядился моей жизнью так, как посчитал нужным: наши со Светланой судьбы для тебя не играли никакой роли. Пришло время для ответного удара. Как видишь, я жив и здоров и даже смог соблазнить твою дочь. Она милая девочка. И она ненавидит тебя так же, как я ненавижу тебя. Ты искал крысу в своем бизнесе. Эта крыса – Номи. Рэм, ты даже не представляешь, как много я знаю о тебе! Вплоть до пароля к твоим банковским счетам. У меня на руках документы, за которые тебе дадут срок в любой стране мира, куда бы ты ни приехал. Но я предлагаю тебе сделку: мы устроим охоту. Помнишь, как мы охотились? Так вот, ты будешь жертвой. Я охотником. В Мексике. Охота на кабана – это прекрасно! Когда я найду тебя, а я найду, я сделаю с тобой все, что посчитаю нужным. Но зато твоя девка останется жива. Нежданов рядом? Думаю, да. Следующее мое сообщение для него. Саша, мое предложение в силе. У вас еще есть время хорошо подумать и сделать правильные выводы. Рэм, у тебя пять дней форы. После чего я найду и уничтожу тебя. Подумай, как красиво покатится твоя голова с великой пирамиды майя.

– Это Олег?

– Он самый, – Хог устало потер виски. – Он предложил тебе деньги?

– Деньги и работу.

– Ты свободен. Можешь идти. Наш контракт разорван.

– Да неужели?

– Саша, этот человек не шутит. У него есть право мне мстить. Так что советую воспользоваться его предложением. Судя по всему, в ближайшее время он станет очень богатым. А я буду разорен. Поделом.

– У него есть право мстить, согласен. Но вам, Рэм, а не Номи. Вы понимаете, что он с ней сделал? Нет, я не говорю о том, что он уложил ее в постель. Он ее уничтожил. Она же ему поверила, как не верила никому из нас. Олег использовал вашу дочь и выбросил, как ненужную тряпку. Да, она много чего наговорила, не спорю, в том числе очень обидные для вас и для меня вещи. Но, согласитесь, у нее было на это право. Она искала любви, внимания, заботы, а что получила взамен? «Номи, иди вон, Номи, сейчас не до тебя». Рэм, как на самом деле зовут вашу дочь?

Рэм поднял постаревшее лицо и непонимающе на меня уставился:

– В смысле?

– Какое имя ей дали при рождении? Номи – это «нет меня». Это кличка. Маска. Какое ее настоящее имя?

– Не знаю. У нее даже в паспорте это имя стоит, – ошарашенно произнес Рэм. – Мне никогда в голову не приходило, что ее могли звать иначе.

– А если так, **есть ли у нас с вами право обижаться на девочку, которая просто запуталась и сейчас, как никто, нуждается в помощи? Даже если она и предала.**

– Я не говорил, что она меня предала, – вдруг с силой сказал Рэм. – Она просто нанесла мне удар, а я умею держать удары. Это моя дочь! Вся в меня! И когда мы ее найдем, я ее, конечно, выпорю как следует, но потом никуда не отпущу. А теперь иди, Саша, сейчас рядом со мной неспокойно. За Олегом стоят очень серьезные люди, у меня же не в первый раз пытаются отобрать бизнес. Так что тебе лучше сейчас собрать вещи и уехать.

– Вот прямо так взял и собрал! – огрызнулся я. – Вы хотите, чтобы я пропустил самое увлекательное приключение в своей жизни? Ну, уж нет! Скажите, что вас жаба душит платить за мой билет. И пусть! Я сам себе его куплю! В конце концов, до того, как стать банкротом, вы мне платили весьма неплохую зарплату.

Рэм откинулся назад и вдруг захохотал:

– Ну ты даешь, Нежданов!..

Но сейчас его настроение существенно ухудшилось, время от времени Рэм с кем-то созванивался и мрачнел с каждой минутой. Немудрено, что его так раздражала толпа, предвкушающая премьеру мюзикла.

Воспользовавшись тем, что Рэм в очередной раз отвлекся на разговор, я удрал за кулисы, чтобы пообщаться с исполнителем главной роли в мюзикле **«Бал вампиров» Иваном Ожогиним**.

Иван на сегодня, пожалуй, самый востребованный театральный артист, он занят в многочисленных спектаклях, является лауреатом российских национальных премий **«Музыкальное сердце театра»** и **«Золотая маска»**, я очень

люблю слушать в его исполнении русские романсы и известные арии из многочисленных мюзиклов.

В Петербурге я смотрел этот мюзикл несколько раз, и считаю, что Иван – лучший исполнитель роли графа фон Кролока. И сейчас мне было очень любопытно, насколько Ожогин понравится немецкой аудитории, которая так же, как и американская, просто обожает мюзиклы.

Я опасался, что у Ивана не будет времени на общение со мной перед спектаклем, но пару минуток он для меня все же нашел. В гриме и в костюме Иван выглядел просто великолепно.

– Приятно, что в зале будут соотечественники, – улыбнулся Ожогин. – Надеюсь, услышать от тебя «браво!», хотя немцы более открыты в проявлении своих эмоций.

– Буду кричать громче всех, – пообещал я. – Все не было случая поблагодарить тебя.

– За что?

– **Благодаря нашим с тобой разговорам и твоей силе убеждения я все-таки стал вегетарианцем.**

– Отличная новость! Надеюсь, ты теперь согласен, что это дает дополнительные силы и энергию, чувствуешь себя совсем иначе, да и о лишнем весе нисколько не беспокоишься.

– Есть такое. Так что считай, что я твой последователь.

Мы услышали второй звонок, и я был вынужден покинуть примерку. Едва успел войти в зал и плюхнуться рядом с Рэмом, как погас свет.

– Где тебя черти носят? – прошипел он.

– Номи здесь? – вопросом на вопрос ответил я.

– Не видел ее.

На нас шикнули, пришлось замолчать.

В антракте Рэм отправился в бар, так как его эмоциональное напряжение было на пределе, и ему явно требовался крепкий допинг. Я же слонялся по фойе, выглядывая Номи. Но вместо нее столкнулся с **Александром Казаковым**. Признаться, этой встречи, да еще в Берлине, я не ожидал.

Саша родился в Алтайском крае, в Бийске. Его родители были военными, и детство Казакова было кочевым: семья постоянно переезжала из гарнизона в гарнизон. Поэтому своей малой родиной Саша называет всю Сибирь, которую изъездил вдоль и поперек! Возможно, именно поэтому его всегда тянуло в дорогу, и дух путешественника он впитал, как говорится, вместе с молоком матери. А если добавить к этому еще и ежегодные поездки с родителями в отпуск, благодаря которым он побывал почти везде на Северном Кавказе и искупался в Черном море от Одессы до Батуми, то можно понять, почему он просто не в состоянии засиживаться на одном месте. Круг его интересов самый разнообразный – от иностранных языков до каратэ Киокушин-кай, которому Казаков посвятил целых восемь лет. Выигрывал различные турниры, вплоть до юношеского чемпионата России. В институте он всерьез увлекся КВН: играл как в городских командах, так и в сборных, что позволило не только снова путешествовать по стране, но еще и реализоваться как человеку с хорошим чувством юмора, а также как человеку пишущему и человеку поющему. Казаков участвовал в кастингах на многие телевизионные

музыкальные проекты – «Фабрика звезд», с первой по четвертую, «Народный артист». Почти всегда доходил до финала отборочных туров, но, видать, Богу было угодно, чтобы он все-таки возвращался домой и занимался другими делами. Иными словами, звезды российской эстрады из него не получилось. Но, как шутит сам Саша, все, что ни делается, – к лучшему! Сейчас он работает в медийной сфере, занимается собственными проектами.

Однако, зная патриотизм Казакова, я все же удивился, увидев его на немецкой премьере «Бала вампиров».

– Какими судьбами? Случайно здесь или по делу?

– Все случайности, Саша, по делу. Готовим интересный проект с Ожоговым, вот и решил совместить приятное с полезным: и отдохнуть, и поработать. А ты как здесь оказался?

– У меня здесь встреча назначена, – рассеянно ответил я.
– С одним человеком.

– Все-таки, Нежданов, ты большой оригинал. Уже и встречи назначаешь в Берлине, на премьере. С кем хоть встреча?

– Ты девушку не видел здесь – худенькую такую, немного странную?

– Был тут человеко-фейк предположительно женского пола, в полосатых носках и шапке с помпоном. Не эту ли красавицу разыскиваешь? – Саша показал мне отснятые кадры.

– Она самая! Давно видел?

– Еще до начала спектакля.

– Черт!

– Найдешь, никуда не денется! – сказал мне вслед Казаков, но я уже рванул к выходу. Вдруг она там?

* * *

Я сразу их увидела. Они выделялись в этой черно-серой толпе, как цветные пятна. Сашка нацепил бордовый шарф а-ля Гарри Поттер, и его яркая куртка казалась мне маяком. Отец, правда, надел короткое черное пальто, но под пальто был ослепительно белый свитер. Не заметить его было невозможно.

У меня заколотилось сердце: они ждали меня. Я хотела броситься им навстречу, но колени предательски дрожали. Мне было страшно. Если они сюда пришли, то, скорее всего, ничего обо мне не знают. Но это вопрос времени. Они никогда не простят того, что я сделала. Никогда. Оба настолько гордые, настолько жесткие, что своим предательством я для них практически умерла. Отец все время разговаривал по телефону и оглядывался. Надо идти. Я поправила дурацкую шапку с помпоном, которую купила в аэропорту и, набравшись смелости, сделала шаг вперед.

И застыла. В пяти метрах от меня стоял Олег. Рядом с ним Селена. Значит, и они тут. Я смотрела на мужчину, без которого еще несколько недель назад не представляла дальнейшей жизни. Этот мужчина был со мной. Признавался мне в любви. Приносил кофе в постель. А сейчас он стоял и по-хозяйски обнимал мою мать. Точнее, женщину, которая была моей биологической матерью. Наверное, это забавно: спать одновременно и с матерью, и с дочерью. Мне не было больно. То, что умерло, не может болеть. В душе царила

пустота: он выжег мою личность, мою хрупкую уверенность, уничтожил доверие и любовь. Ничего не осталось.

Я потрогала браслет, подаренный Дэбом, и осторожно приблизилась к ним, стараясь остаться незамеченной. Номи в кустах. Классика жанра.

– Ты уверен, что она появится? – спросила Селена.

– Уверен. Твоя дочурка не в курсе, что я рассказал обо всем Хогу и Нежданову, идти ей некуда, так что она будет здесь если не к первому акту, то ко второму. Она по-прежнему тебе нужна?

– Пригодится. Зачем давать Хогу лишний козырь?

Чья-то ладонь мягко закрыла мне рот и потянула на себя. Крикнуть я не успела.

– Тише, – прошептал знакомый голос.

Я увидела Дэба.

– Зачем так рисковать? – спросил он меня укоризненно. – В этих людях зло.

– Хотела подслушать. Только не говори мне, что и это тоже нехорошо.

– Подслушать? Ты – человек-слух. Ты бы могла услышать их мысли и на расстоянии, если бы захотела.

– Я боюсь слушать. Мне кажется, что все вокруг ненавидят меня.

На красивом лице индейца проступила рябь недоумения:

– **Что есть ненависть, девочка? Ненависть – это твои мысли, только и всего.**

– И чувства других людей.

– **Ты не можешь знать достоверно, что чувствует человек по отношению к тебе. Даже если он скажет, что**

любит тебя, как ты можешь быть в этом уверена? – короткий кивок в сторону Олега. – **Разум не умеет слышать. Слушает сердце, слушает душа.** И что они тебе говорят?

– Что я хочу домой. Только не знаю, где он.

– Дом там, где тебя ждут. Я отвезу.

...Полтора часа ожидания. Я сидела в кабинете, забившись в угол дивана. Меня трясло. День за днем я перебирала свои воспоминания, нанизывая их на леску отчаянья. Не простят. Не простят. Не простят. И Саша не простит, что из-за моего тщеславия и увлечения недостойным человеком он лишился своей самой главной мечты – своей идеальной страны. Сколько раз я хотела ему рассказать, что та подстава произошла из-за меня! Олегу очень хотелось стать новым графом Монте-Кристо. На роль Дюма он отвел Нежданова. Почему бы и нет? Пишет хорошо, связей и друзей много. Можно сделать красиво.

Любимая фраза Олега. Можно сделать красиво. Она прорывалась сквозь выстроенный и склеенный образ, и подсказывала, она буквально вопила, что это не мой человек, что он не тот, за кого себя выдает. Я не люблю, чтобы было красиво. Я люблю, чтобы было по совести. Точнее, любила. Сейчас все не по совести.

Я услышала шум покрывок: автомобиль остановился у входа. Наверное, Дэб сказал им, что я здесь, потому, что отец сразу прошел в кабинет, а Нежданов ушел к бассейну.

– Здравствуй, Номи, – голос отца был ровным, гладким, как шелк. Я соскользнула с него в новый круг пустоты.

– Здравствуй... папа.

– Я беспокоился.

С трудом выбралась из своего импровизированного логова и подошла к нему. За свои поступки надо отвечать. Так меня учили. Я взглянула в его глаза, но не увидела в них ни холода, ни ненависти.

– Ты все знаешь, – слова хрипели и срывались. – Ты все знаешь о моей связи с Олегом. И что я... Я уйду, если ты меня прогонишь, но я все равно поеду за тобой и буду рядом.

– Почему, Номи? – мягко спросил он.

– Что почему?

– Почему ты поедешь за мной?

– Потому что дороже тебя у меня никого нет. Ты считаешь любовь слабостью, но я люблю тебя. Говорят, что родство по крови не всегда бывает крепким, что лучше быть родным по духу. Но у нас с тобой одна кровь, и как бы ты ко мне ни относился, я все равно люблю тебя.

Он стоял передо мной и молчал.

– И еще. Я не сливала информацию Олегу. Я все это время давала ему неточные данные. Внешне достоверные, но каждый раз там была погрешность. Так что с твоим бизнесом все в порядке.

– Я знаю, Номи. Мне хватило нескольких телефонных звонков, чтобы понять это. И еще мне хватило нескольких дней, чтобы понять одну вещь.

– Какую?

– Ты моя дочь. И я все же тебя люблю.

Он прижал меня к себе, и я почувствовала, как ледяная пластина, сковывавшая мою грудь восемнадцать лет, вдруг лопнула. Стало просто и спокойно. Теперь я не одна.

– А теперь поговори с Неждановым, – прошептал отец. – Он более, чем я, нуждается в объяснениях.

* * *

Я вышел к бассейну. Полная пустота в душе и мыслях. По глади воды плыли осенние листья, подсвеченные садовыми фонариками. Плыть им некуда – замкнутое пространство. Через полчаса из темноты сада выскользнула Номи.

– Я знаю, что ты меня никогда не простишь, Саша, – вид у нее был измученный. – Если бы все можно было изменить, я бы никогда не стала так подставлять тебя. Мне нет оправдания.

– Подожди, я сейчас...

Когда я вернулся, Номи сидела, сгорбившись. Из-под тонкой футболки выступали острые худые лопатки, словно замершие в своем развитии крылья. Я набросил ей куртку на плечи и протянул мороженое.

– Мороженое? Мне?

– Попробуй, пожалуйста, это важно.

Она развернула обертку и равнодушно откусила кусочек.

– Вкусно?

– Нет. Противный какой-то вкус.

– Я хочу тебе рассказать одну историю. Просто ешь мороженое и молча слушай. Однажды, несколько лет назад, в концертном зале «Дзинтари» шла репетиция. Возле ограды толпились зрители. Всем же интересно посмотреть, как известные артисты готовятся к концерту. В толпе была очаровательная девочка **Лена Давыдова** вместе со своей мамой Ольгой. Лена тогда только закончила колледж, и ей

подарили фотоаппарат. Среди фотографов Лена увидела меня и сказала маме: «Вот это Александр Нежданов, я его снимки видела. Представляешь, он общается со звездами! Хорошо бы с ним пообщаться и взять пару уроков».

А еще через два года мы встретились с Леной и ее мамой на «EUROSONG» в Германии. Причем первой меня вспомнила **Ольга Давыдова**, мама Лены. И мы не только пообщались, но и стали хорошими друзьями. Знаешь, у Лены все складывалось просто отлично, пока она не заболела.

– Зачем ты мне все это рассказываешь?

– Не перебивай меня. Пожалуйста. Твое мороженое тает. Так вот, Лена заболела. Молодая, красивая, жизнерадостная девчонка оказалась в вакууме, окруженная болью и страхами. В этой ситуации можно было бы опустить руки, отчаяться, Лена поступила иначе: она стала бороться за себя, и сегодня прислала мне по электронной почте письмо. Я спросил ее, могу ли я прочесть его тебе. Мне кажется, что это очень важно для тебя. Лена разрешила. Прочти это письмо, пожалуйста...

...Когда-то очень давно, еще в детстве, так сложились обстоятельства в моей семье, что я жила у бабушки и дедушки в Эстонии. Однажды, когда мне было года четыре, я пошла встречать дедушку с работы, и он купил мне мороженое. Мороженое было очень вкусным, и когда дед попросил: «Лен, дай, попробовать!», я серьезно ответила:

– Что там пробовать? Мороженое как мороженое. И оно мое!

Эпизод вроде незначительный, так сказать, проходной, но сейчас я постоянно к нему возвращаюсь. Даже самый

привычный вкус в одночасье может измениться: стать более сладким, горьким, кислым. Так сложилось, что очень многое в жизни пришлось переосмыслить, и вкус многого для меня навсегда изменился. И вкус мороженого после того, как я по-детски обидела дедушку, тоже для меня изменился.

Я не верю в случайности. Каждое событие ведет к другому событию, то есть не существует проходных дней и встреч. И людей проходных не существует: **если мы кого-то встречаем, то этот человек для чего-то послан нам судьбой. Он нам нужен здесь и сейчас. И глупо его терять, даже если он сделал тебе больно.** Боль на то и боль, чтобы ее прожить и получить новое знание, новый опыт о себе и о мире.

Жизнь удивительная штука. Вроде все у меня шло ровно, гладко, все складывалось просто идеально. Ходила на встречи с друзьями, в клубы, занималась спортом и фотографией. И вдруг все изменилось. Я, спортивная девочка, вдруг подхватила чудовищную хворь, и вся жизнь перевернулась. Я замкнулась, мой мир, общение сократилось в разы. Фактически я осталась одна, только мама меня поддерживала. Сказать, что я переживала, – ничего не сказать.

Наверное, каждый в такой ситуации задается вопросом: «Почему именно я? Для чего мне это дано?» И здесь важно не обвинять мир, людей, обстоятельства, здесь важно понять, что ты сам сделал не так и как ты сам можешь себе помочь.

Когда я стала разбираться в причинах своей болезни, то удивилась, что так много людей вокруг страдают этим же недугом, перечитала уйму историй и советов по поводу выздоровления. Не сдалась, хотя порой было страшно за себя, стала работать над собой, применяя разные методики. Было

жутко, ведь помочь себе, по большому счету, в этой ситуации может только сам человек. Я верила: свет в конце тоннеля обязательно появится. И он появился! Шаг за шагом я преодолевала то испытание, которое было мне отпущено. Видимо, мне надо было пройти через это. И теперь я знаю, что мороженое **ОЧЕНЬ** вкусное. Жизнь, вкус к жизни у меня теперь другой!

После пережитого я стала ценить окружающих людей еще больше, стала менее эгоистичной, хотя мама говорит, что я и в детстве не могла пройти мимо бедных животных, которых злые люди заставляют зарабатывать деньги. Я их всех хотела забрать домой, накормить, обогреть. Чем я сейчас живу? Да всем окружающим, как бы банально это ни звучало. Утром иду на работу и радуюсь рассвету, зелени, людям, все это фотографирую, на работе я посвящаю свое время спорту, в выходные совмещаю и то, и другое. Жизнь для меня засияла новыми красками. Я преодолела угрюмость и собственные страхи. Я открыта для всего нового, удивительного, с чем и кем мне еще предстоит познакомиться в этой жизни. Это и любовь, любовь к своей второй половинке, любовь к своим будущим деткам, любовь к путешествиям, познанию мира и себя самой! Главное, я знаю, что смогу справиться с испытаниями, что из любой ситуации есть выход, и даже не один. Их много, важно только заметить все варианты. И сейчас я с преогромным удовольствием дала бы попробовать то самое мороженое всем, кто бы меня об этом попросил. Ведь вкус у него замечательный!

Номи плакала. Потом рефлекторно доела мороженое.

– Вкус изменился, – хрипло сказала она, стараясь не встречаться со мной взглядом. – Клубничное.

– Мне не за что тебя прощать, Номи, – сказал я. – Ты поступала так, как считала нужным, но сейчас я понимаю природу твоих поступков и мотивов. И я очень ценю, что ты к нам вернулась. Вернулась, зная, что и я, и твой отец можем отвергнуть тебя снова. И знаешь что? А я рад, что нас ждет впереди удивительное приключение. И я готов с тобой его до конца пройти. Ну, если ты, конечно, не против.

Она всхлипнула, и я обнял ее за тощие плечики. Потом почувствовал, что нас накрыли еще одни объятия – большие, теплые, полные боли и раскаяния. Рэм обнимал нас, и, кажется, плакал. Или **это был обычный берлинский дождь, который приходит поздней ночью и смывает все обиды и подозрения.**

МЕКСИКА

...Говорят, что где-то в непроходимых лесах Мексики археологи нашли затерянный древний город майя. Город состоит из пятнадцати пирамид, самая крупная из которых имеет высоту двадцать два метра. Рядом с пирамидами есть заросшие площадки для игры в мяч, стелы и рыночные площади. Город полностью покрыт джунглями. Археологи надеются, что изучение этого города поможет понять причину падения цивилизации майя.

– Глупости, – ответил Дэб, когда я рассказал ему эту историю. – **Ни один народ до конца не исчезает. Особенно майя. Они ушли в другой мир, когда поняли, что этот сошел с ума.**

– Через Долину?

– Возможно.

Это был наш девятый вечер в джунглях. И я уже привык к доминированию зеленого цвета. Раньше я даже не представлял, сколько оттенков бывает у зеленого. Поначалу мы с Номи даже играли в игру, придумывая определения: темно-ящеричный, незрело-банановый, веселый тинистый. Обезьяны, туканы, попугаи, змеи, бесконечные игуаны. Кругом лианы, растущие горизонтально и вертикально, колючки, жара и влажность, минимум воды.

И если днем прогулка по лесу была еще более-менее приятной, то ближе к ночи становилось не по себе. По земле ползали ядовитые пауки, в чаще раздавались чавкающие и грызущие звуки, от которых Номи бледнела и забивалась в палатку.

С каждым днем идти было сложнее, случалось, что Дэб буквально прорубал нам путь с помощью мачете. Иногда его сменял Рэм, и тогда наша скорость существенно падала. Пару дней шел дождь, и тогда Дэб разбивал лагерь, объясняя, что при плохой видимости мы потеряем правильный путь. Никто не возражал. Похоже, передышка была нужна всем.

К четвертому дню я плюнул на условности, и пробил ножом новые дырочки в своем фирменном ремне от **Louis Vuitton**. Мода модой, но идти по джунглям со сваливающимися штанами не очень умно. Питались мы от случая к случаю, и я худел так быстро, что начал опасаться: обратно вернусь сорокового размера. Из-за того, что мы экономили воду, горячую пищу почти не готовили: питались консервами и только что созревшими фруктами. Признаться, если бы сейчас Ожогин начал меня агитировать за

вегетарианство, я бы, наверное, был категоричен: хочу мяса, мяса хочу.

Нас было всего четверо. Дэб, Номи, Рэм и я. Мы сознательно отказались от носильщиков, и тащили наши пожитки сами. Это было нелегко, но с другой стороны, мы точно знали, что можем положиться только на себя.

– Проводники в этих краях ненадежные, – сказал Дэб. – При малейшей опасности уходят, оставляя белых туристов на съедение джунглям. Здесь много групп пропало, особенно в последнее время. Все ищут источник молодости.

– А ты его видел?

В его глазах что-то мелькнуло, но Дэб не ответил. Мы сидели вдвоем у костра. Номи ушла спать, а Рэм, по новой традиции, заглянул в палатку пожелать ей спокойной ночи.

– У них все будет хорошо, – ответил Дэб и поворошил костер. – Вы, белые, так категоричны и жестоки, что забываете одну простую вещь: **пока человек живет, он меняется. В лучшую или в худшую сторону, тут уж от самого человека зависит, но меняется.** У Рэма была гнилая юность, его окружали гнилые люди, и он решил, что и мир, и все остальное человечество также не лучшего качества. Но он ошибся. **Человеку нужно для кого-нибудь жить.** Не для чего-нибудь! Все ваши европейские фишки (я правильно это произнес, Саша?) – карьера, деньги, недвижимость, золото, слава и власть – ничего не стоят. В том мире ты гордился своим телефоном, здесь это совершенно бесполезная вещь. Здесь намного важнее спички и еда. А твоя фирменная и дорогая одежда нужна лишь для того, чтобы ты в ней чувствовал себя комфортно.

– Просто там не джунгли.

– Там тоже джунгли. Каменные. Может быть, они даже опаснее. Здесь мало людей. А там масса безумцев, готовых уничтожить мир, в котором они живут. Ради чего? Ради власти, амбиций, денег... Эти джунгли истинные, Саша, они помогают понять, что в жизни действительно важно.

– И что же?

– Еда. Вода. Тепло. Крыша над головой. Друг. Любимый человек. Ребенок. Все остальное излишки, которые делают нас слабыми. Ведь так, Рэм?

– Заснула, – сказал Рэм и присел рядом с нами. – Ты прав, Дэб. В этих джунглях думаешь по-другому, словно мозги прочищаются.

– Как вы думаете, они нас догонят? – спросил я.

Не стоило объяснять, кого я имел в виду. Рэм вопросительно посмотрел на нашего индейского провожатого. Тот закрыл глаза и прислушался, его тонкие ноздри раздувались, как у огромной кошки, готовой к прыжку.

– Они в двух днях пути. Мужчина. Женщина. Восемь человек охраны. Шестеро носильщиков. Они идут медленно и шумно, и не тем путем, что мы. Натта уводит их в сторону.

– Натта? Ваша жена? Но как вы позволили своей женщине быть там?! Это опасно!

Рэм примиряюще коснулся моей руки:

– Натта умерла, Саша. Много лет тому назад. Они с Дэбом ждали ребенка, первенца, и приехали в деревню к врачу. Там произошло военное столкновение. Вырезали всех. Только Дэбу удалось спастись.

– И теперь Натта... – непонимающе протянул я.

– Натта – дух, – терпеливо ответил Дэб. – Ее сердце в твоём браслете и в браслете Номи. Ее душа в каждом дереве здесь и в моей душе. **Никто не умирает. Мы продолжаем жить здесь – в наших близких, в природе, в вещах и домах. Натта тоже живет рядом со мной и во мне.**

– Так вот почему вы хотите попасть в Долину, – догадался я.

– Ты все правильно понял, Саша. Я хочу попасть в сон, где мы с Наттой вместе, где мы молоды и ждем рождения нашего сына. И если духи будут благосклонны к нам, мы туда попадем. Не переживай о тех, кто идет вслед за нами. У них другой путь. Он не совпадает с нашим. **Это только кажется, что не совпадающие пути могут пересечься. Они всегда параллельны.**

– Значит, все угрозы Олега...

– Блеф, – кивнул Рэм. – Олег всегда любил красивые фразы и многоходовые игры. Только он никак не мог понять, что есть люди, которым не нужна многоходовка, они уже со второго хода ставят шах и мат, понимаешь? Думаю, из джунглей они выберутся без особых потерь. Насколько я помню, Светлана никогда не была сторонницей походной жизни.

– У нее действительно есть дар?

– Есть, – кивнул Рэм. – Этот дар передался и Номи. По-своему, конечно, но передался. Только Света не смогла им распорядиться грамотно, и, как говорит Дэб (я ему в этом плане доверяю), со временем все мистические способности колдуньи Селены угаснут.

– Боги дают нам таланты затем, чтобы мы ими делились. **Чем сильнее и больше твой дар, тем чаще и щедрее им надо делиться. Боги любят щедрых душой – и ваши боги, и мои,** – добавил Дэб.

– Ну а вы, Рэм, какую бы вы жизнь хотели? – поинтересовался я.

– Я когда-то был неплохим ученым. Подавал надежды. Давно, правда, это было. Потом решил, что деньги – это все, что мне нужно. Тогда многие так думали: наука умирала, люди погибали от нищеты и унижения, вот и выбирали путь попроще да побогаче. Я хотел бы жить в каком-нибудь европейском городе, заниматься наукой, иметь дом и скромный доход. Встретить женщину, которую полюблю и которая полюбит меня. И хочу присутствовать при рождении нашей дочери. И мы ее назовем Номи. Потому что это имя не только может быть псевдонимом, оно еще имеет древние корни и означает...

– Та, которая пробудилась от сна, – тихо добавил Дэб.

На следующий день, продираясь сквозь джунгли, мы выбрались еще к одному древнему городу майя. Я пожалел, что от влажности аккумуляторы в моем фотоаппарате сели еще пару дней назад. Город был величественен и пуст. Я поднялся на самую высокую пирамиду и застыл, пораженный красотой и великолепием этого мира. Мне вдруг вспомнился рассвет в Камбодже, в легендарном храме Ангкор. Тогда и сейчас казалось, что весь мир обнажен и открыт. И его можно либо сохранить, либо уничтожить. Я прислушался к тишине, и мне показалось, что в ней я слышал любимый голос.

– Я тебя люблю, – прошептал я, и мир дрогнул, услышав мое признание. Древний город озарило солнце. Я увидел, каким он был раньше, и каким мог бы стать сейчас, если бы сюда снова вернулись майя, поверив, что **мир не так уж безумен, и что у нас все еще есть шанс.**

– Я знаю, какая твоя просьба к Долине, – сказала Номи, неслышно поднявшись ко мне на вершину пирамиды. – Мы сами придумываем границы, мы говорим себе, что то и это невозможно потому, что невозможно. Но сейчас, когда ты стоишь здесь, готов ли ты признать, что твои мечты невозможны? И что ты готов от них отказаться в силу условностей: обстоятельств, границ, людей? Иногда нужно перешагнуть через невозможное. И понять, что мечты сбываются, и все складывается в судьбе наилучшим образом.

– Как говорили древние китайцы, дорога в тысячу миль начинается с первого шага...

Мы спустились вниз и пошли вслед за Дэбом и Хогом, но когда увидели впереди небольшое лесное озеро, не выдержали и стремглав ринулись к воде. Вода была удивительно прозрачна, и мы плескались с Номи, как дети, крича на все джунгли от радости и восторга. Дэб и Хог сбросили тяжелые рюкзаки и теперь сидели на камнях, опустив ноги в прохладную воду. Рэм смотрел на нас иронично, а Дэб снисходительно.

– Ну, вот, Нежданов, – сказал Дэб. – Ты все-таки искупался в источнике вечной молодости. Поздравляю. Эта водичка похлеще молодильных яблочек, теперь никогда не постареешь.

От неожиданности я ушел под воду. Вынырнул и спросил:

– Это шутка?

– Дэб когда-нибудь шутил? – вопросом на вопрос ответил Рэм и прямо в одежде нырнул вслед за нами.

Когда мы чуть обсохли и подкрепились скудными припасами, Дэб показал едва заметную тропку.

– Нам туда. Это старый путь майя. Путь к Долине. Теперь все зависит от вас – того, кто слышит и того, кто видит.

Мы с Номи пошли вперед, ступая осторожно. Перед нами было огромное каменное плато, покрытое рисунками и письменами и заросшее травой.

– Ты что-нибудь видишь? – спросила Номи.

– Ты что-нибудь слышишь? – шепотом ответил я.

Глазам неожиданно стало больно. Я резко остановился, выдернув свою руку из ее руки. И скорее интуитивно понял, что Номи прижала ладони к ушам, словно ей было больно.

– Папа, у тебя на шее кулон, дай мне его, – хрипло сказала Номи.

Рэм послушно снял кристалл. Номи, преодолевая боль, присела и вставила кристалл в едва заметное отверстие в плите.

Из глаз полились слезы, я заморгал и вдруг...

Вдруг мир стал совсем иным. Голографичным. Нестерпимо ярким и цветным. Все стало невероятно объемным и вместе с тем прозрачным. И я увидел все расставленные ловушки на пути к Долине. Их было так много, что казалось, их невозможно пройти.

– Многие из них – иллюзия, – ответила Номи. Она явно слышала мои мысли. И здесь есть другие ловушки. Я их слышу.

– Что нам делать?

В Номи пробудилась решительность:

– Саша, ты идешь первым, поскольку видишь большинство ловушек. Я встану за Сашей. Папа ты встанешь за моей спиной, вплотную. Дэд встанет за тобой. Мы будем делать шаг по счету. Очень медленно. Вы слушаете, что говорит Саша, и слушаете меня.

Саша, твой ход.

– На счет три один шаг влево. Раз, два, три.

Мы шагнули влево. Там, где мы только что стояли, осыпалась земля, и мне показалось, что я увидел в яме человеческие кости. В яме были кольца.

– Пригнись, – закричала Номи.

Мы синхронно согнулись, и над нами, ровно в том месте, где секунду назад были наши головы, пронеслись стрелы.

– Теперь снова шаг влево. Раз, два, три.

– Пригнись! – истошно завопила Номи. Над нами снова что-то смертельно щелкнуло.

На десятой минуте этого лабиринта я взмок. Пот застилал глаза. Сложнее всего было синхронно делать шаг вперед, но, в конце концов, мы приноровились, все-таки мы были одной командой. То там, то здесь мы натыкались на человеческие кости, выбеленные солнцем и временем.

На двадцатой минуте я скомандовал:

– Шаг вправо.

Номи тут же меня остановила:

– Стоп! Туда нельзя! Там змеи, Саша. Много змей.

Я взглянул в густую траву, сплетенную в причудливые клубки.

– Нет там никаких змей.
– Есть, я слышу, как они сплетены в клубок.
– Тогда почему я их не вижу?
– Они какие-то неправильные, – после паузы сказала Номи. – Словно спят. И кажутся травой.

– По-моему, мы все спятили, – в сердцах ответил я, не зная, что делать дальше. – Стоим тут, как четыре идиота – герои ролика на Youtube с многомиллионными просмотрами.

Дэб осторожно поднял камень и бросил его туда, куда указала Номи. Трава зашевелилась, и к нам поползли твари всех цветов и мастей. Мы замерли.

– Не шевелитесь, – едва слышно сказал Дэб. – Не шевелитесь. **Джиби Вампум Коатликуе...**

После этих слов браслеты с моего запястья и запястья Номи развязались сами собой и скользнули на землю, превратившись в двух юрких змеек. Они быстро исчезли в траве, и вслед за ними потянулись остальные твари.

– Ничего себе, – пробормотал Рэм. – Хорошо, что я уже неделю не пью, а то подумал бы, что у меня белая горячка.

И снова продолжился этот изнурительный путь. И когда стало казаться, что ему не будет конца, а силы уже на пределе, все закончилось.

Мы оказались перед зарослями лианы, а когда их раздвинули...

– Вот она, – сказал Дэб. – Долина тысячи снов.

Долина казалась бесконечной и прекрасной. Устланная ковром из цветов, она жила и дышала, а в воздухе царило многоцветье из бабочек.

– Да их тут не тысячи, их миллиарды, – прошептала Номи.
– Столько же, сколько и жизней на планете. У каждого свой сон. Своя жизнь.

– И как выбрать свою? – задумчиво спросил Рэм.

Вместо ответа Дэб подошел к нему и прижал ладони Рэма к своему сердцу.

– Ты мой друг. Навсегда.

Потом он повернулся к нам и обнял сначала меня, потом Номи.

– Спасибо. Вы вернули мне истинную жизнь.

Он шагнул в Долину и счастливо протянул руку... Сначала ничего не происходило. Я видел, как губы Дэба шевелились в беззвучной молитве, и понял, что он просил этот мир вернуть ему жизнь с его Наттой. На смуглую ладонь села бабочка. Она была прекрасна, словно ночь, переходящая в рассвет. Дэб шагнул вперед, протягивая руки, и мне показалось, что я увидел Натту, красивую и молодую, несущую свой большой живот... И вдруг он исчез.

– Теперь мы, – смущенно улыбнулась Номи.

Она крепко держала отца за руку.

– Вдвоем?

Рэм усмехнулся:

– Сон у нас один на двоих. Спасибо тебе, Саш. Ты прав, это было лучшее приключение в жизни.

– Спасибо, – Номи приподнялась на цыпочки и, покраснев, поцеловала меня в щеку.

Они нерешительно сделали несколько шагов, и в подставленные ладони скользнули две бабочки. Я моргнул – и увидел одну: она сидела на переплетенных пальцах отца и

дочери и чуть подрагивала золотыми крылышками. Я почувствовал запах роз из палисадника и женский голос, зовущий Рэма и Номи обедать.

...Они тоже исчезли в мгновение ока.

Это было странное ощущение – остаться одному посреди джунглей, в месте, которого нет на карте. Там, где сбываются мечты и начинается новая жизнь. Мне не было страшно...

Босые ступни почувствовали прохладу и мягкость травы, на щеки осыпалась пыльца, я зажмурил глаза и протянул руку. Она была почти невесомая, легкая – моя мечта о другой жизни. Я открыл глаза: темно-синяя, с белыми звездами на крыльях и красными полосками. И я увидел свою квартиру там, Рекса и Тигру на окне, греющихся на солнце, океан и улыбчивый Сидней. И еще весь путь, шаг за шагом, который мне предстоит пройти, чтобы вернуться туда. Но теперь я знал: все возможно. Мы сами ставим себе границы и сами отказываем себе в вере. **Мир безграничен, и он готов принять любую нашу мечту, любое наше начинание. Мир готов помочь нам быть счастливыми.** Просто нужно переступить через невозможное... и идти с верой до конца

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

...Дождь резко закончился. Свинцовое питерское небо стремительно светлело, расцветая прозрачной осенней акварелью. Над Невским, подобно призрачному кораблю, плыла огромная яркая радуга. Казалось, протяни руку – дотронешься до нее и перенесешься на другой континент.

Я улыбнулся. Все просто. Черт возьми, как все просто.

Я набрал номер самого главного человека в моей жизни и сказал:

– Кажется, я знаю путь домой в Сидней.

Потом развернулся и сделал первый шаг по дороге к своей мечте. К своему дому и счастью.

Сентябрь 2013 – март 2014